II 225/555

ОПЫТЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО ОПРАВДАНІЯ

ПЕТРА I^го

ПРОТИВЪ ОБВИНЕНІЙ НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Карла Задлера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

V| 225/555

ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО ОПРАВДАНІЯ
ПЕТРА I^го

ПРОТИВЪ ОБВИНЕНІЙ НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Карла Задлера.

Bleibe Pfäfflein, fürcht dich nitt;
Sag' dein Sprüchlein, theil's uns mit.
WALLENSTEIN'S LAGER.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3 февраля 1861 года.

Цензоръ *К. Оберть.*

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
308624-44

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

2007099191

Въ 1860 году явилось нѣсколько статей о Петрѣ Великомъ, оправдывающихъ отзывъ Устрялова (ч. Исторія Царства Петра Великаго Н. Устрялова, томъ I, введенія стр. XXX). «Прекрасно было начало дѣписанія о Петрѣ; продолженіе далеко не соотвѣтствовало началу: писано много, но едва ли обрисована и тѣнь его величія».

Тѣ статьи, о которыхъ мы будемъ говорить, относятся болѣе къ Петру, какъ къ частному лицу, чѣмъ какъ къ правителю. Онѣ силятся доказать, что онъ былъ неправосуденъ, пристрастенъ, непостояненъ и жестокъ.

Разсмотримъ сначала кратчайшую изъ нихъ, статью г–на Ц., напечатанную подъ заглавіемъ: «*Фрейлина Гамильтонъ*» (статья эта напечатана въ Сѣверной Пчелѣ 1860 г., № 73, и подписана буквою Ц; но въ извлеченіи изъ Сѣверной Пчелы, 1-го апрѣля 1860 г., помѣщена на стр. 13, и уже подписана: А. Циммерманъ). По его вызову нѣкоторые изъ писателей доставили дополнительныя къ сей статьѣ свѣдѣнія, частію въ Сѣв. Пчелу, частію въ С.–Петербургскія Вѣдомости; но замѣчательнѣйшія свѣдѣнія сообщены г. Семев-

скимъ, въ статьѣ его подъ заглавіемъ тоже: *Фрейлина Гамильтонъ* (см. сентябрьск. кн. Отеч. Запис. 1860 г.). Статья эта доказываетъ, что авторъ ея вполнѣ изучилъ литературу того времени.

Статья Циммермана можетъ подать поводъ къ однимъ только разсужденіямъ, но отнюдь не къ обвиненію Петра относительно Гамильтонъ; самъ положительный Семевскій не рѣшается на это, сказавъ на стр. 240: «Не станемъ распространяться о томъ: вѣрно или не вѣрно сужденіе неизвѣстнаго автора».

Послѣ такой осторожности со стороны подобнаго авторитета, какъ г. Семевскій, невольно проникнемся чувствомъ сильнаго негодованія къ современнымъ русскимъ историкамъ, прочитавъ статью Погодина* (см. Русск. Бесѣда 1860 г., № 1). Возьмемъ для примѣра хоть одинъ слѣдующій отзывъ Циммермана: «Въ то время уже дѣло царевича было порѣшено, Алексѣй Петровичъ скончался, и потому можно было *свободно заняться и другими розысками*». Подобный отзывъ не выражаетъ ли явно желаніе автора доказать, что розыски составляли какъ бы особый предметъ занятій Петра, и что, какъ человѣкъ, онъ былъ мало доступенъ нравственности, а какъ правитель не достаточно заботился о прочихъ дѣлахъ управленія?* Еще полнѣе и строже, съ основательными историческими познаніями (которыхъ у г. Циммермана совершенно недостаетъ) уничтожилъ достоинства Петра, какъ человѣка, г. Погодинъ, и представилъ его карателемъ человѣчества! И объ этомъ сочиненіи произноситъ свое сужденіе г. Семевскій (стр. 277; прим. 79): «По поводу VI тома Исторіи Петра, соч. Устрялова, написано было нѣсколько статей. Между всѣми

ими занимаетъ первое мѣсто изслѣдованіе. М. П. Погодина. Этотъ трудъ въ высшей степени замѣчателенъ, и тѣмъ болѣе долженъ быть интересенъ для всѣхъ, что ученый авторъ, 30 лѣтъ тому назадъ, перепечатывая розыскное дѣло 1718 г., предпослалъ ему, въ видѣ догадки, свой взглядъ на весь этотъ ужасный эпизодъ царствованія Петра. Догадка оправдалась. и чрезъ 30 лѣтъ развита тѣмъ же историкомъ въ рядъ въ высшей степени самобытныхъ взглядовъ».....

«Изслѣдованіе г. Погодина проливаетъ яркій свѣтъ на Петра, Екатерину, Меншикова, Царевича, его сторонниковъ, и судей. Статья эта останется навсегда драгоцѣннымъ достояніемъ нашей небогатой литературы историческихъ изслѣдованій о XVIII вѣкѣ».

Совершенство не есть удѣлъ человѣка. Однако Петръ, въ сравненіи со всѣми прочими правителями, близко подходитъ къ совершенству. Суровость и жестокость суть тѣневая сторона его образа, онѣ привиты ему вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ, и какъ пята Ахилла могутъ служить цѣлью для стрѣлъ непріятеля. Къ чести его можемъ еще прибавить, что и въ жестокости онъ далеко не превзошелъ свой вѣкъ: его сестра и предшественница Софія была столько же жестока, и притомъ менѣе законна; равно какъ и современники его, когда на долю ихъ выпадалъ судъ, какъ–то: Ромадановскій, Шейнъ и проч. высшіе сановники.

Предпринимая защиту Петра, мы приготовились къ сильнымъ нападеніямъ. Быть можетъ иные упрекнутъ насъ въ томъ, что иностранецъ хочетъ быть судьею въ дѣлѣ Русской Исторіи. Пусть это обстоятельство послужитъ намъ извиненіемъ, если въ рѣчи

нашей встрѣтятся обороты и выраженія, обличающіе незнаніе русскаго языка, и доказывающіе ясно, что мы думали на одномъ, а писали на другомъ языкѣ.

Въ великомъ дѣлѣ защиты Петра мы не одни; вотъ нѣсколько именъ тѣхъ, которые раздѣляютъ наши убѣжденія,—они могутъ служить достаточнымъ авторитетомъ: изъ русскихъ писателей: Ѳеофанъ, купецъ Полотковъ, Неплюевъ, инвалидъ Кириловъ, Нестесуранной, Екатерина II, Голиковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ и Устряловъ; изъ иностранныхъ: Софія Доротея Ганноверская, голландскій корабельный мастеръ Cornelius Calf, прусскій инженеръ Stertner von Sternfeld, le duc de St. Simon, Fénélon, графъ Мюнних, Doctor Scherdo-Vanderbeck, Baron de Baluze и Heinz, французскій и датскій посланники при Петрѣ, ганноверскій резидентъ Веберъ, Churchill, von Halem, Voltaire, Strahlenberg, Scheltema.

Вотъ и сужденіе одного изъ писателей послѣдней половины прошлаго столѣтія (см. Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго, князя М. М. Щербатова, въ чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1860 г., книга I, стр. 8—9):

«Могу ли я послѣ сего дерзнуть какія хулы на сего Монарха изречи? Могу ли данное мнѣ имъ просвѣщеніе яко нѣкоторый измѣнникъ похищенное оружіе, противу давшаго мнѣ, во вредъ ему обратить? Однако, прости мнѣ, великая душа, если не для охуленія твоего, но для защищенія твоего имяни, осмѣлюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль ихъ добродѣтели превосходили, а самымъ тѣмъ поразить тѣ неблагодарныя сердца, которыя, забывъ твои бла-

годѣянія, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзаютъ многія хулы на тебя изблевывать. Колико не есть мое почтеніе къ тебѣ, но не затмитъ оно во мнѣ справедливости, и я потщуся испросить отъ Кліи то златое перо, коимъ на наикрѣпчайшихъ мраморахъ, подъ надзираніемъ истины, она дѣла Монарховъ изображиваетъ. Утверждаюсь въ дерзкомъ моемъ предпріятіи, ибо душа твоя, бывъ одѣяна тлѣнною одеждою, часто жестокія истины отъ подданныхъ своихъ вкушала, то коль наипаче, когда сія между безплотными, изрѣченныя мною истины тебѣ не противны будутъ».

ДѢЛО ФРЕЙЛИНЫ ГАМИЛЬТОНЪ.

Въ 73 № Сѣверной Пчелы напечатана статья г. Циммермана «Фрейлина Гамильтонъ». Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Мы покорнѣйше просимъ занимающихся историческими изслѣдованіями эпохи Петра Великаго, въ особенности г. Семевскаго, поискать еще какихъ-либо свѣдѣній о Гамильтонъ». Пользуясь этимъ вызовомъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Циммермана, которыя, хотя не будутъ представлять новыхъ матеріаловъ по дѣлу фрейлины Гамильтонъ, но послужатъ, можетъ быть, къ большему уясненію уже имѣющихся.

Одинъ изъ пороковъ женщины, о которой идетъ рѣчь, былъ тотъ же, что и у «Дѣтоубійцы» Шиллера:

Schönheit war die Falle meiner Tugend,
Auf der Richtstat hier verfluch ich sie.

Кромѣ красоты, она обладала пріятнымъ умомъ и необыкновенною любезностью. Штелинъ говоритъ о ней, что: Der Zar dieses anmutige Fräulein wohl leiden mochte, öfters mit ihr zu scherzen, und ganze Stunden bei ihr zu zubringen pflegte, ja, wie man glaubt, auch wohl manche Galanterie mit ihr getrieben haben mochte» (*).

Не вдаваясь въ біографическія подробности, мы постараемся привести въ ясность собственно тѣ обстоятельства, которыя прямо относятся къ процессу Гамильтонъ. Посмотримъ: 1) была–ли она дѣйствительно дѣтоубійцею? —

2) Какъ наказывали законы тѣхъ временъ дѣтоубійство?—(**)

3) Была–ли Гамильтонъ осуждена уголовнымъ судомъ или просто волею Монарха? —

4) Почему Царь не только ее не помиловалъ, но еще приказалъ пытать *въ другорядь?*

Это послѣднее повелѣніе Петра рождаетъ слѣдующіе вопросы относительно Гамильтонъ: на сколько заслуживаетъ она наше участіе? Была ли она невинная жертва соблазна и одного ли она любила? Одного или нѣсколькихъ дѣтей она погубила? Въ другихъ отношеніяхъ была ли она строго нравственна?

Г. Циммерманъ поставилъ себѣ задачею оправдать незаконно–осужденную:—это видно изъ первыхъ словъ его статьи:

(*) Анекдотъ № 88.

(**) Въ законоположеніяхъ того времени нѣтъ особыхъ пунктовъ о дѣтоубійствѣ, и потому придется въ этомъ случаѣ ограничиться тѣмъ, что сказано объ убійствѣ вообще.

«Въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка есть много лицъ, которыхъ трагическая судьба должна была спасти отъ забвенія. Эти блѣдныя, окровавленныя тѣни, участь которыхъ мало трогала жесткія, недоступныя состраданію сердца людей, жившихъ въ то ужасное время, встаютъ теперь, одна за другой, изъ могилъ, и являются передъ судомъ потомства, требуя очищенія памяти ихъ отъ *неправеднаго осужденія* и произнесенія *новаго успокоительнаго для нихъ приговора.*»

Относительно узаконеній того времени онъ замѣчаетъ, что, по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, лѣтоубійство наказывалось *не смертью,* а лишь годичнымъ заключеніемъ (*).

Изъ VI тома «Исторіи» г. Устрялова приведена г. Циммерманомъ резолюція Государя о пыткѣ Гамильтоновой: «Деньщика Орлова прислать за карауломъ на Котлинъ-островъ, а *Гаментову* (**) пытать вдругорядь. И буде въ другомъ розыску скажетъ тожъ, что и въ первомъ, а на Орлова ничего не покажетъ, и того Орлова сослать на каторгу, на время, безъ наказанія.»

Далѣе слѣдуютъ предположенія и догадки автора: «Что было настоящею причиною ея осужденія на смерть? Не замѣшалась ли тутъ ревность другой женщины? Неизвѣстно, присутствовалъ ли Петръ Алексѣевичъ

(*) «А буде отецъ или мать сына или дочь *убьетъ до смерти*, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, и, отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіи, и у церкви Божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ, и людямъ вслухъ, *а смертію отца и матери за сына и за дочь не кажити.* (Гл. XXII, ст. 3).

(**) У Голикова она названа Гамелтова.

при пыткахъ Гамильтонъ. Въ то время уже дѣло царевича было порѣшено, Алексѣй Петровичъ скончался и *потому можно было свободно заняться и другими розысками.*» Теперь постараемся изложить ходъ дѣла по всѣмъ имѣющимся у насъ даннымъ, и мѣстами будемъ возражать г. Циммерману.

Была-ли Гамильтонъ дѣтоубійцею, ясно можно видѣть изъ Голикова (Дѣянія Петра Великаго, т. XV, отд. 2, Анекдоты, стр. 182, I.XXXII, изд. 1843 г.)

«Деньщикъ Его Величества, Иванъ Михайловичъ Орловъ, узнавъ объ одномъ тайномъ по вечерамъ сходбищѣ, и о составляющихъ оное людяхъ, подалъ о семъ ввечеру-же Монарху записку. Великій Государь, прочтя оную, положилъ въ карманъ сюртука своего: но какъ карманъ подпоролся, то ошибкою бумага попала между сукномъ и подкладкою».

«Сюртукъ сей Монархъ, ложася почивать, обыкновенно приказывалъ класть или подъ подушку свою, или на стулѣ у кровати».

«Когда же Его Величество заопочивалъ и г. Орловъ, окончившій дневанье свое, прогулялъ съ пріятелями своими всю ночь, Монархъ, проснувшись, захотѣлъ записку ту разсмотрѣть точнѣе; но, не найдя оной въ карманѣ, заключилъ, что она украдена, и крайне прогнѣвался; онъ приказалъ позвать къ себѣ г. Орлова, который раздѣвалъ его, но его не нашли. Естественно должно было Государю въ большій отъ сего придти гнѣвъ; онъ велѣлъ его сыскать скорѣе; поелику же долго его сыскать не могли, то тѣмъ больше гнѣвъ его долженъ былъ увеличиться. Наконецъ, сысканъ будучи, Орловъ узналъ, что Монархъ чрезмѣрно на него гнѣвается; не вѣдая жъ тому причины,

заключилъ, что конечно узналъ Государь о любовной его связи съ камер-фрейлиной Гамильтоновою, любимицею Ея Величества. Въ таковыхъ мысляхъ вышедши, и увидя Монарха весьма гнѣвнаго, упалъ къ ногамъ его, вопія: «виноватъ, Государь! люблю Марьюшку!» (такъ называлась фрейлина оная). Государь, изъ сего увидя, что въ похищеніи бумаги онъ невиненъ, успокоился, особливо же когда въ то же самое время дневальный деньщикъ, г. Поспѣловъ, сыскавъ оную въ сюртукѣ, принесъ къ Монарху, сказавъ гдѣ онъ ее нашелъ.»

«И такъ, съ спокойнымъ уже видомъ, спрашивалъ Государь Орлова: давно ли онъ любитъ ее?—Третій годъ.—Бывала ли она беременна?—Бывала.—Слѣдовательно и рожала?—Рожала, но мертвыхъ.—Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ?—Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нее сіе зналъ, отвѣтствуетъ Орловъ. Къ несчастію сея любовницы, не за долго предъ тѣмъ, при чищеніи нечистотъ, найденъ мертвый младенецъ, завернутый въ дворцовой салфеткѣ, но не могли тогда дойти до виновницы того. Изъ отвѣтовъ же сихъ заключилъ Монархъ, что сія убійца есть точно Гамильтонова. Онъ тотъ же часъ призываетъ ее къ себѣ и, при Орловѣ же, спрашиваетъ ее о томъ. Къ несчастію виновная сія вздумала въ томъ запираться, и клятвенно невинность свою утверждать; однакожъ наконецъ, бывъ уличена постыдною ея любовью съ Орловымъ, принуждена была *признаться* во всемъ *и что уже двухъ такимъ образомъ погубила младенцевъ.*»

Относительно убійства вообще, мы нашли законы не только Алексѣя Михайловича, но и *самаго Петра*, 1703, 1704, 1715 и 1716 годовъ, *слѣдовательно всѣ изданные до сужденія Гамильтонъ.* У Алексѣя Михай-

ловича мы только встрѣчаемъ слово «убійство» (*). но законы Петра говорятъ гораздо яснѣе: «кто кого *волею* и *нарочно*, безъ нужды и смертнаго страха *умертвитъ*. (**)

(*) Буде который сынъ или дочь учинитъ отцу своему или матери, смертное убійство, и ихъ за отеческое или материое убійство *казнити* смертію безо всякія пощады.

А буде который сынъ или дочь отцу своему или матери смертное *убійство* учинитъ съ иными съ кѣмъ, а сыщется про то до прямa, и по сыску тѣхъ, которые съ нимп такое дѣло учинятъ *казнити смертью же безо всякія пощады*. (Уложеніе, Гл. XXII, §§ 1, 2.)

(**) Въ полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи мы находимъ слѣдующіе Указы Петра I: именной его отъ 19 Ноября 1703 г. (изд. 1834 г. т. IV, стр. 228, № 1951.) «На Москвѣ во всѣхъ приказахъ приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ, въ Его Государевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ, и въ бунтѣ, и въ *смертныхъ умышленныхъ убивствахъ*, или кто кого какимъ смертнымъ питіемъ или отравою уморитъ и тѣхъ людей, за тѣ ихъ вины, *казнити смертію.*»

Стр. 240, № 1957, 1704 года:

«Великій Государь указалъ: воровъ и разбойниковъ, которые въ *убивствѣ*, въ прямомъ воровствѣ, измѣнѣ и бунтѣ, *казнить*, а которые кромѣ вышеписанныхъ винъ, а по законамъ достойны смерти, тѣхъ бить кнутомъ и, запятнавъ пятнами, послать вѣчно въ каторгу.» Именной Указъ 4 Ноября 1715 г. (Полн. Собр. Зак. Гл. V, № 2953). Великій Государь указалъ: «въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквахъ, у которыхъ пристойно, при оградахъ сдѣлать госпитали, въ Москвѣ мазанки и въ другихъ городахъ деревянныя, такожъ, какъ о такихъ же дѣлахъ боготщательное и душеспасительное осмотрѣніе преосвященный Іовъ Митрополитъ Новгородскій учинилъ въ великомъ Новгородѣ. И избрать искусныхъ женъ для сохраненія зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, и стыда ради отметываютъ въ разные мѣста, отъ чего оные младенцы безгодно помираютъ, а иные отъ тѣхъ же, кои рождаютъ и умерщвляются. И для того объявить указъ, чтобъ такихъ младенцевъ въ непристойные мѣста не отметывали, но приносили бъ къ вышеозначеннымъ госпиталямъ, и клали тайно въ окно, чрезъ какое закрытье, дабы приносящихъ лица было

Что Гампльтонъ осуждена на смерть по опредѣленію суда, а не просто Монаршею волею, то *подтверждаетъ* Голиковъ: «Монархъ повелѣвалъ *виновную*, яко смертоубійцу и нераскаянную, *отдать уголовному суду.*»

Судъ сей не могъ не осудить ее на смерть; опредѣленіе сіе монархъ подтверждаетъ, и дается ей нѣкое время на покаяніе и пріуготовленіе себя къ казни.»

Повидимому г. Циммерману извѣстна только третья статья Уложенія, Гл. XXII, гдѣ сказано: «А буде отецъ или мать сына или дочь убьетъ до смерти и проч.» Удивительно, что авторъ не замѣтилъ §§ 1 и 2 этой главы Уложенія, тогда какъ упоминаемый имъ третій § тотчасъ за ними слѣдуетъ. Прочитавшему всѣ три статьи должно показаться страннымъ, что первыми двумя повелѣвается казнить смертію дѣтей, которые убили родителей, тогда какъ по 3-му § за убійство дѣтей родителями опредѣляется незначительное наказаніе. Безъ сомнѣнія законодатель имѣлъ на то особенныя причины; иначе можно ли допустить, чтобъ родители, пережившіе молодость съ ея страстями и увлеченіями, наказывались менѣе строго, нежели дѣти, которые, по молодости, часто поступаютъ необдуманно?

не видно. А если такія незаконнорождающія явятся въ умерщвленіи тѣхъ младенцевъ, и опыя за такія злодѣйственныя дѣла сами *казнены будутъ смертью.*

Въ Воинскомъ Уставѣ, отъ 30 Марта 1716 г., гл. XIX, артикулъ 154, стр. 364, Полнаго Собранія: «Кто кого *волею* и *нарочно*, безъ нужды и безъ смертнаго страха, *умертвитъ* или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, *онаго кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь.*»

Мысль законодателя дѣлается ясною, если припомнить законъ Петра, тоже въ Воинскомъ Уставѣ 1710 (Полное Собраніе стр. 366): «Если случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, и такое въ достойной и въ должной его чиновной ревности зло учинится, что *наказанный отъ того наказанія умретъ*, то вѣдати подлежитъ, что оный главный *по мнѣнію правоучителей*, не животомъ, но жестоко имѣетъ быть наказанъ. либо отставленіемъ чина на время, и службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ, или вербованіемъ иныхъ солдатъ.»

Сравнивая законъ Алексѣя съ закономъ Петра, неминуемо приходимъ къ тому заключенію, что въ тѣ времена власть родителей и главныхъ или начальниковъ была неограничена, и оправдывалась самимъ законодательствомъ. Не ясно ли также, что въ этихъ двухъ параграфахъ говорится объ убійствѣ *нечаянномъ*, между тѣмъ какъ убійство, учиненное Гампльтонъ, было совершено *волею и нарочно?*

Говоря о причинахъ, по которымъ Царь не помиловалъ Гампльтонъ, г. Циммерманъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Голикова: «Наканунѣ казни Гампльтоновой, царица Параскева Ѳеодоровна позвала Монарха къ себѣ съ Государынею, и пригласила къ тому же графовъ: Апраксина, Брюса, Толстова. По прибытіи Ихъ Величествъ и сихъ особъ, въ продолженіи разговоровъ, царица склонила рѣчь на несчастную Гампльтонъ; извиняла преступленіе ея слабостью человѣческою, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ Государѣ, милосердіе, уподобляющее его Богу, предъ Которымъ всѣ смертные виновны и нечисты,

но Онъ терпитъ оныя и ожидаетъ покаянія нашего и проч. Сіи разсужденія царицыны утверждали, какъ самыя справедливѣйшія, и помянутыё министры, заключая свои разсужденія словами Псалмопѣвца: «аще беззаконія узриши Господи, кто постоитъ? и проч.»

«Монархъ, все то выслушавъ терпѣливо, не перебивая рѣчей ихъ, спросилъ невѣстку: чей законъ есть на таковыя злодѣянія? Царица должна была признаться, что въ началѣ Божій, а потомъ Государевъ. Чтожъ именно законы сіи повѣлеваютъ? не то ли, что, *проливаяй кровь человѣческую, да прольется и его?*» Должна была подтвердить она и сіе, что за смерть—смерть. «А когда такъ, сказалъ паки Государь, то разсуди, невѣстушка, ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣла моего нарушить, то коль тяжчае Законъ Божій уничтожить?» И обратяся къ помянутымъ особамъ, сказалъ: «Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахаавомъ, которые неразсудною милостью законъ Божій преступя, погибли тѣломъ и душею; и если имѣете смѣлость, то *возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите, я спорить не буду.*» Послѣ сего всѣ *умолкли не смѣя ни на себя взять*, и ниже просить за несчастную Государя, и царица увидѣла себя принужденною замять рѣчь, говоритъ паки г. Татищевъ, шуточнымъ прикладомъ. И такъ бѣдная Гамильтонъ заплатила за убійство рожденныхъ ею младенцевъ своею головою, которая на другой день была отрублена публично.»

Не ясно ли видно изъ разсказа Голикова, что Государь въ поступкѣ Гамильтонъ видѣлъ преступленіе тяжкое, къ которому отнюдь не примѣнялъ 3-й § XXII

главы Уложенія? Что на вопросъ его: «чей законъ на таковое злодѣяніе» всѣ присутствовавшіе отвѣтствуютъ, что право воздаянія принадлежитъ въ этомъ случаѣ Богу и Государю и, наконецъ, что на предложеніе его принять это дѣло на свою совѣсть—всѣ безмолвствуютъ?

Законъ Божій, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, тоже полагаетъ смерть за убійство. Слѣдующія мѣста изъ Моисея ясно доказываютъ, что «проливаяй кровь человѣческую, да пролѣется и его.» Кн. I. гл. 9, ст. 6; Кн. II. гл. 21, ст. 12; Кн. III, гл. 24. ст. 17 и Кн. IV, гл. 35, ст. 16.

Что Гамильтонъ была подвергнута пыткѣ, тоже совершенно понятно, хотя и невозможно оправдать эту мѣру. Надобно припомнить, что Гамильтонъ сначала *клятвенно* утверждала, что она невинна; могла же она и не вполнѣ сознаться, и скрыть нѣкоторыя обстоятельства дѣла? «Монархъ паки спрашиваетъ ее: не зналъ ли о семъ Орловъ?» Не зналъ, отвѣчаетъ она; но Монархъ, все-таки имѣя на него подозрѣніе, повелѣваетъ «его отвести въ крѣпость подъ стражу, а виновную, яко смертоубійцу и не раскаянную, отдать уголовному суду». Орловъ, знавшій о томъ, что Гамильтонъ была два раза беременна, могъ знать и объ убійствѣ младенцевъ. Царь непремѣнно хотѣлъ знать истину. Пытка была оракуломъ тѣхъ временъ, и не въ одной только Россіи. Но, по нашему мнѣнію, если уже слѣдовало пытать, то развѣ Орлова, а никакъ не Гамильтонъ, которая за свои поступокъ и безъ того приговаривалась къ смерти. Сверхъ того, если она точно любила Орлова, что можно съ вѣроятностью допустить, то и передъ смертью вынесла бы

пытку, чтобы и его тоже не погубить своими показаніями. Г. Циммерманъ приводитъ изъ Вонискаго Устава смягчительный Указъ о пыткѣ: «Надлежитъ Судьѣ оныхъ особъ, которыя къ пыткѣ приводятся, разсмотрѣть, и усмотря твердыхъ, безстыдныхъ людей жесточае, тѣхъ же, кои деликатнаго тѣла и честные суть люди, легче пытать».

Изъ этого Указа авторъ выводитъ слѣдующее заключеніе: «И потому, можетъ быть, Гамильтонъ получила не столько ударовъ (*), сколько давали упорно запиравшимся, но все-таки *пытъ сомнѣнія*, что ее пытали этимъ способомъ (такъ сказать классической русской пыткой), то есть кнутомъ на вискѣ, а не инымъ какимъ либо».

Нѣсколько выше читаемъ: «извѣстно, что въ этой пыткѣ подсудимому связывали руки веревкой, другой конецъ которой былъ продѣтъ въ кольцо и блокъ, утвержденные въ сводѣ застѣнка; такимъ образомъ поднимали вверхъ подсудимаго, у котораго оттого *дѣлался вывихъ руки*» и проч.

Авторъ могъ удостовѣриться, не только изъ означенныхъ анекдотовъ Штелина, но также изъ приведенной имъ выдержки изъ сочиненія г. Солоницына «Царь—рука Божія», что осужденной дано было три дня на покаяніе; что ее всѣ очень любили; что она была благотворительна; наканунѣ казни посѣтили ее очень многіе изъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ; и она трогательно прощалась съ ними. Въ день казни

(*) На это находимъ отвѣтъ у г. Семевскаго въ Журналѣ Гарнизонной Канцеляріи (стр. 290 и 292). Гамильтонъ получила, какъ 21 іюня, такъ и 5 августа, каждый разъ по пяти (5) ударовъ.

она была *элегантно одѣта* въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами».—Такъ не нарядится женщина съ «вывихнутыми руками». Притомъ страданія отъ жестокой пытки такъ ужасны, что если Гамильтонъ была ей подвергнута, то едва ли была бы въ силахъ потомъ принимать посѣтителей. Всѣ дѣйствія Петра по этому дѣлу, за исключеніемъ пытки, вполнѣ справедливы. Онъ любилъ Гамильтонъ, любилъ почтенную невѣстку (*), преданную жену, уважаемыхъ министровъ, которые всѣ просятъ помиловать виновную, но онъ *не считаетъ себя уполномоченнымъ дѣйствовать вопреки законовъ Божіихъ и Царскихъ.* Сколько чести дѣлаютъ Петру эти слова: «Если имѣете смѣлость, то возьмите на свои души сіе дѣло, — я спорить не буду». Могъ ли справедливѣйшій блюститель законовъ предложить бо́льшую уступку? Скорѣе можно упрекнуть тѣхъ, которые не посмѣли принять на себя грѣхъ преступницы.

Поверхностные судьи часто видятъ дикую жестокость даже въ тѣхъ поступкахъ Петра, которые были внушены ему совѣстью, и свидѣтельствуютъ только о его великой твердости. Яснымъ тому доказательствомъ служатъ слова Штелина о послѣднихъ минутахъ Гамильтонъ. Государь прибылъ туда, простился съ нею, поцѣловалъ ее, и говорилъ ей: «Безъ нарушенія

(*) Съ какою твердостію дѣйствовалъ тутъ Петръ видно изъ словъ Семевскаго на стр. 299: «Параскева не отказалась отъ попытки умилостивить Петра, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ выполняла обычай старины, когда по словамъ Котошихина: «Царица или Царевны—царю били челомъ», при чемъ царь по ихъ прошенію все доброе чинилъ, отъ бѣдъ и смертей освобождалъ».

божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти. И такъ прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только ему съ раскаяніемъ и вѣрою». Потомъ она стала на колѣни и начала молиться, а какъ Государь отворотился, то палачъ отрубилъ ей голову. Хотя Голиковъ и Штелинъ наводятъ на предположеніе, что Петръ былъ прежде въ связи съ Гамильтонъ, хотя г. Циммерманъ приводитъ изъ біографіи дѣвицы Крамеръ (*) въ Russische Günstlinge подобные же намеки; но это опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ лично допрашивалъ Гамильтонъ. Зная за собою такой грѣхъ, могъ ли бы онъ допрашивать? И она, если допустить это предположеніе, могла ли бы *клятвенно свою невинность утверждать*? Впрочемъ это наши догадки, а не историческія доказательства.

Удивительно, какимъ образомъ г. Циммерманъ, приведя слова Голикова о ходатайствѣ Государыни за виновную (**), далѣе дѣлаетъ такое, совершенно противорѣчащее предположеніе: «*Не замѣшалась ли при ея осужденіи ревность другой женщины?*» Кто, кромѣ Екатерины, могъ здѣсь ревновать? И какъ согласить ревность съ предстательствомъ ея предъ Государемъ за обвиненную? Екатерина Алексѣевна, Параскева Ѳедоровна и всѣ министры принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ Гамильтонъ; придворныя дамы и кавалеры посѣщаютъ ее; она всѣми любима... Какое же осно-

---

(*) Бывшая у Гамильтонъ въ услуженіи.

(**) «Монархиня употребила свое и любимыхъ государемъ министровъ стараніе и просьбу объ избавленіи ея отъ смерти».

ваніе имѣлъ г. Циммерманъ говоритъ о «...жестокихъ, *недоступныхъ состраданію сердцахъ людей, жившихъ въ то ужасное время*»?

Здѣсь можемъ отвѣтить на вышепоставленный нами вопросъ: какой нравственности была дѣвица Гамильтонъ? Она далеко не занимала высокой степени: мы видимъ: 1) какъ она, изъ ревности къ своему любовнику Орлову, распространяетъ клеветы на государыню (см. Семевскаго, стр. 281). «Въ это время неосторожная фрейлина, всѣми силами желавшая выкопать яму своей сопернице генеральшѣ (Чернышевой), стала разсказывать княгинѣ Прозоровской, Василью Ржевскому, Баклановскому и друг., что о страсти царицыной ѣсть воскъ, и происходящихъ отъ того на лицѣ ея угряхъ, говорили Орловъ съ (генеральшею) Авдотьею Чернышевой. Марья Даниловна пустила въ ходъ эту сплетню, какъ сама потомъ сознавалась съ сердца, затѣявъ напрасно, того дня, что Орловъ часто хаживалъ къ генералъ-маіоршѣ Чернышевой, хотя его тѣмъ устрашить, чтобъ онъ къ ней, генеральшѣ часто не ходилъ, понеже она того желала.» 2) Что она своего друга и благодѣтельницу, царицу, неоднократно обкрадывала (*). 3) Она двухъ дѣтей умышленно по-

(*) Объ этомъ ея преступленіи упоминается и въ ея смертномъ приговорѣ. «Была брюхата трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила, за такое ее душегубство, также она-же у Царицы Государыни Екатерины Алексѣевны крала алмазныя вещи и золотые (червонцы), въ чемъ она въ двухъ розыскахъ повинилась, казнить смертію (Показаніе 21 іюня 1718 г.). «Будучи при Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крала, а что чего порознь не упомнитъ, и сколько не упомнитъ; и изъ тѣхъ червонцевъ деньщику Ивану Орлову дала она *триста червонныхъ*, будучи въ Копенгагенѣ».

средствомъ лекарствъ выкинула, а послѣдняго, родившагося живымъ, задушила, дабы прекратить его крики.

Любовникъ ея тоже не достоинъ уваженія; онъ былъ горькій пьяница, который (см. Семевскаго, стр. 292) во хмѣлю часто называлъ Гамильтонъ б...ю, и вѣроятно даже билъ ее; мотъ, который тратой столькихъ денегъ подалъ поводъ къ воровству у Государыни. И за все это онъ платилъ частію невѣрностью, частію такого рода признаніями при допросѣ, которыя только могли увеличить опасность Марьи Даниловны. Увлекательно написано объ немъ сужденіе Семевскаго (см. стр. 293).

Слѣдующая выходка г–на Циммермана, по нашему мнѣнію, даже не согласна съ достоинствомъ историческаго писателя: «*Неизвѣстно, присутствовалъ–ли Петръ Алексѣевичъ при пыткахъ Гамильтонъ* и т. д. до словъ: *можно было свободно заняться и другими розысками*.

Надобно согласиться, что цѣль г. Циммермана возстановить память о забытыхъ жертвахъ эпохи Петра, и его преемниковъ, далеко имъ не достигнута, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сужденія его о великихъ дѣятеляхъ того времени крайне бездоказательны. Мы видѣли, что Петръ, казня Гамильтонъ, дѣйствовалъ какъ справедливый исполнитель государственныхъ законовъ: «волею и нарочно умертвившему безъ всякой милости голову отсѣчь»; что приговоръ, имъ утвержденный, тоже долженъ быть вмѣненъ ему въ честь, а не въ обвиненіе. Что Гамильтонъ была предана пыткѣ—жаль! и жаль того, кто назначилъ пытку. Но въ тѣ времена пыталъ не только Петръ, но и вся Европа. И честь ему! Онъ первый изъ русскихъ царей

повелѣваетъ не только «деликатныхъ мягчае пытать», но при маловажныхъ случаяхъ и вовсе не допускать пытки.

Къ сожалѣнію, на г. Циммермана падаетъ три, для всякаго автора, чувствительныя обвиненія:

1) Онъ недостаточно знакомъ съ историческими фактами; 2) не дѣлаетъ различія между законами о случайномъ и умышленномъ убійствѣ; 3) позволяетъ себѣ бездоказательныя выходки къ омраченію памяти великаго Государя. Мы совершенно согласны съ заключеніемъ Семевскаго (на стр. 309): «Велико было преступленіе Маріи Гамильтонъ; жестоки и безчеловѣчны были истязанія ея (*). Страшна была и казнь, ее постигшая. Кто бы не призналъ *страшными* законы того времени, и властителя, когда онъ наказывалъ.—Но нельзя назвать несправедливостью со стороны Петра, что онъ не согласился отмѣнить смертный приговоръ».

Многіе, между прочими и Г. Циммерманъ, не хотятъ допустить, что Петръ, при своей суровости и жестокости, тоже бывалъ кротокъ и милосердъ. Для доказательства возможности соединенія этихъ качествъ въ одномъ лицѣ, мы приведемъ нѣсколько чертъ изъ характера Іосифа II,—онъ вѣдь слыветъ кроткимъ и милосердымъ. Іосифъ II вступаетъ на престолъ почти столѣтіемъ позже Петра; слѣдовательно царствуетъ въ болѣе

(*) День, въ который Гамильтонъ должна была признаться Петру въ своемъ преступленіи, вѣрно не означенъ. 21 Іюля 1718 г. была первая пытка, 5-го Августа вдругорядь. Произнесеніе смертнаго приговора протянулось до 27 Ноября, а казнь послѣдовала только 14 Марта 1719 года.

просвѣщенное время, надъ народами, превосходящими Русскихъ благоправіемъ и образованностью, какъ напр. Брабантцами и Ломбардцами. Посмотримъ какіе законы находятся въ его «положеніи о казняхъ» 13 января 1787 года.

Въ первой части объ уголовныхъ преступленіяхъ, находится слѣдующее: § 21. Послѣдующія уголовныя наказанія суть: (*) приковываніе; темница съ публичной работой; только темница; побои палками, плетьми (Karbatsche), и розгами; выставленіе у позорнаго столба.

§§ 22 и 23. Сроки заключенія въ темницѣ слѣдующіе: a) *долговременный второй степени*; въ этомъ случаѣ заключеніе продолжается не менѣе 30 лѣтъ и не *болѣе 100* (sic!); b) *долговременный первой степени*,— не менѣе 15 лѣтъ и не болѣе 30 л.; c) *продолжительный второй степени*,—не менѣе 12 и не болѣе 15 лѣтъ; d) *продолжительный первой степени*,—не менѣе 8–ми и не болѣе 12 лѣтъ; e) *временный второй степени*,—не менѣе 5 и не болѣе 8 лѣтъ; f) *временный первой степени*—не менѣе мѣсяца и не болѣе 5 лѣтъ.

§ 24. Когда законъ опредѣляетъ долговременное заключеніе второй степени, то можно присоединить публичное заклейменіе.

§ 25. Приковываніе состоитъ въ слѣдующемъ: преступникъ содержится строго въ темницѣ, и до того узко прицѣпленный, что можетъ совершать только необходимѣйшія движенія тѣла. Преступникъ, приговоренный къ приковыванію, каждый годъ *наказывается розгами въ примѣръ другимъ*.

(*) Въ предъидущихъ параграфахъ рѣчь идетъ о смертномъ наказаніи.

§ 26. Степени заключенія въ темницѣ суть: a) *строжайшее*, b) *строгое*, c) *умѣренное*. При всѣхъ трехъ степеняхъ, преступнику налагается соотвѣтствующая работа.

§ 27. При строжайшемъ заключеніи: желѣзное кольцо посреди тѣла; тяжелыя гири къ ногамъ; доски для лежанія; вода и хлѣбъ; говорить запрещено.

§ 183. Въ преступленіяхъ и подверженности наказанію давности въ будущемъ быть не должно.—Вторая часть относится къ политическимъ преступленіямъ.

§ 10. Политическія наказанія суть: побои, выставка у позорнаго столба, аресты, публичныя работы въ цѣпяхъ и т. д.

§ 11. Наказаніе побоями всегда должно совершаться публично. Мужчинѣ болѣе 50 палокъ не давать, а женщинѣ—не болѣе 30 побоевъ плетьми (Karbatsche), или розгами; всегда бить по заднимъ частямъ тѣла.

§ 19. Къ политическимъ преступленіямъ принадлежатъ: поврежденіе человѣка поддѣльными лекарствами; неосторожной ѣздой; ненаблюденіе карантиннаго кордона и т. д. (*).

Какъ совершались эти работы въ цѣпяхъ въ правленіе Іосифа?

Гейслеръ младшій, писатель временъ Іосифа, слѣпо восторженный льстецъ его, разсказываетъ: «По приказанію императора, люди обоего пола, приговоренные судомъ, отдавались въ аренду, такъ что всякій могъ ихъ откупать къ нужной ему работѣ. Ихъ одѣвали

(*) Какое произвольное смѣшеніе намѣренныхъ и ненамѣренныхъ преступленій; поврежденіе человѣка худой ѣздой въ одной категоріи съ поддѣлываніемъ лекарствъ и ненаблюденіемъ карантиннаго кордона!!

одинаково, головы острижены, длинными цѣпями двоихъ сцѣпляли вмѣстѣ. Откупщикъ долженъ каждому ежедневно давать 4 крейцера (4 коп. сер.), и одѣвать ихъ «лѣтомъ въ холстинное, а зимою въ суконное платье.»

Далѣе этотъ же писатель разсказываетъ: «1782 года, въ концѣ Іюля, приказано Императоромъ, чтобы приговоренные къ смерти по уголовному суду подвергались въ исправительномъ домѣ самымъ труднымъ публичнымъ работамъ (здѣсь слѣдуетъ опредѣленіе одежды мужчинъ и женщинъ). Они всѣ получаютъ *только два раза въ недѣлю теплую пищу*; въ другіе дни имъ даютъ только воду и хлѣбъ, *и то въ очень маломъ количествѣ* (*). При работѣ, состоящей въ очищеніи и поправкѣ улицъ, срываніи строеній и т. п., они прикрѣплены одинъ къ другому довольно длинными цѣпями; и если они не очень прилежны, то получаютъ отъ смотрителей побои кнутомъ.

Женщины содержатся точно такъ-же, даже не освобождены отъ побоевъ.»

Менцель (**), въ примѣчаніи, стр. 215, говоритъ слѣдующее, взятое изъ Fesslers Rückblick (***):

«Приговоренные тащить суда прикрѣплялись по 5-ти, одинъ къ другому, кольцами, вокругъ шеи и живота. Ихъ никогда не разлучали. Если одинъ изъ нихъ умиралъ, то другіе «такъ долго должны были

(*) При такой работѣ и въ цѣпяхъ, въ добавокъ еще незначительная пища!!!

(**) Neuere Geschichte der Deutschen», die Zeit Friedrich's I und Joseph's II, p. 456.

(***) «Взглядъ на прошедшее», Фесслера.

таскать съ собою трупъ, пока можно было снять кольцо, которымъ они были прикованы одинъ къ другому. Ихъ подгоняли кнутомъ, какъ скотовъ; они получали только самую умѣренную пищу».

Заслуженный и правдолюбивый Мейцель выписалъ это должно быть не изъ бреславльскаго изданія «Взглядъ на прошедшее» 1824 г., а изъ другаго, такъ какъ мы не нашли вышесказаннаго на означенной страницѣ; но въ другомъ мѣстѣ (стр. 215) мы нашли еще болѣе возмущающую жестокость Іосифа: «Жена богатаго плотничнаго мастера въ Пресбургѣ, молодая и красивая женщина, убила стараго мужа въ пылу любви къ молодому человѣку;—уголовный судъ по закону приговорилъ ее къ смерти; *Іосифъ увеличилъ наказаніе, опредѣленное судомъ.* По его приказанію ей давали *три раза по 100 палокъ,* на подмосткахъ для этого выстроенныхъ; послѣ этого *ее бросили въ темницу, не употребивъ никакихъ лекарствъ для облегченія ея мукъ*».

О заклейменіи Гейслеръ разсказываетъ еще слѣдующее: «Государь объявилъ въ совѣтахъ объ уголовныхъ постановленіяхъ въ наслѣдственныхъ земляхъ (Erbländer), что онъ желаетъ уничтожить сколько возможно смертную казнь, такъ что у преступниковъ, заслужившихъ по закону смертную казнь, впредь клеймить обѣ щеки, чтобы всякій, видя клеймо на обѣихъ щекахъ, зналъ, что̀ заслужилъ тотъ, который имѣлъ этотъ знакъ». (*)

(*) Для доказательства нашего мнѣнія, что Гейслеръ льстецъ, мы приведемъ слова, которыя онъ при этомъ самъ прибавляетъ: «Давно желаемая надежда человѣчества.» (Zweite und 3-te Reise Joseph's II, Kaisers der Deutschen, p. 170); Гейслеръ—болѣе низкій поклонникъ Іосифа,

Мы еще находимъ согласіе между Петромъ и Іосифомъ, именно въ положеніяхъ о родѣ заклейменія.

Петръ опасался, чтобы заклейменіе было неточно исполнено,—тоже самое было и съ Іосифомъ. Гейслеръ (*) разсказываетъ: «Но такъ какъ это заклейменіе висѣлицы на обѣ щеки не точно исполняли: то одного клеймили слишкомъ близко къ виску, такъ что онъ умиралъ; то слишкомъ мало, такъ что клеймо со временемъ исчезало; для устраненія сего сдѣлано было новое положеніе, до такой степени точное, что каждый разъ достигалась мудрая цѣль».

Мы укажемъ еще нѣсколько наказаній въ правленіе Іосифа, въ родѣ Петровыхъ:

Въ 1785 году Валлахскіе предводители Горья и Клотска были колесованы, начиная съ низу; потомъ четвертованы; послѣ этого на столбахъ поставлены на улицахъ, для предостереженія другимъ. Для удостовѣренія, что это наказаніе дѣйствительно состоялось, приказано было прислать по нѣскольку людей изъ каждаго мѣстечка, гдѣ они прежде бушевали, или ихъ шайки, которыя были обязаны присутствовать при казни.

Г. Цальгеймъ, канцеляристъ въ Вѣнскомъ городскомъ магистратѣ, убилъ и обокралъ свою старую родственницу. Утромъ его вывели изъ темницы на площадь, около такъ называемой Schranne (Шранне), гдѣ его посадили на высокую телѣгу, на которой поставленъ былъ шестъ. Съ завязанными глазами его прикрѣпили къ этому шесту и щипали каленными кле-

---

чѣмъ Голиковъ Петра, и вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ такихъ богатыхъ историческихъ матеріаловъ.

(*) Skizzen-Sammlung, Th. III., p. 169.

щами правую грудь. Послѣ этого его повезли на такъ называемую Freiung (Фрейіунгъ), гдѣ ему щипали лѣвую грудь. Его раскаяніе было причиною, что ему оказали милость—колесовать его не съ низу въ верхъ, какъ сказано въ приговорѣ, а съ верху въ низъ; послѣ того его привязали къ колесу, голову его выставили на шестѣ; надъ головой была выстроена висѣлица, съ висящею веревкой (онъ былъ воръ и убійца).

Замѣтимъ при этомъ, что Іосифъ и Петръ имѣли еще одно общее, именно: Іосифъ былъ недовѣрчивъ и слишкомъ покровительствовалъ доносамъ.

СУДЪ НАДЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ АЛЕКСѢЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.)

Въ зодчествѣ, живописи и музыкѣ, произведенія различныхъ художниковъ, изображающія одинъ и тотъ же предметъ, часто, подлежа сравненію и подвергаясь всеобщему суду, встрѣчаютъ заступниковъ или противниковъ.

× М. П. Погодинъ, въ первой книжкѣ Русской бесѣды за 1860 годъ, изложилъ, съ свойственною ему художественностію, свой взглядъ о судѣ, произведенномъ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ обвиняетъ Петра во всемъ, и представляетъ его какъ человѣка суроваго и жестокаго. (*)

(*) Въ началѣ 1861 года, въ № 9 Русской рѣчи, появилась статья, подъ заглавіемъ «Переписка Петра Великаго съ Екатериною». Авторъ ея, г. Афанасьевъ, раздѣляетъ наши мнѣнія касательно Петра, въ слѣдующихъ отношеніяхъ: «главная задача критики въ томъ, чтобы въ жизни и дѣяніяхъ историческаго лица отдѣлить все, принадлежавшее времени, отъ того, что вызвано собственною его природою, его эгоистическими стремленіями и личными цѣлями. Какъ человѣкъ, Петръ Великій конечно былъ не безъ пороковъ, не безъ слабостей, и

Касательно жестокости Петра, мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ; но вовсе не раздѣляемъ его прочихъ мнѣній. Факты, выставленные отъ страницы 3-й до 36-й, на которыхъ основывается его сочиненіе, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и съ необыкновенною ясностію изложены въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ этихъ страницъ мы научились многому, и намъ остается прибавить къ нимъ только немного. Можетъ быть, покажется кому нибудь страннымъ, что мы осмѣливаемся возражать знаменитому писателю, тѣмъ болѣе, что слогъ нашъ явно обнаруживаетъ иностранца, слабо владѣющаго русскимъ языкомъ, и въ

неподкупная исторія должна произнести надъ нимъ свой правдивый судъ: но этого довольно! Не-за-чѣмъ прибѣгать къ той уловкѣ, съ помощію которой такъ удобно свалить на него и всѣ недостатки вѣка грубаго, суроваго, невѣжественнаго.

«Между тѣмъ, именно отсутствіемъ-то критики и страдаютъ наши журнальныя статьи . . . . . и всего болѣе заботятся выбрать изъ такъ называемыхъ источниковъ тѣ ужасающія свидѣтельства и курьезные апекдоты, передавая которые, можно разомъ достигнуть двойной цѣли: во-первыхъ заявить полноту своихъ гуманныхъ воззрѣній, и во вторыхъ угодить минутному вкусу публики.»

На счетъ пытокъ при допросахъ Алексѣя, г. Афанасьевъ говоритъ слѣдующее: «Если эта, такъ сильно возмущающая наше чувство, форма судебнаго дознанія, была во всей своей строгости приложена къ слѣдственному дѣлу надъ царевичемъ Алексѣемъ, то подобный фактъ можетъ доказывать между прочимъ и уваженіе къ закону, который не былъ обойденъ и нарушенъ даже для наслѣдника престола.

«Мы вовсе не имѣемъ въ виду писать апологію Петра 1-го, въ которой, по правдѣ сказать, эта великая личность и не нуждается; мы хотимъ только указать на ту старую, избитую истину, что всякій историческій дѣятель долженъ быть судимъ въ условіяхъ своего времени, потому что нравственныя убѣжденія вѣка составляютъ почву, на которой онъ выростаетъ и отъ которой оторваться вполнѣ никто не въ силахъ.»

умѣніи привлекательно излагать предметъ далеко ему уступающаго.

Мы будемъ стараться не упускать изъ виду слѣдующихъ словъ Гердера:

«Die Gelehrsamkeit hat ein liebenswürdiges Kind: die Bescheidenheit».

Почти съ достовѣрностію можно предположить, что статья г. Погодина уже всѣми прочитана. Имена Петра и Алексѣя привлекли на себя еще бо̀льшее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ либеральный авторъ избралъ ихъ предметомъ своего труда, и потому мы только въ самыхъ короткихъ словахъ повторимъ то, что было имъ сказано. Главное обвиненіе г. Погодина падаетъ на Петра, потомъ на Екатерину и Меншикова, наконецъ на тетку Алексѣя, Наталію Алексѣевну, и на всѣхъ окружавшихъ Царя. Онъ утверждаетъ, что Петръ совсѣмъ не заботился о воспитаніи своего сына; что не любя первой жены, онъ не могъ любить и сына, котораго имѣлъ отъ нея; или что ненавидя мать, онъ долженъ былъ ненавидѣть и сына. Екатерина и Меншиковъ возбуждаютъ въ Петрѣ непріязнь къ сыну, съ тою цѣлію, чтобъ онъ лишилъ его престола (*). Царь, довѣряясь имъ, рѣшается погубить Царевича. Онъ не знаетъ, какъ поступить въ такомъ случаѣ. Спачала онъ требуетъ отъ него, чтобы онъ отказался отъ престола; потомъ—чтобы постригся

(*) Г. Циммерманъ того же мнѣнія на счетъ Меншикова. Въ приложеніи къ прежней статьѣ своей «Фрейлина Гамильтонъ» (Сѣверная пчела № 85); онъ говоритъ, что Меншиковъ старался вредить Гамильтонъ: «имѣя уже издавна замыселъ о возведеніи на престолъ, послѣ смерти Петра, Императрицы Екатерины, и интриговалъ противъ тѣхъ женщинъ, которыя пользовались расположеніемъ Петра.»

въ монахи;—для чего? Для того, чтобы тѣмъ побудить Алексѣя къ побѣгу, что дѣйствительно и сбывается. Затѣмъ ложными обѣщаніями заманиваютъ его обратно въ отечество, гдѣ предаютъ суду, пытаютъ; онъ умираетъ въ пыткахъ. Это побуждаетъ г. Погодина кончить свою статью слѣдующими словами (стр. 86): «Мы, Русскіе, можемъ только молиться объ отпущеніи ему его согрѣшеній и объ упокоеніи его души. Господи! Прости ему его согрѣшенія, и упокой его душу.»

Не странно ли, что г. Погодинъ не приводитъ почти ни одного факта, обвиняющаго Алексѣя, хотя въ нѣкоторой степени? Слабость характера его не достаточно выставлена. Авторъ говоритъ, что Царевичъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, безукоризненно управлялъ дѣлами, ввѣренными ему отцемъ, и что вообще, въ своемъ образѣ жизни, не подалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Но что еще замѣчательнѣе: у г. Погодина ни слова не говорится о томъ вредѣ, который причинила слабому юношѣ его партія, стараясь вооружать его противъ Петра, съ помощію разныхъ обмановъ. У автора, Алексѣй является не какъ измѣнникъ отечества, но какъ невинно преслѣдуемый. Что Царевичъ замышлялъ только измѣну, и не достигъ своей цѣли, — этого, по нашему мнѣнію, уже достаточно судьямъ для приговоренія его къ смерти; при жестокости, съ которою Царь обыкновенно наказывалъ, смерть Алексѣя была, можетъ быть, великимъ благодѣяніемъ для Россіи, потому что, если бы замыселъ его приведенъ былъ въ исполненіе, число жертвъ увеличилось бы до безконечности.

Статья наша раздѣляется на двѣ части. Первая

кончается побѣгомъ Алексѣя. Въ ней мы будемъ говорить о качествахъ Царевича, слѣдуя:

1) манифесту Петра отъ 3 Февраля 1718 года;

2) собственноручному отвѣту Алексѣя, гдѣ, согласно повелѣнію Петра, онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросы таинаго совѣтника Толстаго: «*не для розыска, но для вѣдѣнія*»;

3) словамъ г. Погодина, въ его судѣ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ;

4) нѣкоторымъ замѣчаніямъ г. Семевскаго;

5) нашему собственному взгляду.

Затѣмъ мы будемъ разсматривать отношенія Царевича: къ отцу; къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; къ теткѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; къ Меншикову; наконецъ къ женѣ его, и къ любовницѣ Евфросиніи.

Далѣе мы будемъ говорить о мѣрахъ, употребляемыхъ отцемъ въ этотъ самый періодъ:

1) о томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Петръ на воспитаніе сына;

2) о томъ, какія именно мѣры онъ употребляетъ для этого;

3) о его указѣ отъ 1713 года объ имущественномъ наслѣдованіи;

4) о письмѣ его къ Алексѣю отъ 11 Октября 1715 года;

5) о другомъ его письмѣ, отъ 19 Января 1716 года;

6) о словесномъ обращеніи его къ Алексѣю, передъ отъѣздомъ въ Копенгагенъ, въ концѣ Января 1716 года; и

7) о письмѣ его изъ Копенгагена, отъ 26 Августа 1716 года.

Вторая часть разсматриваетъ дѣйствія Петра до смерти Царевича:

1) изъявленія любви его къ Алексѣю;

2) обѣщанія бѣжавшему и снова найденному сыну;

3) манифестъ отъ 3 Февраля 1718 года;

4) другой,—отъ конца Мая 1718 года;

5) объявленіе духовному и гражданскому чинамъ;

6) какъ дѣйствовали судьи, и какъ единогласно осудили они Царевича на смерть;

7) пытку и смерть Царевича.

Далѣе мы разсматриваемъ отношенія Алексѣя:

1) къ Вѣнскому двору;

2) къ партіи Алексѣя, съ ея сужденіями, обманами, и возбужденіями противъ Петра;

3) рядъ обмановъ, въ которыхъ Алексѣй думаетъ найти спасеніе, но страшно запутывается: для этого мы приводимъ:

a) его отвѣты на письма Петра предъ побѣгомъ (*);

b) слова его въ Вѣнѣ и въ Неаполѣ;

c) показанія по возвращеніи въ Москву;

d) показанія Евфросиніи, въ Петербургѣ;

e) допросъ и осужденіе Царевича.

Еще далѣе, разсматривая отношенія Петра и Алексѣя по словамъ г. Погодина, мы покажемъ:

1) въ чемъ мы сходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ совершенно;

2) въ чемъ наши мнѣнія расходятся. При этомъ

(*) Эти отвѣты могли уже быть въ первой части нашей статьи; но мы приводимъ ихъ только во второй, чтобы избѣжать повторенія одного и того же.

мы приведемъ его отрицательныя доказательства, и нѣсколько его поэтическихъ фразъ;

3) объяснимъ его предположенія;

4) разсмотримъ отношенія Алексѣя къ отцу;

5) отношенія Алексѣя къ его партіи; потомъ отношенія къ Алексѣю:

6) Кикина;

7) Евфросиніи;

8) Екатерины и Меншикова;

9) Кронпринцессы; и

10) покажемъ всѣ несправедливости г. Погодина, касательно уполномоченныхъ Петра, и Петра самаго.

Въ заключеніе статьи мы сообщимъ нашимъ читателямъ одно мѣсто изъ книги Гервинуса, гдѣ разсматривается шекспировъ Отелло, черты характера котораго могутъ относиться и къ характеру Петра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Качества, мнѣнія и намѣренія Алексѣя ясно видны:

1) изъ манифеста Петра отъ 3 Февраля 1718 года: (Устряловъ стр. 144—152).

«Мы уповаемъ, что большей части изъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, а особливо тѣмъ, которые въ резиденціяхъ нашихъ, и въ службѣ обрѣтаются, вѣдомо, съ какимъ прилежаніемъ и попеченіемъ мы сына своего первороженнаго Алексѣя воспитать тщились. И для того ему отъ дѣтскихъ его лѣтъ учителей не токмо Русскаго, но и чужестранныхъ языковъ, придали, и повелѣли его онымъ обучать дабы не токмо въ страхѣ Божіемъ, и въ православной нашей Хри-

стіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, былъ воспитанъ, но для лучшаго знанія воинскихъ и политическихъ (или гражданскихъ) дѣлъ, и иностранныхъ государствъ состоянія, и обхожденія, обученъ былъ и иныхъ языковъ, чтобъ читаніемъ на оныхъ гисторіи, и всякихъ наукъ воинскихъ и гражданскихъ, достойному правителю государства принадлежащихъ, могъ быть достойный наслѣдникъ нашего Всероссійскаго престола.

«Но то наше все вышеписанное стараніе о воспитаніи и обученіи помянутаго сына нашего видѣли мы вотще быти: ибо онъ всегда внѣ прямаго намъ послушанія былъ, и ни о чемъ, что довлѣетъ доброму наслѣднику, не вникалъ, ни обучался, и учителей своихъ, отъ насъ приставленныхъ, не слушалъ, и обхожденіе имѣлъ съ такими непотребными людьми, отъ которыхъ всякаго худа, а не къ пользѣ своей научиться могъ. И хотя мы его многократно ласкою и сердцемъ, а иногда и наказаніемъ отеческимъ къ тому приводили, и для того и во многія кампаніи воинскія съ собою брали, дабы обучить воинскому дѣлу, яко первому изъ мірскихъ дѣлъ для обороны своего отечества, *а отъ жестокихъ боевъ его всегда удаляли проча наслѣдства ради*, хотя во оныхъ и своей особы не щадили; такожъ и въ Москвѣ оставляли, вруча ему нѣкоторыя въ государствѣ управленія, для предбудущаго обученія; а потомъ и въ чужіе краи посылали, чая, что онъ, видя тамъ регулярныя государства, поревнуетъ, и склонится къ добру и трудолюбію; но все сіе радѣніе ничто пользовало, но сіе сѣмя ученія на камени пало: понеже не точію оному слѣдовалъ, но и ненавидѣлъ, и ни къ воинскимъ, ни къ гражданскимъ

дѣламъ никакой склонности не являлъ, но упражнялся непрестанно во обхожденіи съ непотребными, и подлыми людьми, которые грубыя и замерзѣлыя обыкности имѣли».

Петръ надѣялся навести его на лучшій путь посредствомъ брака съ знатною принцессою, но худое обращеніе съ нею Алексѣя было причиною ея смерти; онъ при жизни ея имѣлъ любовницу.

(Стр. 146) «И видя мы его упорность въ тѣхъ его непотребныхъ поступкахъ, объявили ему на погребеніи помянутой жены его, что ежели онъ впредь слѣдовать нашей волѣ, и обучаться тому, что наслѣднику государства пристойно, не будетъ, то его лишимъ наслѣдства, не смотря на то, что онъ у меня одинъ (ибо тогда еще другаго сына не имѣлъ), и дабы онъ на то̀ не надѣялся, понеже мы лучше чужаго достойнаго учинимъ наслѣдникомъ, нежели своего непотребнаго: ибо не могу такова наслѣдника оставить, который бы растерялъ то, что чрезъ помощь Божію отецъ получилъ, и испровергъ бы славу и честь народа Россійскаго, для котораго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего; къ тому жъ и боясь Суда Божія вручить такое правленіе, знавъ непотребнаго къ тому, увѣщавая его со многими обстоятельствы, какъ ему поступать въ пути добродѣтели надлежитъ; и далъ ему время на исправленіе.

«И хотя онъ на то ко мнѣ отвѣтствовалъ, признавая себя во всемъ томъ винна, и представляя, что будто онъ за слабостію своего здравія и ума, труда понести во обученіяхъ потребныхъ не можетъ, и для того самъ себя за недостойна наслѣдства призна-

ваетъ, и отъ того отреченна себя имѣть просить; но мы увѣщавая его родительски, и угрожая, и прощеніемъ трудились его на путь добродѣтели обратить; и по отъѣздѣ своемъ, для воинскихъ дѣйствъ въ Данкую землю, оставили его въ Санктпетербургѣ, давъ ему время на размышленіе, и поправленіе. Но потомъ слыша о прежнихъ его непотребныхъ тамо безъ насъ поступкахъ, писали къ нему, чтобъ онъ былъ къ намъ въ Копенгагенъ, для присутствія въ кампаніи военной, и лучшаго обученія.

«Но онъ забывъ страхъ и заповѣди Божія, которыя повелѣваютъ послушну быть и простымъ родителямъ, а не то что властелинамъ, заплатилъ намъ толь многія вышеобъявленныя наши родительскія о немъ попеченія, и радѣнія неслыханнымъ неблагодареніемъ: ибо, вмѣсто того, что къ намъ ѣхать, забравъ съ собою деньги, и помянутую жонку, съ которою беззаконно свалялся, уѣхалъ, и отдался подъ протекцію цесарскую, объявляя многія на насъ, яко родителя своего и Государя, неправдивыя клеветы, будто мы его гонимъ, и безъ причины наслѣдства лишить хотимъ; и яко бы онъ отъ насъ и въ животѣ своемъ не безопасенъ, и прислъ опаго, дабы его не токмо отъ насъ скрылъ, но и оборону свою противъ насъ и вооруженною рукою далъ. И какой тѣмъ своимъ поступкомъ стыдъ и безчестіе предъ всѣмъ свѣтомъ намъ, и всему государству нашему учинилъ, то всякъ можетъ разсудить, ибо такого прикладa и въ исторіяхъ сыскать трудно! И хотя его цесарское величество о его непотребныхъ поступкахъ, и какъ онъ съ своячиною его, а съ своею женою, жилъ, извѣстенъ былъ; однакожъ по его многому домогательству, далъ

ему мѣсто къ пребыванію, гдѣ онъ просилъ себя такъ тайно держать, дабы мы о немъ ни малаго извѣстія получить могли.» Посланные Петромъ находятъ Алексѣя и возвращаются съ нимъ.

(Стр. 150) «И хотя онъ, сынъ нашъ, за такіе свои противные, отъ давнихъ лѣтъ противъ насъ, яко отца и Государя своего, поступки, особливожъ за сіе на весь свѣтъ приключенное намъ безчестіе чрезъ побѣгъ свой и клеветы, на насъ разсѣянныя, отъ насъ, яко злорѣчивый отца своего, и сопротивляяйся Государю своему, достоинъ былъ лишенія живота; однакожъ мы, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ и отъ всякаго наказанія освобождаемъ.

«Однакожъ, въ разсужденіи его недостоинства, и всѣхъ вышеписанныхъ, и непотребныхъ обхожденій, не можемъ по совѣсти своей его наслѣдникомъ по насъ престола Россійскаго оставить, вѣдая, что онъ, по своимъ непорядочнымъ поступкамъ, всю полученную по Божіей милости, и нашими неусыпными трудами славу народа нашего, и пользу государственную утратитъ, которую съ какимъ трудомъ мы получили, и не токмо отторгнутыя отъ государства нашего отъ непріятелей провинціи паки присовокупили, но и вновь многіе знатные города и земли ко оному получили, такожъ и народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ обучили, то всѣмъ извѣстно.

«И такъ мы, сожалѣя о государствѣ своемъ, дабы отъ такого властителя паче прежняго въ худое состояніе не были приведены, властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, и каждый

подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить, и другому сыну, которому хочетъ, оное опредѣлить воленъ, и яко самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола Всероссійскаго.»

2) *Іюня 22-го Толстой получилъ отъ Петра приказаніе* (Устр. стр. 273 — 276):

«Сегодня, послѣ обѣда, съѣзди, и спроси, и запиши *не для розыску, но для вѣдѣнія:*

«1) Что причина, что не слушалъ меня, и ни мало ни въ чемъ не хотѣлъ дѣлать того, что мнѣ надобно, и ни въ чемъ не хотѣлъ угодное дѣлать; а вѣдалъ что сіе въ людехъ не водится, также грѣхъ и стыдъ.

«2) Отъ чего такъ безстрашенъ былъ, и не опасался за непослушаніе наказанія?

«3) Для чего иною дорогою, а не послушаніемъ, хотѣлъ наслѣдства (какъ я говорилъ ему самъ), и о прочемъ, что къ сему подлежить, спроси.»

Собственноручный отвѣтъ царевича:

«1718 года Іюня въ 22 день, по пунктамъ, по которымъ спрашивалъ меня господинъ Толстой, на оные отвѣтствую:

«1) Моего къ отцу моему непослушанія, и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, хотя и вѣдалъ, что того въ людехъ не водится, и что то грѣхъ и стыдъ, причина та, что со младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ни чему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я отъ натуры склоненъ, а потомъ, когда меня отъ мамы взяли, также съ тѣми людьми, которые тамо при мнѣ были, а именно: Ни-

кифоръ Вяземскій, Алексѣй да Василій Нарышкины; и отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобъ я обучался тѣмъ дѣламъ, которыя пристоішы къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учпться Нѣмецкаго языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностію, только бъ чтобы время въ томъ проходило, а охоты къ тому не имѣлъ. А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ вопискихъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради приказалъ ко мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меншикову, и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучаться добру; а когда отъ него былъ отлученъ, тогда вышепомянутые Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ хаживть и конверсацію имѣть съ попами и черщами, и къ нимъ часто ѣздить, и подпивать, а въ томъ мнѣ не токмо претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыкъ ихъ слушать и бояться, и всегда имъ угодное дѣлать, а они меня больше отводили отъ отца моего, и утѣшали вышеупомянутыми забавами, а мало по малу не токмо дѣла вопискія, и прочія отъ отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла, и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи. А когда уже было мнѣ приказано въ Москвѣ государственное правленіе въ отсутствіи отца моего, тогда я получа свою волю (хотя я и зналъ, что мнѣ отецъ мой то правленіе вручилъ, приводя меня по себѣ къ наслѣдству), и въ большія забавы съ попами, и съ черщами, и съ другими людьми впалъ. Къ тому же моему непотребному обученію великій помощникъ былъ мнѣ Александръ Кикинъ,

когда при мнѣ случался. А потомъ отецъ мой, милосердую о мнѣ, и хотя меня учинить достойна моего званія, послалъ меня въ чужіе край: но и тамо я, уже въ возрастѣ будучи, обычая своего не премѣнилъ: и хотя мнѣ бытность моя въ чужихъ краяхъ учинила нѣкоторую пользу, однакожъ вкорененныхъ во мнѣ вышеписанныхъ непотребствъ вовсе искоренить не могла.

«2) А что я былъ безстрашенъ, и не боялся за непослушаніе отъ отца своего наказанія, и то происходило ни отъ чего иного, токмо моего злонравія (какъ самъ истинно признаю): понеже хотя и имѣлъ я отъ отца моего страхъ, однакожъ не такой, какъ надлежитъ сыну имѣть, но токмо, чтобъ отъ него отдалиться, и воли его не исполнить, о чемъ объявляю явную тому здѣсь причину. Когда я пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ къ отцу моему въ Санктпетербургъ, тогда принялъ онъ меня милостиво, и спрашивалъ, не забылъ ли я то, чему учился? На что я сказалъ, будто не забылъ; и онъ мнѣ приказалъ къ себѣ принести моего труда чертежи. Но я, опасался того, чтобы меня не заставилъ чертить при себѣ понеже бы не умѣлъ, умыслилъ испортить себѣ правую руку, чтобъ невозможно было оною ничего дѣлать, и набивъ пистоль, взявъ въ лѣвую руку, стрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однакожъ порохомъ больно опалило; а пулька пробила стѣну въ моей каморѣ, гдѣ и нынѣ видимо. И отецъ мой видѣлъ тогда руку мою опаленную и спрашивалъ меня о причинѣ, какъ учинилось? Но я ему тогда сказалъ иное, а не истину. Отъ чего можно видѣть, что хотя имѣлъ страхъ, но не сыновскій.

«3) А для чего я иною дорогою, а не послушаніемъ хотѣлъ наслѣдства, то можетъ всякъ легко разсудить, что я уже, когда отъ прямой дороги вовсе отбился и не хотѣлъ ни въ чемъ отцу моему послѣдовать, то какимъ же было инымъ образомъ искать наслѣдства, кромѣ того, какъ я дѣлалъ, и хотѣлъ оное получить чрезъ чужую помощь? И ежели бъ до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны Россійской, то бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а имяшно: ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ Россійскихъ въ помощь себѣ противъ какова нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой сумы денегъ, то бъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны Россійской, взялъ бы я на свое иждивеніе. и однимъ словомъ сказать: ничего бы не жалѣлъ, только, чтобы исполнить въ томъ свою волю.»

3) *Качества Алексѣя по словамъ Г. Погодина* (стр 72 — 77.)

(Стр. 72.) «Не глупъ, но даже уменъ, съ примѣчательнымъ разсудкомъ»;

«доказательство тому собственноручныя его донесенія отцу, объясненія съ цесаремъ, рѣчи къ Шонборну»;

(стр. 73.) «показанія, сдѣланныя въ судѣ»;

«онъ былъ достаточно образованъ: объяснялся и писалъ по Русски и Нѣмецки хорошо»;

«если не любилъ заниматься, то и не прочь былъ отъ занятій; былъ набоженъ»;

«изъ обращенія съ людьми видно его доброе и снисходительное сердце (*); готовъ былъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ и проступкахъ, что видно изъ разговора съ Аѳанасьевымъ, и самыхъ объясненій, поданныхъ цесарю»;

«не любилъ войны»;

«отъ природы не дѣятельный и въ этомъ отношеніи противуположный отцу, дѣятельности кипучей, чѣмъ и подавалъ ему, можетъ быть, поводъ оправдывать логически свою къ нему антипатію.»

«Занятій отцовыхъ онъ не любилъ, утверждаемый въ образѣ такихъ мыслей своими приближенными».

«Когда позовутъ на обѣдъ, или при спускѣ корабля, онъ говорилъ: «лучше мнѣ на каторгѣ быть.» Потомъ г. Погодинъ продолжаетъ свои разсужденія:

«Враги старались еще усиливать отвращеніе, принуждая его стоять иногда на морозѣ, заставляя пить, и дѣлая ему всякія непріятности.»

(Стр. 74) «Впрочемъ онъ любилъ самъ попить, и погулять, какъ свидѣтельствуютъ Плейеръ и графъ Шонборнъ. Царевичъ признавалъ, впрочемъ, порочность этой привычки, и старался уклоняться отъ случаевъ»;

(*) Этому противорѣчатъ слѣдующіе два факта. Во первыхъ обращеніе его съ учителемъ Вяземскимъ, слѣдовательно стоящимъ выше обыкновеннаго слуги. (Устр. стр. 11: «Показаніе Вяземскаго, 26 августа 1718 года, въ Секретномъ архивѣ»). Вяземскій не умѣлъ заслужить уваженія своего питомца, который въ послѣдствіи билъ его неоднократно. Далѣе въ Гданскѣ, 1 января 1718 года, въ его выраженіяхъ къ любимому слугѣ, мы видимъ грубое обращеніе (Устр. стр. 433 прилож. 133.—«Петръ Михайловичъ! Сука, б . . дь, забавляй Афросинью, какъ можешь».

«Царевичъ не отличался скромностью, и любилъ поболтать, въ кругу единомышленныхъ съ собою пріятелей подъ пьяную руку».

(Стр. 75) «Съ женою, невѣроятно, чтобъ обращался слишкомъ сурово, и жестоко. Въ противномъ случаѣ не могъ бы онъ надѣяться на заступленіе тещи, и свояченицы, къ которымъ спасаясь бѣгствомъ отнесся за покровительствомъ.»

(Стр. 76) «Замѣтимъ, въ заключеніе, еще одно свойство его характера: это слабость и непостоянство. Важнымъ несчастіемъ въ его жизни, и самымъ предосудительнымъ поступкомъ въ глазахъ публики, это была страсть ко крѣпостной полоненной дѣвкѣ Вяземскаго, Ефроспиньѣ, къ которой онъ привязался до безумія. Примѣръ отца имѣлъ и здѣсь нѣкоторое участіе.»

(Стр. 77) «Вотъ царевичь, со всѣми его склонностями и пороками, со всѣми своими умыслами и винами.»

4) Г. Семевскій (*) въ своей критикѣ шестаго тома Устрялова (исторія царствованія Петра Великаго) приводитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующія черты, могущія служить для изображенія характера Алексѣя.

(Стр. 18) «Въ его (Алексѣя) жалобахъ предъ вице-канцеляромъ (гр. Шенборномъ въ Вѣнѣ) слышна истина, горькая истина; онъ еще сдерживаетъ себя, и его стоны, его жалобы, выливаются въ горькихъ словахъ.»

(Стр. 21) «Личность Алексѣя, по прочтеніи IV главы сочиненія Устрялова, возбуждаетъ, не скажу лю-

---

(*) Русское Слово, 1860 г., январь.

бовь и симпатію, но сожалѣніе, сожалѣніе, тѣмъ сильнѣйшее, что изъ предшествующихъ главъ вы не видите, за что бы презирать его.»

О письмахъ Алексѣя изъ Неаполя къ архіереямъ и сенату г. Семевскій полагаетъ слѣдующее:

(Стр. 23) «письма эти были самаго невиннаго содержанія; тѣмъ не менѣе вѣнское правительство не нашло нужнымъ послать ихъ въ Россію, а удержало у себя; эти письма послужили главнѣйшимъ поводомъ къ обвиненію царевича».

(Стр. 30) «Что же за преступленія уголовныя объявились послѣ ряда допросовъ за царевичемъ Алексѣемъ, его друзьями и приверженцами? Постараемся свести ихъ въ самый краткій перечень:

«Царскія письма къ нему читалъ Кикину и Вяземскому; съ ними совѣтовался объ отвѣтахъ. Отвѣчалъ безъ всякаго лукавства и обману (*).

«Когда вознамѣрился бѣжать, царевичъ взялъ свою любовницу обманомъ; равно не открылъ намѣренія своего скрыться провожавшимъ его слугамъ.

(*) Мы приводимъ здѣсь эти отвѣты, о которыхъ только что говорилъ г. Семевскій, а также и слова Алексѣя Шенборну:

1) (Устр., стр. 348) Царевичъ Алексѣй Петру I, 31 октября 1715 года: «Того ради, наслѣдія Россійскаго по васъ не претендую, и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою и ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою».

2) (Устр. стр. 350) «Царевичъ Алексѣй Петру I, 20 января 1716 года: «Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія.» Графъ Шенборнъ доноситъ о слѣдующихъ словахъ Алексѣя въ Вѣнѣ $^{21}/_{10}$ ноября 1716 г. (Устр. стр. 66): «Отецъ хочетъ лишить меня и жизни и короны. Меня хотятъ постричь и заключить въ монастырь, чтобы лишить правъ и жизни. Я не хочу въ монастырь».

«О побѣгѣ давно задумалъ, не для чего иного, только бы отдаляясь отъ него, жить въ покоѣ».

«Изъ Либоа писалъ письмо обманное къ отцу, яко бы ѣлетъ къ нему; а самъ отправился въ Вѣну.

«Письма писалъ къ сенату и къ архіереямъ, извѣщая о своемъ здоровьи. Денегъ взялъ взаймы предъ отъѣздомъ въ долгъ у Меньшикова 1000 червонныхъ, у сенаторовъ 1000, у Исаева въ Ригѣ 5000.

«Разговаривалъ съ своими приближенными о томъ, что есть разныя предсказанія: о близкой перемѣнѣ: о скорой смерти Государя; разореніи Петербурга: о томъ что Царю болѣе пяти лѣтъ, а брату Петру больше семи лѣтъ не прожить.

«Чрезъ Ѳедора Дубровскаго послалъ матери Авдотьѣ Ѳедоровнѣ 500 рублей.

«Не доѣзжая Либоа царевичь встрѣтилъ царевну Марью Алексѣевну, свою тетку, говорилъ съ ней много о своей заточенной матери, выслушалъ отъ нея басни о скорыхъ перемѣнахъ въ Россіи, сѣтовалъ на свою долю, горько, долго, много и неутѣшно плакалъ; написалъ письмецо къ матери о своемъ здоровьи, и взялъ отъ нея подарокъ чрезъ царевну Марью: образокъ, четки и молитвенникъ».

Теперь слѣдуетъ:

5) Нашъ собственный взглядъ на характеръ Алексѣя. Для избѣжанія повтореній, мы разсмотримъ здѣсь и другія, главныя эпохи его жизни. Алексѣй заслуживаетъ сожалѣніе, какъ по своимъ наклонностямъ, такъ и по отношеніямъ къ отцу, къ матери и къ окружавшей его партіи.

Петръ, одаренный изумительною крѣпостію мышцъ

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. Ленина

и твердостію духа, взялъ Россію въ свои желѣзныя руки, и съ гигантскою силою и съ самопожертвованіемъ стремится къ ея преобразованію. Увѣренный въ себѣ, онъ съ удивительною быстротою приводитъ въ исполненіе все имъ задуманное и отъ другихъ требуетъ не только того же рвенія, той же силы, тѣхъ же способностей, но и убѣжденъ еще, что имъ не трудно исполнять его волю. И потому тамъ, гдѣ бы другой отецъ былъ доволенъ, быть можетъ наградилъ даже, и обласкалъ сына, Петръ далеко не былъ удовлетворенъ имъ въ своихъ ожиданіяхъ и требованіяхъ. Онъ говорилъ: «я не требую утомительныхъ работъ, требую только доброй воли», и думалъ, что поступаетъ съ сыномъ справедливо; но слабому Алексѣю и малѣйшій трудъ былъ уже въ тягость.

Послѣдствіемъ этого было взаимное несогласіе. Отецъ можетъ призвать въ свидѣтели цѣлый міръ, что онъ требуетъ только доброй воли, сынъ—что отецъ требуетъ отъ него невозможнаго и можетъ призвать, въ свидѣтели о томъ, сотни тысячъ людей своей партіи, изъ которыхъ иные сожалѣютъ о немъ, другіе, желая возбудить его противъ отца, обвиняютъ Петра въ ненависти и жестокости къ сыну. Притомъ у Петра было еще одно качество, которое многихъ возстановило противъ него: неограниченная ненависть къ старому, и страсть къ нововведеніямъ. Каждый, кто не раздѣлялъ его мнѣнія, становился его противникомъ, его врагомъ. Такъ, наприм., въ матери малолѣтняго еще Алексѣя Петръ уже встрѣчалъ подобное сопротивленіе: Евдокія изъявляетъ презрѣніе свое ко всему новому, обнаруживая приверженность ко всему старому. Въ то время какъ Петръ, вводя насильственно свои

преобразованія, и пренебрегая семейною жизнію, проводитъ свои дни и вечера въ обществѣ, хотя и дѣятельныхъ, но простыхъ и необразованныхъ людей— мать царевича становится въ главѣ партіи противниковъ Петра. Сначала, любовь ея къ мужу, ослабѣвая переходитъ въ равнодушіе, потомъ въ ненависть. Нерасположеніе матери къ отцу прививается къ сыну тѣмъ болѣе, что царица окружена духовенствомъ, осуждающимъ единодушно всѣ поступки Петра. И потому благодѣтельное вліяніе, которое мать оказываетъ обыкновенно на воспитаніе дѣтей, становится пагубнымъ для Алексѣя. Царевичъ, отъ природы уже нерадивый, въ сообществѣ духовенства и придворныхъ дамъ его матери, совершенно предается лѣности. Къ сожалѣнію, нашлись люди, какъ это часто случается, которые, видя въ немъ будущаго Государя, льстили его слабостямъ и тѣмъ развивали въ немъ дурныя качества. Царевичь, предаваясь дурнымъ своимъ наклонностямъ, начинаетъ ихъ скрывать, и потому вынужденъ обманывать отца. Съ годами Алексѣя, требованія Петра увеличиваются; онъ желалъ бы во всемъ совершенства. Царевичъ далекъ отъ совершенства. Онъ начинаетъ чуждаться отца, дѣлается болѣе чѣмъ равнодушнымъ, ненавидитъ его. Чувство ненависти увеличиваютъ въ немъ враги Петровы. Имъ нужна опора, они выбираютъ для нея Алексѣя; и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются ослабить его умъ и тѣло, съ цѣлію лишить его той желѣзной воли, которою былъ одаренъ Петръ. Ненавидя Петра, они всю ненависть свою къ нему, и еще увеличенную, передали сыну. Такъ что однажды, на исповѣди, когда царевичъ, каясь въ грѣхахъ, признался духовнику, что онъ желаетъ отцу

своему смерти, священникъ говоритъ: «это ничего, мы и сами того желаемъ!» (*).

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что если Петръ на вершокъ подвигалъ образованіе своего сына, партія Царевича на цѣлую сажень отодвигала его назадъ; и потому не удивительно, что при юношескомъ, пылкомъ воображеніи и при склонности къ чувственности, Алексѣй уже въ молодыхъ лѣтахъ пришелъ къ слѣдующему убѣжденію: «съ отцемъ я никогда не буду въ ладу; онъ требуетъ совершенно невозможнаго; для чего же? вѣдь я все таки, по закону, буду Государемъ. Онъ потому со мною такъ жестоко обходится, что ненавидитъ меня, хотя увѣряетъ въ противномъ; и потому рано или поздно—буду ли я виноватъ или нѣтъ—меня ожидаетъ лишеніе престола, а быть можетъ и самая смерть; не лучше того онъ поступилъ съ моею бѣдною матерью, заключивъ ее, безъ малѣйшаго повода, въ молодыхъ лѣтахъ, въ монастырь. Чтобы избѣжать предстоящей ему участи, и слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, онъ рѣшается на побѣгъ: теперь его мо-

---

(*) Г. Семевскій въ той же критикѣ Устрялова указываетъ очень справедливо на нѣкоторыя дѣйствія Петра, вслѣдствіе которыхъ Алексѣй долженъ былъ чуждаться и не любить отца (стр. 5).

«Неужели самъ отрокъ юноша, юноша впечатлительный, не видѣлъ въ дѣлахъ, удовольствіяхъ, привычкахъ, странностяхъ отца много такого, что и безъ извращенія должно было охлаждать въ немъ сыновнее чувство любви, чувство никогда не поддерживаемое въ немъ отцемъ»

(Стр. 7) «А стрѣлецкій розыскъ, костры, висѣлицы, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ на площадяхъ, и улицахъ московскихъ—не производило-ли все это какого нибудь впечатлѣнія на девяти-лѣтняго царевича?»

жетъ спасти одна ложь. Удалившись за предѣлы отечества, онъ выдаетъ себя за человѣка благомыслящаго и совершенно безвиннаго; отца—за самаго жестокосердаго и низкаго.

По возвращеніи на родину, Петръ встрѣчаетъ его дружелюбно, но и здѣсь Алексѣй не покидаетъ своихъ прежнихъ наклонностей; страхъ не производитъ раскаянія; онъ удаляется отъ истиннаго пути; ложь слѣдуетъ за ложью; и чѣмъ болѣе онъ обманываетъ, тѣмъ ужаснѣе становится его положеніе. Наконецъ преступные его замыслы явно обнаружены и смерть, постигшая во время царевича, освобождаетъ его отъ дальнѣйшихъ мучительныхъ пытокъ.

По мнѣнію нашему, съ желѣзною волею Петръ, и съ слабымъ характеромъ Алексѣй, представляютъ собою два существа, которыя, отъ взаимнаго соприкосновенія, оба ошибочно дѣйствуютъ, но Петръ съ благимъ намѣреніемъ, Алексѣй же съ дурнымъ; и потому Петръ возбуждаетъ въ насъ сочувствіе, а Алексѣй—сожалѣніе; и читатель можетъ видѣть, что мы даемъ преимущество Петру предъ Алексѣемъ. Романистъ будетъ смотрѣть на все это съ противоположной точки зрѣнія. Для него осужденный дѣлается героемъ, и уже самое положеніе несчастнаго Алексѣя, столь горестное и внушающее состраданіе, составляетъ приговоръ надъ строгимъ отцемъ. Намъ кажется, что г. Погодинъ избралъ этотъ цвѣтистый путь, и съ успѣхомъ. Онъ увлекъ своимъ мнѣніемъ всѣхъ тѣхъ, которые *привыкли* судить не *разсудкомъ*, а увлекаться чувствомъ.

Чтобы еще съ большею ясностію показать взаимныя отношенія между отцемъ и сыномъ, мы просимъ

позволить намъ привести еще другой подобный исторический примѣръ, въ томъ же столѣтіи.

Въ Пруссіи, у Фридриха-Вильгельма I также былъ наслѣдникъ, который, желая избавиться отъ строгаго обращенія своего отца, бѣжалъ изъ отечества. Сходство, найденное нами между этими событіями, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Петръ и Фридрихъ Вильгельмъ, поступая строго, думали, что исполняютъ свою обязанность; между тѣмъ обращеніе это казалось сыновьямъ невыносимо. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ педантъ въ высшей степени; онъ утомлялъ сына разными тѣлесными упражненіями. Петръ, въ свою очередь, обременялъ сына своего занятіями, казавшимся царевичу тягостными, и въ добавокъ требовалъ, чтобы Алексѣй находилъ въ нихъ удовольствіе. Исторія намъ говоритъ, что юный Фридрихъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ несоотвѣтственныхъ силамъ его, тѣлесныхъ упражненій, едва не умеръ, имѣлъ видъ болѣзненный и видимо терялъ силы. Слабое здоровье Алексѣя въ юношескихъ лѣтахъ и его расположеніе къ чахоткѣ не были – ли также слѣдствіемъ слишкомъ усиленныхъ трудовъ, возложенныхъ на него отцемъ?

2) Оба отца считали себя совершенно правыми и отдавая сыновей своихъ подъ судъ, думали, что исполняютъ долгъ своей.

3) Ни тотъ, ни другой не скрываютъ своихъ дѣйствій, и гласно передъ всѣми утверждаютъ, что ихъ наслѣдники заслуживаютъ смерть.

4) Сыновья въ молодыхъ лѣтахъ не раздѣляли съ отцами своими ихъ неограниченной любви «къ воинскому дѣлу». Въ послѣдствіи Фридрихъ развился въ

этомъ дѣлѣ изумительно; но можетъ быть развился бы въ этомъ отношеніи и Алексѣй, когда бы сдѣлался со временемъ самостоятельнымъ.

5) Въ обѣихъ странахъ, ограниченность умовъ, или по крайней мѣрѣ ихъ посредственность, имѣли дѣло съ геніемъ. Геніальный Петръ не могъ себѣ представить, чтобы сынъ его былъ такъ слабъ душой и тѣломъ. Разсчетливая голова Фридриха-Вильгельма не можетъ вмѣстить въ себѣ, чтобы сынъ его былъ одаренъ геніемъ. Онъ такъ далекъ отъ этой мысли, что стремленіе своего сына къ умственному образованію находитъ странностію, сумасбродствомъ, которыя можетъ себѣ позволить едва ли простой гражданинъ; въ наслѣдникѣ же престола, по его мнѣнію, это будетъ почти уже грѣхомъ.

6) Оба отца употребляютъ къ достиженію цѣли своей неумѣстную жестокость. Если бы Фридрихъ-Вильгельмъ могъ доказать, что сынъ его не только бѣглецъ, но даже измѣнникъ, который съ помощію иноземныхъ государей, вооруженною силою, намѣренъ возвратиться въ отечество, то и Фридриху точно также не избѣжать бы смертной казни, какъ то было съ Алексѣемъ. Алексѣй является виновнымъ въ томъ и другомъ; онъ и бѣглецъ и измѣнникъ. Если Петръ былъ строгъ и взыскателенъ къ другимъ, то не меньшую строгость долженъ былъ оказывать и къ своему сыну.

7) Петръ былъ физически жестокъ къ сыну, Фридрихъ-Вильгельмъ морально. Катте, образованный молодой человѣкъ, другъ Фридриха, зная о замыслахъ сего послѣдняго, намѣренъ помочь ему; но въ то время какъ Фридрихъ бѣжитъ изъ Везеля, Катте, не зная

объ этомъ, находится въ Берлинѣ. За одно желаніе быть полезнымъ Фридриху, Катте осужденъ на смерть. По повелѣнію отца Фридрихъ долженъ присутствовать при казни.

8) Ни одному изъ двухъ отцевъ не пришло въ голову примѣшать къ сѣменамъ воспитанія нѣсколько зернышекъ любви, чтобы въ послѣдствіи легче было собрать плоды послушанія. Хотя въ обоихъ и проглядываетъ ихъ суровая, жесткая любовь, но главныя орудія у нихъ: угроза и наказаніе.

9) Оба сына неохотно принимали участіе въ попойкахъ отцевъ своихъ, и потому никогда не видали ихъ въ веселомъ расположеніи духа. Между тѣмъ, въ свою очередь, они не пренебрегали попировать съ друзьями.

10) Наконецъ въ обоихъ семействахъ отцы и матери не согласны между собою въ образѣ мыслей о воспитаніи дѣтей. Доротея тайно покровительствуетъ французамъ, столь ненавистнымъ ея супругу за ихъ свѣтское образованіе; Евдокія является покровительницею старины, ханжества и праздности. Такимъ образомъ обѣ матери причиною тому, что сыновья возненавидѣли образъ дѣйствій своихъ отцовъ. Какія же были послѣдствія ихъ строгихъ требованій? Ложь и обманъ ихъ сыновей. Геніальный Фридрихъ тайно беретъ уроки музыки; украдкою учится французскому языку; любимое общество его составляютъ люди умные, но вѣтренные и распутные, — столь не любимые отцемъ его французы.

Алексѣй, съ наклонностію къ лѣни и пьянству, проводитъ время въ кругу монаховъ, преданныхъ старинѣ; онъ тайно посѣщаетъ ихъ, но предъ отцемъ въ этомъ

отпирается; обманываетъ его, говоря въ тоже время, что желаетъ постричься въ монахи; наконецъ бѣжитъ изъ Россіи, и разными ложными выдумками думаетъ привести отца въ заблужденіе.

Въ пользу Петра служитъ еще и то обстоятельство, что если сравнимъ наставленія, данныя малолѣтнимъ сыновьямъ обоими отцами,—Петръ намъ представится гораздо выше Фридриха-Вильгельма въ своихъ предначертаніяхъ. Планъ Петра обнимаетъ несравненно обширнѣйшій кругъ дѣйствія, и между тѣмъ въ немъ упоминается о часахъ отдыха, необходимыхъ для царевича. Въ «наказѣ по которому тотъ, ему же ученіе его высочества государя царевича повѣрено будетъ, поступать имѣетъ» въ статьѣ 7-й § 7 сказано, (Устр. стр. 302): «И дабы его высочеству непрестаннымъ ученіемъ и трудами чувствъ не наскучить, того ради надлежитъ къ его забавѣ игру труктафель и балгаузъ во умѣренное употребленіе привесть».

Фридрихъ Вильгельмъ въ своемъ планѣ — педантъ утомительный. Онъ въ немъ предписываетъ: (*) «Am Sonntage soll er frühstücken in sieben Minuten Zeit; am Montage, indess dass er sich kämmen und schwänzen lässt, soll er zugleich Thee und Frühstück nehmen, dass das zugleich eine Arbeit ist, und muss diess Alles vor halb Sieben frühe fertig sein.»

Петръ посылаетъ 19 лѣтняго Алексѣя въ Дрезденъ для высшаго образованія, и мы читаемъ въ про-

(*) Въ Воскресенье завтракать ему семь минутъ, въ понедѣльникъ, въ то время, какъ будутъ причесывать голову и плести косичку, онъ долженъ пить чай и завтракать, такъ чтобы обѣ эти вещи дѣлались въ одно и тоже время, и оканчивались до половины 7-го часа утра.

меморіи ихъ милостямъ князю Трубецкому и господину Головкину, данная ноября въ 19 день 1709 года въ § 2 (Устр. стр. 312): «Чтобы его высочество государь – царевичъ въ наказанныхъ ему наукахъ всегда обрѣтался, и между тѣмъ сверхъ того, что ему обучаться велѣно, на флоретахъ забавляться, и танцовать по французски учиться изволилъ.»

Отношенія Алексѣя къ Екатеринѣ были всегда дружелюбны, благосклонны, и исполнены довѣрія. Доказательствомъ чему служитъ то, что Петръ избралъ Алексѣя быть воспріемникомъ Екатерины, когда она принимала Греко – Россійскую вѣру; въ противномъ случаѣ онъ назначилъ бы напримѣръ любимца своего, Меншикова, въ домѣ котораго въ первый разъ увидѣлъ Екатерину.

Такъ какъ она была всегда благодѣтельною посредницею между Петромъ и его подданными, то сдѣлалась таковою же и въ отношеніи къ Алексѣю. Г. Погодинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей статьи, которыя мы приведемъ ниже, говоритъ, что Екатерина была врагомъ Алексѣя, изъ корыстолюбивыхъ видовъ: желая утвердить за своими дѣтьми престолонаслѣдіе она стала главною причиною его погибели. Противъ этого мы приведемъ нѣкоторыя письма Алексѣя къ Екатеринѣ, и слова двухъ противниковъ ея, которые несмотря на свою непріязнь къ ней, соглашаются въ томъ, что Екатерина была расположена къ Царевичу. Подобныхъ писемъ мы находимъ до двѣнадцати (у г.г. Устрялова и Погодина) слѣдующихъ одно за другимъ въ непродолжительномъ времени. Въ нихъ видимъ мы расположеніе Алексѣя къ Екатеринѣ отъ 1708 до 1717 года.

29-го Ноября 1708. «Катерина Алексѣевна здравствуй на множество лѣтъ. За писаніе твое зѣло благодарствую и впредь сего желаю.»

9-го Марта 1716. «Милостивѣйшая государыня матушка. Милости вашей, ваше, государыня, писаніе изъ Либоу получилъ. За что всенижайше благодарю, и впредь нижайше прошу, дабы не оставленъ былъ въ милости вашей.»

14-го Октября 1717 года изъ Аверзы, на возвратномъ пути изъ Неаполя въ Россію. «Милостивая государыня, матушка! По указу Государя – батюшка отъѣзжаю въ Петербургъ, и отсюда поѣхалъ сегодня. Прошу, государыня, милостивымъ своимъ представительствомъ не оставить меня.»

Доказательствомъ ходатайства ея за Алексѣя служатъ его три письма 1708 г.; отъ 8, 16 и 25 Декабря, одно отъ 1709 года и еще одно отъ 13 Апрѣля 1718 г. — 8 Декабря 1708 года «Катерина Алексѣевна здравствуйте! Прошу васъ, пожалуйте, освѣдомясь отпишите, за что на меня есть Государя – батюшка гнѣвъ: понеже изволитъ писать, что я, оставя дѣло, хожу за бездѣльемъ.»

16-го Декабря «Катерина Алексѣевна! За вашу ко мнѣ явленную любовь благодарствую, и впредь прошу, пожалуй, не оставя меня въ какихъ приключившихся случаяхъ, въ чемъ надѣюсь на вашу милость.»

25-го Декабря. «Зѣло благодарствую за милость вашу къ себѣ, что получилъ чрезъ ваше ходатайство милостивое писаніе Государя – батюшка; только имѣю печаль, что отъ васъ не имѣю писанія.»

1709 г. Февраля 16-го изъ Богодухова. «Катерина Алексѣевна, здравствуйте на множество лѣтъ. Дѣло

мое здѣсь рекрутское къ окончанію приходитъ, и о семъ я къ Государю-батюшкѣ писалъ. Прошу васъ, чтобы мнѣ не зажиться здѣсь, чтобъ быть къ милости вашей, чего всегда желаю. Пожалуй, о семъ моего прошенія не оставь.»

Апрѣля 13-го 1718 года. «Въ Свѣтлый Праздникъ царевичь умолялъ Екатерину Алексѣевну выпросить у отца позволеніе жениться на Ефросиніи.» Это ссылка Г. Погодина (стр. 31), въ ней не сказано, изустно, или письменно испрашиваемо было позволеніе, и согласилась ли Екатерина исполнить просьбу или нѣтъ? Но изъ словъ одного современника ея можно заключить, что Екатерина говорила въ пользу царевича: таинный совѣтникъ Басевицъ (*) приводитъ слѣдующее (стр. 318):

«(**) Ce qui est surprenant, et en même temps très glorieux à l'Impératrice Catherine, c'est que dans le cours d'une affaire si délicate, aucun soupçon ne la chargea, ni de la mort du malheureux Alexis, ni même d'avoir aigri le père contre lui; et le Czar a dit depuis au Duc d'Holstein, en présence de son Ministre Bassewitz, qu'elle voulût, qu'il se contentât de faire

---

(*) Eclaircissements sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre le Grand, въ магазинѣ Бюшинга для новой Исторіи и Географіи. Томъ IX.

(**) «Весьма удивительно, и служитъ въ похвалу Императрицѣ Екатеринѣ то, что въ продолженіи всего этого деликатнаго дѣла, никто не могъ обвинить ее ни въ смерти царевича, ни въ томъ, чтобы она старалась возстановлять отца противъ сына. Въ послѣдствіи царь говорилъ Герцогу Гольштинскому, въ присутствіи министра Басевица, что императрица находила достаточнымъ постричь царевича въ монахи, и не осуждать его на смерть, потому, что этотъ позоръ падалъ и на дѣтей царевича, изъ которыхъ одинъ по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ будетъ вступить на престолъ, потому что сынъ ея Петръ Петровичъ, по своему нѣжному тѣлосложенію, не обѣщаетъ быть долголѣтнимъ.»

revêtir le froc à son fils, sans qu'on lui prononcât la sentence de mort, parce que cet opprobre rejaillissait sur ses enfants, (дѣти Алексѣя) dont l'un paraissait destiné à soutenir la gloire du trône, le tempérement délicat du Prince Pierre Pétrowitz ne promettant pas une longue vie.»

Въ Декабрѣ 1712 года Алексѣй отправляется изъ Эльбинга, не заставъ тамъ жены своей, съ Екатериною въ Петербургъ, куда путешественники и прибыли только 13 Февраля 1713 года.

Изъ слѣдующихъ показаній Алексѣя, въ 1718 году, мы увидимъ какъ противники Екатерины не довѣряли искренности ея расположенія къ Алексѣю; въ Февралѣ онъ говоритъ:

(Устр. стр. 168): «Еще же въ разныя времена, когда разговоръ прихаживалъ о матушкѣ-царицѣ, и когда я сталъ хвалиться милостью ея къ себѣ, и Царевна Марья Алексѣевна говаривала: что де хвалишься? видь-де она не родная мать; гдѣ-де ей такъ добра тебѣ хотѣть.»

Въ допросѣ отъ 14 Мая:

(Устр. стр. 251) «Еще жъ князь Борисъ Куракинъ въ Померанiи со мною говорилъ:—«Добра къ тебѣ мачиха? И я молвилъ: «Добра.» И онъ на то сказалъ: «Покамѣстъ-де у ней сына нѣтъ, то-де къ тебѣ добра; а какъ-де у ней сынъ будетъ, не такова-де будетъ.»

О ненависти тетки Наталiи Алексѣевны, на попеченiе которой онъ былъ отданъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ, по заключенiи матери его въ монастырь, Г. Погодинъ приводитъ слѣдующее (стр. 42):

«Царевичъ, въ 1706 году, самовольно ѣздилъ изъ Москвы къ матери въ Суздаль.»

(Стр. 43) «Враждебная царевичу тетка, Наталья

Алексѣевна, донесла царю о тайномъ посѣщеніи.» Могла ли она иначе поступить, какъ не донести о томъ царю? Царевичъ былъ ей порученъ. Онъ по собственному побужденію совершаетъ поступокъ, дѣлающій честь его дѣтскому сердцу, но вредящій отношеніямъ его къ отцу. Могла-ли она допустить, чтобы Петръ узналъ объ этомъ поступкѣ отъ другихъ? Можно ли изъ сего рѣшительно заключить, что она ненавидѣла Алексѣя?

Далѣе Г. Погодинъ говоритъ: «Алексѣй не нравился теткѣ (стр. 38)». А если и не нравился, такъ развѣ это служитъ доказательствомъ ея вины? Нисколько. Тетки почти всегда балуютъ своихъ племянниковъ, и потому мы болѣе сомнѣваемся въ хорошихъ качествахъ Алексѣя, чѣмъ въ добрыхъ свойствахъ тетки его. Впрочемъ, не придавая никакого вѣсу нашимъ предположеніямъ, мы находимъ мнѣніе г. Погодина вовсе неосновательнымъ и противурѣчащимъ самому себѣ: на стр. 42 онъ говоритъ слѣдующее: «Ближе всѣхъ къ царевичу были въ это время его тетки, дочери царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака, старыя дѣвицы, не терпѣвшія нововведеній Петровыхъ, окруженныя попами и монахами.» Если мы и совершенно соглашаемся, что старыя дѣвицы эти были преданы старинѣ— то мы должны изъ числа ихъ исключить Наталью Алексѣевну, родившуюся въ 1673 г. отъ одной съ Петромъ матери, слѣдовательно моложе его, умершую въ 1716 году, 43 лѣтъ.

Объ отношеніяхъ Алексѣя къ Меншикову, г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: (стр. 40) «Отношенія Екатерины, если даже не положительныя дѣй-

ствія, вмѣстѣ съ козпями Меншикова рѣшили впослѣдствіи судьбу царевича.»

(Стр. 42) «Не видать ли уже здѣсь, въ отстраненіи Гизена, какъ и прежде въ удаленіи Нейгебауера (*), тайнаго намѣренія Меншикова пріучать царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу, для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери — и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ.»

(Тамъ же) «Съ этой стороны, можно, кажется, повѣрить царевичу, который объяснилъ цесарю, что Меншиковъ съ умысломъ далъ ему дурное воспитаніе, не заставлялъ учиться, и окружалъ дурными или глупыми людьми.»

Должно предполагать, что Меншиковъ уже давно страшился Алексѣя, боясь увидѣть въ немъ будущаго государя своего—когда уже въ 1702 году могъ замышлять гибель 12-ти лѣтняго царевича?

Намъ кажется, что мы уже ясно доказали несостоятельность предположеній г. Погодина, касательно отношеній Екатерины къ Алексѣю, противопоставивъ его предположеніямъ основательныя, по мнѣнію нашему, доказательства, хотя онъ самъ долженъ былъ свои предположенія замѣнить фактами. Желательно было бы пріобрѣсть отъ г. Погодина болѣе очевидныхъ доказательствъ, каса-

---

(*) Не говорилъ ли самъ г. Погодинъ на стр. 39-й: «новый учитель его, Нейгебауеръ, поссорился съ прежними, Вяземскимъ и Нарышкинымъ, которыхъ сторону принялъ Меншиковъ, и онъ былъ отстраненъ.» Отчего обвинять въ этомъ удаленіи одного только Меншикова, почему не обвинить также Вяземскаго и Нарышкина?

тельно Меншикова, чѣмъ слѣдующія: «не видать ли уже здѣсь тайнаго намѣренія Меншикова?» На вопросъ этотъ, мы отвѣчаемъ: Нѣтъ! мы просили бы на это новыхъ доказательствъ. Впрочемъ, присовокупимъ еще къ нашему отвѣту вотъ что: Гюйссену была дана въ 1703 году неограниченная власть на счетъ воспитанія Алексѣя; не долженъ ли онъ былъ, для лучшаго успѣха въ возложенной на него обязанности, искать еще въ комъ нибудь себѣ опоры, потому, что Петръ часто былъ въ отсутствіи? Отчего обратился Гюйссенъ къ Царю (Погод. стр. 39) «прося царя предоставить главный надзоръ князю Меншикову?» Нарышкины и Вяземскій были уже наставниками царевича, были важныя лица. Отчего же даетъ Гюйссенъ преимущество Меншикову? Оттого, что Нарышкины и Вяземскій потворствовали лѣности и праздности царевича въ сообществѣ поповъ и монаховъ. (*)

Меншиковъ былъ властолюбивъ и гордъ. Если онъ, вопреки желанію Петра и стараніямъ Гюйссена, побуждалъ Алексѣя къ праздности, въ такомъ случаѣ онъ и самъ долженъ былъ содѣлаться его сообщникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ его поступкахъ. Царевичь боялся отца своего, и Меншиковъ не осмѣлился бы

(*) Кажется Алексѣй уже въ 1703 году былъ нерадивъ. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія слова Петра, произнесенныя тогда, когда онъ поручалъ Царевича Гюйссену, въ главной квартирѣ фельдмаршала Огильви:

«Если ты, какъ я надѣюсь, будешь слѣдовать моему отеческому совѣту, и примешь правиломъ жизни страхъ Божій, справедливость и добродѣтель, надъ тобою будетъ всегда благословеніе Божіе, *но если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать то, чего желаю,* я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя въ сей и въ будущей жизни».

также противодѣйствовать Петру, не убѣдивъ царевича, что онъ желаетъ ему болѣе добра, чѣмъ самъ его отецъ. Притомъ, мы часто слышимъ, что Алексѣй и его сообщники должны были дѣйствовать съ осторожностію, потому что Петръ тайно слѣдилъ за ними. Съ какою же осторожностію долженъ былъ поступать Меншиковъ въ такомъ случаѣ, нарушая высочайшую волю? Алексѣй боялся Меншикова, и былъ къ нему почтителенъ, это можемъ видѣть изъ письма царевича отъ 18 Августа 1708 года:

Свѣтлѣйшій князь!

«Неисправленіе мое, что до вашей свѣтлости умедлилъ писать, и то не отъ иного чего, только что въ безпрестанныхъ дѣлахъ обращался, и въ томъ прошу вашей свѣтлости, дабы на меня не погнѣвались.» (Устр. стр. 309).

Мы уже сообщили читателю слова г. Погодина: (стр. 42) «жалобы Алексѣя противъ Меншикова, въ Вѣнѣ, можно принять за справедливыя.» Всѣ показанія царевича въ Вѣнѣ, мы будемъ разсматривать ниже; теперь же замѣтимъ только, что тотъ же самый Алексѣй, 22 Іюня 1718 года, на вопросы, предложенные ему Петромъ «*не для розыска, но для вѣдѣнія*,» отвѣчаетъ такъ (Устр. стр. 274): «А понеже мой отецъ часто тогда былъ въ вояжныхъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради, приказалъ ко мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меншикову; *и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучаться добру;* а когда отъ него былъ отлученъ, тогда вышеупомянутые Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность, ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и

конверсацію имѣть съ попами и черицами, и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, а въ томъ мнѣ не только претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали.» Эти послѣдпія слова подтверждаютъ вышесказанное нами о Меншиковѣ, что кто другихъ склоняетъ къ пьянству, тотъ и самъ долженъ пить съ ними.

Въ отношеніяхъ Алексѣя къ его женѣ Евфросиніи, мы не нашли ничего достойнаго историческаго разсмотрѣнія. Поступки его не были здѣсь нравственно-чисты, благородны, но это были частныя обстоятельства его домашней жизни; они не повредили государству, потому, что онъ оставилъ по себѣ наслѣдника. Непонятно, какъ достало столько мужества у отца, чтобы обвинить сына предъ лицемъ цѣлаго свѣта за то, что «Алексѣй, полюбивъ простую крѣпостную дѣвку, такъ огорчилъ свою, уваженія достойную, супругу, что она можетъ быть съ печали и умерла». Кронпринцесса не была такого сильнаго тѣлосложенія какъ Евдокія (послѣдняя дожила вступленія на престолъ внука своего).

На страницѣ 76-й г. Погодинъ говоритъ: «Важнымъ несчастіемъ въ его жизни, и самымъ предосудительнымъ поступкомъ въ глазахъ публики, это была страсть къ крѣпостной полоненной дѣвкѣ Вяземскаго». Публика, которая такъ судитъ, вѣроятно мало знакома съ исторіею правителей вообще.

Теперь обратимся къ мѣрамъ, которыя употреблялъ Петръ въ продолженіе этого времени:

1) Съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на воспитаніе сына? Это увидимъ мы изъ его наказа отъ 22 Апрѣля 1703 года (Устр. стр. 299), «по которому тотъ, ему же ученіе его высочества государя царевича повѣрено будетъ, поступать имѣетъ».

Въ статьѣ 1-й говорится: «Истинный страхъ Божій для будущихъ правителей съ самой юности надлежитъ вкоренять, и ихъ къ познанію приводить, что они высокое достоинство на семъ свѣтѣ, въ которомъ обрѣтаются, по милости Божіей имѣютъ, и ему тяжкій отвѣтъ давати должны».

Въ статьи 2–й: «ему давать наставленіе, и тако украшеніе правовъ, яко лучшей части въ человѣкѣ». Потомъ въ короткихъ словахъ содержится «ученіе главныхъ добродѣтелей и властностей великаго принца, яко суть страхъ Божій, ревность о справедливости, мягкосердіе, великодушіе, сожалѣніе, щедрость, постоянство въ рѣшеніяхъ, вѣрность и вѣру держати, прозорливость и остерегательство въ совѣтахъ, вниманіе и прилежаніе въ правительствѣ государственномъ, храбрости и тому подобнымъ мужественнымъ властностямъ споспѣшествовати, и утверждати тщиться».

Въ статьѣ 3–й «трудится, дабы ему отвращеніе и мерзость ко всему, еже предъ Богомъ и человѣки злодѣтельно есть, и злодѣяніе именуется внушено».

Статья 4-я предписываетъ: «что надворный чинъ и услуженіе у его высочества благо и добродѣтельно поступали, и весьма отъ праздности къ потребному употребленію времени своего привожены были».

Статья 6–я: Если не «послушенъ: «тогда надлежитъ ему то съ принадлежащимъ умнымъ поступкомъ, учтивствомъ и почтеніемъ изначала втайнѣ чинить, и больше разсужденіе нежели укоренье употреблять».

Статья 6–я велитъ морально успять наказаніе, дѣлая выговоры уже не тайно, а въ присутствіи придворныхъ чиновъ. Въ случаѣ же, если оба способа окажутся недѣйствительными, прибѣгнуть къ оберъ–гофмейстеру.

Статья 7-я содержитъ въ себѣ планъ ученія, который очень умно изложенъ. Онъ заключаетъ въ пяти параграфахъ изученіе наукъ, а въ § 6 говорится нижеслѣдующе: «Однакожъ надлежитъ уже и нынѣ безъ потерянія времени начало къ высокопотребнымъ принцу экерцицiямъ, яко же штурмованью, танцованью и конской ѣздѣ учинить».

§ 7. «И дабы его высочеству непрестаннымъ ученіемъ и трудами чувствъ не наскучить, того ради надлежитъ къ его забавѣ игру труктафель и балгаузъ во умѣренное употребленіе привесть».

Въ 9-й статьѣ приказываетъ составить для него библіотеку изъ полезнѣйшихъ книгъ.

Князю Трубецкому и г. Головину, которые должны были сопровождать царевича въ Дрезденъ, для его учебныхъ занятій, дана была промеморія въ 19-й день ноября 1709 года; въ ней мы читаемъ: «Чтобъ его высочество государь царевичъ въ наказанныхъ ему наукахъ всегда обрѣтался, и между тѣмъ сверхъ того, что ему обучаться велѣно, на флоретахъ забавляться и танцовать по французски учиться изволилъ».

Далѣе, доказательствомъ тому, что Петръ желалъ дать полезное направленіе воспитанію своего сына, служатъ слова его къ Гюйссену въ Москвѣ, когда онъ въ 1703 году поручалъ ему наслѣдника: «Самъ я не могу наблюдать за нимъ; ввѣряю его вамъ, зная, что не столько книги, сколько примѣръ будетъ служить ему руководствомъ».

2) Какія мѣры употребляетъ Петръ для практическаго образованія сына? Вопреки обыкновенному мнѣнію, что Петръ не радѣлъ о воспитаніи Алексѣя мы намѣрены указать на то, что, въ практическихъ заня-

тіяхъ, онъ требовалъ даже слишкомъ многаго. Знаменитѣйшіе современные ему, и позднѣйшіе писатели замѣчаютъ, что Петру не доставало только бо̀льшаго образованія, чтобы сдѣлаться достойнѣйшимъ изъ царственныхъ особъ.

Петръ чувствовалъ это и самъ, стараясь въ продолженіи всей жизни, трудомъ и терпѣніемъ помочь этому. Онъ также заботился о воспитаніи дочерей своихъ, и чтобы побудить ихъ къ прилежанію, часто говорилъ, что охотно лишился бы одного пальца, лишь бы имѣть лучшее образованіе. Чувствуя глубоко, какъ великъ его недостатокъ, онъ желалъ сыну своему дать образованіе, достойное будущаго царя столь великаго государства, на пользу подданныхъ. Вотъ причина, по которой онъ такъ обременялъ царевича занятіями, и никогда не былъ доволенъ его трудами.

Разсмотримъ все, что дѣлаетъ онъ для воспитанія царевича.

1702 года (когда Алексѣю было только 12 лѣтъ) беретъ его съ собой въ Архангельскъ,

1703 года въ Карелію,

1704 года подъ Нарву,

19-го декабря, тогоже года, дѣлаетъ его рядовымъ въ Преображенскомъ полку,

1707 году въ Польшу къ себѣ его вызываетъ, посылаетъ въ Смоленскъ для провіанта въ Псковъ, въ Смоленскъ и Минскъ, въ Москву, гдѣ Алексѣй долженъ наблюдать за постройками въ Кремлѣ, присутствовать при засѣданіяхъ *министровъ* и набирать рекрутъ.

Въ 1708 году, поручаетъ ему Петръ верховное управленіе надъ войсками въ Украйнѣ.

Алексѣй устраиваетъ магазинъ въ Вязьмѣ, въ Москвѣ продолжаетъ занятія прошлогоднія, въ декабрѣ уѣзжаетъ въ Сѣвскъ.

1709 года, въ январѣ ведетъ пять полковъ въ городъ Сумы, гдѣ опасно заболѣваетъ; въ февралѣ ѣдетъ въ Богудуховъ, Краснополь, Воронежъ, Тавровъ; въ мартѣ онъ въ Москвѣ, въ октябрѣ въ Маріенвердерѣ;

для высшаго образованія посылается въ Дрезденъ;

1711 года марта мѣсяца въ Карлсбадъ, потомъ опять въ Дрезденъ.

14-го октября совершается его бракосочетаніе,

18-го того же мѣсяца получаетъ Алексѣй отъ Петра инструкцію на счетъ провіанта въ Польшѣ,

въ ноябрѣ онъ ѣдетъ въ Торунгъ,

1712 года въ корпусѣ Меншикова у Штетина до конца декабря, потомъ въ Петербургѣ,

1713 года изъ Петербурга въ Москву, въ Або; потомъ въ Старую-Руссу и въ Ладогу для сбора корабельнаго строеваго лѣса, потомъ въ Петербургъ, гдѣ хвораетъ;

1714 года отъ угрожающей ему чахотки посланъ въ Карлсбадъ; въ декабрѣ возвращается въ Петербургъ.

Съ этого времени Петръ перестаетъ заниматься съ Царевичемъ. Алексѣй, вызванный Петромъ въ Копенгагенъ въ 1715 году, для принятія участія въ предстоящей кампаніи, уклоняется бѣгствомъ.

Въ продолженіе всего этого прошедшаго времени Царь получалъ донесенія отъ учителей объ успѣхахъ царевича, между прочимъ и отъ токарнаго мастера.

Не правы ли мы, говоря, что Петръ скорѣе обре-

менялъ царевича занятіями, чѣмъ «не заботился объ его воспитаніи?» Двѣнадцати лѣтъ Алексѣй былъ еще недостаточно развитъ, чтобы могъ извлечь пользу изъ поѣздки въ Архангельскъ; 13 и 14 лѣтъ не пріобрѣлъ онъ никакой опытности въ походахъ, хотя Петръ и сообщалъ ему очень много своихъ практическихъ замѣчаній. Будучи притомъ нѣжнаго тѣлосложенія, онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы охотно принимать участіе въ тягостныхъ трудахъ взрослыхъ особъ. Петръ ошибочно предполагалъ, что Алексѣй можетъ переносить труды, которые онъ самъ переносилъ въ его лѣта. Здѣсь большое различіе въ обстоятельствахъ: Петръ добровольно и охотно подвергалъ себя труднымъ обязанностямъ, и вполнѣ сознавая свою физическую силу, стремился къ великой цѣли. Алексѣй долженъ былъ заниматься вопреки своимъ наклонностямъ, по одному лишь приказанію. Мы видимъ изъ позднѣйшихъ жалобъ Петра на сына, что онъ самъ сознается, что Алексѣй слабаго тѣлосложенія; потомъ,— что ему всякій трудъ въ тягость; по этому–то онъ и говоритъ: «я требую только доброй воли». И то, что Петръ называетъ доброю волею, кажется намъ, при объясненныхъ обстоятельствахъ, уже тягостнымъ трудомъ.

3) Указъ Петра отъ 15 ноября 1715 года о правѣ отца предоставить наслѣдство кому угодно изъ дѣтей, безъ разбора о старшинствѣ. Тутъ же царь ставитъ, что наслѣдовать имущество долженъ одинъ, потому что крѣпостнымъ легче спосить иго одного господина, чѣмъ нѣсколькихъ небогатыхъ владѣльцевъ (*).

(*) Мы привели здѣсь этотъ указъ, потому, что г. Погодинъ гово-

4) Его первое письмо къ Алексѣю отъ 11-го октября 1715 года (Устр. 47 — 49): «Объявленіе сыну моему». Въ немъ онъ говоритъ: у тебя нѣтъ охоты къ государственнымъ дѣламъ «паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать не хощешь»; ты видѣлъ, что воинственный духъ въ народѣ развился при мнѣ до такой степени, что Шведъ, «отъ котораго трепетали, едва не вящшее отъ насъ нынѣ трепещетъ»; ты видѣлъ, какъ сильныя государства, пренебрегая военнымъ искуствомъ погибали, и что не слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ полагаться на однихъ своихъ подданныхъ. «Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь-ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій, который не много на войнѣ самъ былъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому, и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли.—Я есмь человѣкъ, и смерти подлежу, кому все оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю?» «Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать, и еще мало пождать, аще нели-

---

рить слѣдующее: (стр. 19) «Догадки иностранцевъ, что царевичь лишенъ будетъ наслѣдства». Но, что этотъ указъ нисколько не касается престолонаслѣдія, это доказываетъ позднѣйшій указъ изъ Преображенска отъ 5-го февраля 1722 года «о правѣ монарха назначать себѣ наслѣдника», и Петръ доказываетъ, что подобные примѣры не чужды и русскому престолу.

цемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, то я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ (*), и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ, и не жалѣю, то какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

5) Второе письмо Петра, отъ 19 генвара 1716 года. «Послѣднее напомнианіе: удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ».

6) Словесное обращеніе Петра къ Алексѣю, въ концѣ того же мѣсяца (Устр. ст. 52): «Чрезъ недѣлю Петръ отправился за границу, въ Копенгагенъ, оттуда въ Амстердамъ и Парижъ; за два дня до отъѣзда былъ онъ у сына, и нашелъ его въ постелѣ, притворно больнымъ. На вопросъ отца: какую резолюцію взялъ? царевичъ клялся передъ Богомъ что ничего ни желастъ, какъ только постричься. Петръ сказалъ: «Это молодому человѣку не легко; одумайся не спѣша, потомъ пиши ко мнѣ, что хочешь дѣлать; а лучше взяться за прямую дорогу, нежели въ черницы».

7) Чрезъ семь мѣсяцевъ, 26 августа 1716 года, Петръ послалъ къ сыну изъ Копенгагена курьера Сафонова, съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ (Устр. 53):

«Мой сынъ!

«Письма твои два, въ 29 день іюня, другое въ 30 день іюля писанныя получилъ, въ которыхъ только

(*) Это было писано до рожденія Петра Петровича.

о здоровьѣ пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю. Понеже когда прощался я съ тобою, и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо, и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего ждалъ семь мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольное на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ своей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончаніемъ; буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ первой части нашей статьи мы желали показать, что Петръ имѣлъ полное право обвинять Алексѣя, подававшаго важные поводы къ неудовольствію противъ себя, въ чемъ впослѣдствіи и самъ Алексѣй сознается.

Сію вторую часть мы окончимъ осужденіемъ, пыт-

кою и смертію царевича. Здѣсь сперва мы намѣрены разсматривать происшествія этого времени; показать, что̀ руководило Петра?—ненависть или любовь? Какъ дѣйствовалъ онъ,—съ поспѣшностію или терпѣливо? и что чувствовалъ отецъ, въ то время, когда Царь долженъ былъ судить сына по законамъ?

1) *Изъявленіе любви Петра къ сыну.*

Любовь его къ Алексѣю доказывается тѣмъ, что онъ назначаетъ его, какъ выше было сказано, воспріемникомъ Екатерины. Далѣе, Петръ пребываетъ въ Сумахъ, во все время опасности болѣзни царевича въ 1709 году, хотя политическія его занятія того времени были очень важны. Онъ велитъ служить молебны о его выздоровленіи; уѣзжая, оставляетъ его на попеченіи собственнаго врача своего, Доненля. Въ этомъ году царь устроилъ, по обѣту, церковь во имя Св. Алексѣя человѣка Божія, въ Тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ.

Слѣдующія слова Петра въ манифестѣ его отъ 3-го февраля 1718 г. не служатъ ли также доказательствомъ его отеческаго попеченія? «Во многія кампаніи воинскія его съ собою брали, дабы обучить воинскому дѣлу, яко первому изъ мірскихъ дѣлъ для обороны своего отечества; а отъ жестокихъ боевъ всегда удаляли, проча наслѣдства ради, хотя въ оныхъ и своей особы не щадили».

Потомъ письмо его изъ Петербурга къ Толстому и Румянцеву отъ 22 Ноября 1717 года. «Мои господа! Письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже сюда поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Чтоже пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ — и

въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши края пріѣдетъ, а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ»: Это письмо изображаетъ намъ не только радость его при возвращеніи сына, но и то, что онъ соглашается исполнить желаніе сына. Послѣднее заслуживаетъ вниманія уже какъ доказательство, что Петръ не смотритъ болѣе на Алексѣя, какъ на наслѣдника престола. Это отстраненіе не было наказаніемъ за его побѣгъ, а наказаніемъ давно прежде уже грозившимъ ему, и заслуженнымъ вполнѣ. Если бы не былъ Алексѣй лишенъ права на престолъ, то не получилъ бы и позволенія жениться на крѣпостной дѣвкѣ. Вотъ какъ говоритъ Петръ объ этомъ удаленіи отъ престола въ своемъ манифестѣ отъ 3 февраля 1718 года: «мы отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ, и отъ всякаго наказанія освобождаемъ. Однакожъ въ разсужденіи его недостоинства, и всѣхъ вышеписанныхъ и непотребныхъ обхожденій, не можемъ по своей совѣсти его наслѣдникомъ по насъ престола Россійскаго оставить». Мы приведемъ ниже еще новыя доказательства его отеческой любви.

2) *Его обѣщанія бѣжавшему и снова найденному сыну.* — Петръ, въ письмѣ отъ 10 іюля 1717 года, изъ города Спа, обѣщаетъ Алексѣю безусловное прощеніе, въ случаѣ его обратнаго прибытія на родину, объясняя, что въ противномъ случаѣ съ нимъ будетъ поступлено какъ съ мятежникомъ. Въ этомъ письмѣ отнюдь не упоминается о томъ, сохраняетъ ли Алексѣй права свои на престолъ? Та и другая сторона считаютъ престолъ потеряннымъ для царевича, это видно изъ писемъ Петра къ сыну, и послѣдняго къ Ев-

фросиніи. Отецъ, который никогда не былъ доволенъ трудами и успѣхами своего сына, даетъ ему слѣдующее позволеніе (Устр. стр. 120 прилож. 118, къ Толстому):

«писалъ ты, что мой сынъ желаетъ жениться на той дѣвкѣ, которая у него, также чтобъ ему жить въ своихъ деревняхъ,—и то когда сюда прибудетъ, позволено ему будетъ.»

Алексѣй пишетъ къ Евфросиніи, еще 22 января 1718 г., изъ Тверп (Устр. 137 прилож. 141): «Слава Богу, все хорошо, и *чаю меня отъ всего уволятъ*, что намъ жить съ тобою, будетъ Богъ изволитъ, въ деревнѣ, *и ни до чего намъ дѣла не будетъ.*»

Чрезъ нѣсколько дней Петръ совершаетъ поступокъ достойный порицанія:

3 февраля, передъ тѣмъ какъ манифестъ объ удаленіи Алексѣя отъ престола былъ обнародованъ, Петръ, отводя царевича въ сторону, обращаетъ безусловное прощеніе въ условное (Устр. стр. 143):—«обѣщана ему милость, если онъ откажется отъ наслѣдства, *и откроетъ всѣхъ участниковъ бунта.*» Мы далеки отъ намѣренія защищать Петра, въ убѣжденіи, что тотъ, кто желаетъ заслужить довѣріе своихъ читателей къ справедливости доказываемаго, можетъ только достичь цѣли представляя и темную сторону предмета, чтобы вѣрили ему и тогда, когда онъ представитъ намъ свѣтлую.

Петръ заслуживаетъ порицаніе, ставя предѣлъ своимъ обѣщаніямъ. За недостаткомъ вѣрныхъ историческихъ доказательствъ, могущихъ объяснить, почему Петръ поступилъ такъ, мы вынуждены снова, противъ желанія, прибѣгнуть къ однимъ предположеніямъ. По

мнѣнію г. Погодина, побудительными причинами со стороны Петра были: жестокость его, и низость. Мы же предполагаемъ, что между первымъ обѣщаніемъ Петра, даннымъ въ городѣ Спа 10 іюля 1717 года до 3 февраля 1718 года въ Москвѣ, т. е. въ теченіе семи мѣсяцевъ, многое могло обнаружиться и яснѣе доказать его мятежные замыслы, и потому требовало большой строгости, и прощенія болѣе ограниченнаго. Еслибы Алексѣй ничего не скрывалъ, и поступалъ честно, то вѣроятно не былъ бы лишенъ помилованія.

3) *Манифестъ Петра отъ 5 февраля 1718 года.*

Алексѣй былъ представленъ въ кремлевскій аудіенцъ–залъ (Устр. стр. 143), гдѣ, въ присутствіи духовенства, министровъ, и другихъ высшихъ лицъ, было ему прочитано отрѣшеніе его отъ престола. Этотъ документъ былъ уже заранѣе приготовленъ, и потому въ немъ прощеніе еще безусловное.

(Устр. стр. 151) «Хотя онъ достоинъ былъ лишенія живота: однакожъ мы, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ, и отъ всякаго наказанія его освобождаемъ.»

Но это прощеніе не возвращало ему права его на престолъ: онъ былъ удаленъ отъ него, и наслѣдникомъ престола былъ признанъ уже Петръ Петровичъ.

Изъ всего этого, кажется, видно, что условія, предложенныя Алексѣю для его совершеннаго прощенія, были послѣдствіемъ разговора, происходившаго 3 февраля 1718 года.

(Устр. стр. 152) На другой день, 4 февраля, царевичу предложены вопросные пункты. «Понеже вчерась прощеніе получилъ на томъ, дабы всѣ обстоятельства донести своего побѣгу, и прочаго тому по-

добнаго, а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будешъ живота; на что о нѣкоторыхъ причинахъ сказалъ словесно; но для лучшаго, чтобъ очистить письменно по пунктомъ ниже писаннымъ.» Это касается уже извѣстныхъ намъ пунктовъ. По прошествіи четырехъ дней, Алексѣй отвѣчаетъ на пункты очень многосложно, но частію не полно, а частію лживо.

Названныя Алексѣемъ особы, соучастники въ его дѣлѣ, преданы были жестокимъ пыткамъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ дворъ отправился въ Петербургъ, гдѣ Алексѣю назначенъ былъ мѣстопребываніемъ Шельтингофскій дворецъ. Здѣсь Алексѣй находился не какъ заключенный, государственный преступникъ, а получалъ деньги, и пользовался достаточною свободою, что и доказываетъ донесеніе Плейера въ Вѣну, отъ $^{29}/_{18}$ апрѣля 1718, найденное тамъ г. Устряловымъ, въ тайномъ государственномъ архивѣ. Вотъ слова донесенія: «Царевичъ помѣшался въ умѣ, и пилъ безмѣрно.»

Наконецъ 26 мая, царевичъ признался, что онъ имѣлъ намѣреніе, даже силою, и при жизни отца овладѣть престоломъ. Вотъ слова его (Устр. стр. 257).

«А понеже въ послѣднемъ моемъ повинномъ написано, что ежели бы бунтовщики меня когда бъ нибудь (хотя и при живомъ тебѣ) позвали, то бъ я поѣхалъ, и то нынѣ написалъ было я для того, чтобъ когда оное было въ люди явлено, то бы какъ нибудь или прошеніемъ, или угрозами, за меня вступились.»

4) Въ концѣ того же мая выходитъ объявленіе народу, въ которомъ Петръ подробно излагаетъ: все, что было сдѣлано имъ прежде для воспитанія царевича, потомъ говоритъ о бѣгствѣ его, о клеветѣ на от-

ца, о намѣреніи произвести возстаніе; наконецъ объ обѣщанномъ помилованіи: «буде же какую персону, или дѣло утаитъ, то объявилъ, что прощеніе не въ прощеніе будетъ.» Что несмотря на это, Алексѣй сначала прикрывалъ истину ложью, а наконецъ признался, что онъ хотѣлъ нарушить данную имъ клятву, и вооруженною силою, при жизни отца, овладѣть престоломъ. Между тѣмъ какъ прежде, въ отвѣтѣ своемъ на письмо Петра отъ 16 октября 1715 года, Алексѣй 27 числа того же мѣсяца писалъ слѣдующее: «ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такъ гнилаго, какъ я. Того ради, наслѣдія (дай Боже вамъ много лѣтное здравіе!) Россійскаго по васъ не претендую, и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою.»

5) *Два объявленія 13 іюня 1718*: 1) Преосвященнымъ митрополитамъ и архіепископамъ и епископамъ и прочимъ духовнымъ. 2) Намъ вѣрно-любезнымъ господамъ министрамъ, сенату и стану воинскому и гражданскому.

Мы видимъ любовь Петра къ сыну также изъ того, что онъ, боясь осудить его слишкомъ строго, повелѣлъ духовенству отыскать въ Св. Писаніи примѣры подобнаго преступленія, хотя гражданскими законами этого и не требовалось:

«Преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ и прочимъ духовнымъ. Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и Государя своего, и хотя я довольно власти надъ онымъ,

по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей и у партикулярныхъ людей весьма отмещутъ), учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ; однакожъ боюсь Бога, дабы не погрѣшить: ибо натурально есть, что люди въ дѣлахъ своихъ меньше видятъ, нежели другіе въ нихъ. Такожъ и врачи; хотя бъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лечить, но вызываетъ другихъ. Ежели бы одинъ самъ оную лечилъ, иногда бы не познавъ силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе, и потомъ словесно подтвердилъ, ежели истинно скажетъ. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей божественныхъ заповѣдей, и вѣрныхъ пастырей Христова стада, и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся, и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите.»

Изъ его объявленія министрамъ, Сенату, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, видно опять, какъ онъ заботится о томъ, чтобы судьи изъ пристрастія къ нему не рѣшили бы дѣло несправедливо. Поступилъ ли бы такъ отецъ, ненавидящій сына? «Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не флатируя (или не похлѣбуя) мнѣ, и не опасаясь того, что, ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чѣмъ вамъ клянусь самимъ Богомъ, и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтесь, такожъ не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ над-

лежитъ вамъ учинить на моего, яко Государя вашего сына; но не смотря на лицо, сдѣлайте правду, и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно.»

Слѣдующія слова Петра изъ наказа его отъ Февраля 1718 (*) ясно доказываютъ его расположеніе къ Алексѣю:

«И за тѣ дѣла мы не премина̀ли его почасту увѣщевать, то ласкою, то укоризненнымъ выговоромъ, иногда же и отеческимъ наказаніемъ, ибо *кто кого любитъ, того и наказуетъ*, говоритъ священное писаніе.» Онъ дѣйствительно любилъ своего сына, но любовь эту выражалъ иногда превратно.

Изъ дневника Меншикова, и другихъ лицъ, мы знаемъ, что на погребеніи царевича Петръ пролилъ много слезъ, и что прежде того еще сокрушался объ участи сына своего. Ученый архіепископъ Θеофанъ Прокоповичь, при этомъ погребеніи говорилъ проповѣдь на слѣдующія слова Давида: «Авессаломъ, сынъ мой Авессаломъ.»

Въ 21 день по смерти царевича, Петръ приказалъ во флотѣ, на которомъ онъ тогда самъ находился, служить панихиду, со всею пышностію, подобающею сыну царствующаго Государя, и согласно съ тогдашними установленіями.

Черта, которая можетъ служитъ новымъ доказательствомъ отеческой любви Петра къ сыну — терпѣніе, какое онъ оказывалъ при пылкости своей, изъ снисхожденія къ Алексѣю.

(*) Отеч. Зап. 1844: «Матеріалы для исторіи Петра Великаго» княземъ Вл. К—вомъ, стр. 101.

Уже 11 Октября 1715 года говоритъ онъ царевичу: «исправься, или откажись отъ престола,» и только 19 Генваря 1716 года пишетъ царь ему вторично: «Если не хочешь трудиться, то постригись въ монашество.» Алексѣй тотчасъ же и соглашается на послѣднее. Но, за недѣлю до своего отъѣзда въ Копенгагенъ, Петръ посѣщаетъ своего сына, сказавшагося больнымъ и говоритъ ему: «Молодому человѣку не легко рѣшиться итти въ монахи, и потому я тебѣ даю *шесть мѣсяцевъ* на размышленіе.»

И Петръ ждетъ вмѣсто шести мѣсяцевъ *семь;* не получивъ рѣшительнаго отвѣта отъ Алексѣя, онъ пишетъ ему:

«Теперь ты долженъ рѣшиться, но все таки *было бы лучше*, еслибъ ты прибылъ сюда, и *принялъ участіе въ походѣ.*» Алексѣй пользуется этимъ случаемъ, и бѣжитъ изъ отечества.

× Іюня 18 духовенство произноситъ свое мнѣніе; сославшись на многія мѣста изъ ветхаго и новаго завѣта, доказываетъ оно, что хотя смерть и заслужена, однакоже Давидъ пощадилъ сына, и онъ былъ помилованъ] (Устр. стр. 522): «а образъ самого Христа, жену, въ прелюбодѣяніи яту, и каменіемъ побіенія по закону достойную, свободну отпусти, милость паче жертвы привознесе. Милости, рече, хощу, а не жертвы. И усты апостола своего рече: Милость хвалится на судѣ» (стр. 523) «Кратко рекше: сердце Царево въ рукѣ Божіи есть. Да изберетъ тую часть, аможе рука Божія того преклоняетъ.»

×6) Гражданскій судъ, т. е. министры, военные и гражданскіе чины признали необходимымъ сперва спро-

сить самого царевича, и 17-го Іюня велѣли изъ крѣпости привести его въ Сенатъ.

Здѣсь Алексѣя пытаютъ, а также и царева шурина Лопухина, Дубровскаго, духовнаго отца царевича Игнатьева и прочихъ. Судъ этотъ уже единогласно приговорилъ Алексѣя къ смерти.]

7) *Пытки и смерть.*

Мы сейчасъ упомянули о томъ, что 24 Іюня 1718 года Алексѣй приговоренъ былъ къ смерти.

По словамъ Вебера, гановерскаго резидента въ Петербургѣ, приговоръ этотъ сообщенъ былъ царевичу 25 числа.—Судьи подвергли его пыткамъ;—по нынѣшнимъ человѣколюбивымъ понятіямъ, это жестоко; но они должны были такъ поступить, потому, что другіе участники въ дѣлѣ были также подвергаемы пыткамъ, тѣмъ болѣе правосудіе требуетъ, чтобы Алексѣй, какъ зачинщикъ, былъ строже наказанъ, чѣмъ его сообщники.

До сихъ поръ мы могли оправдывать Петра, теперь же насъ возмущаетъ продолженіе пытокъ и розысковъ, послѣдовавшихъ за объявленіемъ приговора. Въ этомъ уже осудить должно одного только Петра, потому, что судъ, приговоря царевича къ смерти, этимъ самымъ покончилъ свои обязанности. Веберъ (*) (въ своей книгѣ «Преобразованная Россія», книга I, стр 304, ед. 1738) говоритъ, что приговоръ былъ прочитанъ царевичу 25 Іюня 1718 года.

(*) Мы должны довольствоваться свидѣтельствами Вебера, потому что у г. Устрялова сказано только, что верховный судъ 24 Іюня приговорилъ царевича къ смерти, но не сказано въ какой день былъ прочитанъ приговоръ Алексѣю.

Но у Устрялова мы читаемъ (стр. 279): «На другой день послѣ приговора, 25 Іюня, лейбъ – гвардіи Преображенскаго полка отъ бомбардиръ капитанъ поручикъ Скорняковъ – Писаревъ посланъ былъ къ царевичу съ письменными тетрадями, взятыми въ домѣ его, спросить изъ чего онъ, и для чего выписывалъ, и не хотѣлъ ли въ народѣ разсѣявать? Царевичъ сказалъ, что въ тѣ тетради выписывалъ онъ изъ книги Боропіуша статьи, приличныя на себя, на отца, и на другихъ, въ то время какъ былъ въ Карлсбадѣ.»

Но почему Петръ продолжалъ допрашивать царевича, послѣ того, какъ приговоръ былъ уже надъ нимъ произнесенъ?

Еще болѣе ужаса возбуждаютъ въ насъ слѣдующія слова Устрялова (стр. 249), на счетъ разныхъ мнѣній о смерти царевича:

«Вѣроятнѣе всего, царевичъ умеръ вслѣдствіе пытки: достовѣрно, что 26 Іюня утромъ, въ 8 часовъ, его пытали въ Трубецкомъ роскатѣ, а въ 7 часовъ по-полудни церковный колоколъ возвѣстилъ о кончинѣ его.»

Морально это было уже грѣхомъ. Алексѣй отказался отъ свѣта. Чего же еще хотѣли? Доказательствъ увеличивающихъ, или уменьшающихъ вину?

Но какая польза отъ того?

Приговоръ былъ уже произнесенъ. Русская пословица говоритъ: лежачаго не бьютъ.

×Физически это было также жестоко, тѣмъ болѣе, что уже четыре года предъ тѣмъ, Алексѣй, по слабости здоровья, и отъ угрожавшей ему чахотки, былъ посланъ въ Карлсбадъ.)

Мы позволимъ себѣ слѣдующее замѣчаніе: такъ какъ лица подвергаемыя пыткамъ, отъ невыносимыхъ страданій даютъ на себя часто ложныя показанія, то здѣсь вездѣ приведены нами только тѣ отвѣты Алексѣя, которые были имъ даны безъ употребленія пытки.

Можетъ быть спросятъ насъ: отчего допускаемъ мы притворство и ложь въ царевичѣ, и отвергаемъ ихъ въ Петрѣ? Отвѣтимъ: потому, что Алексѣй, будучи морально и физически несравненно слабѣе Петра, искалъ себѣ защиты отъ превышающихъ силы требованій отца, въ обманѣ и скрытности. Характеръ же Петра слишкомъ чуждъ этихъ пороковъ.

Въ полномъ сознаніи своихъ тѣлесныхъ силъ, и могучей воли, и опираясь на примѣры своихъ праотцевъ въ подобныхъ событіяхъ, онъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ уловкамъ.

Въ Петрѣ мы видимъ суровость и жестокость, въ царевичѣ—обманъ и притворство.

Алексѣй былъ поставленъ въ болѣе или менѣе затруднительное положеніе тѣмъ, что Петръ настаивалъ на указаніи имъ соучастниковъ. Чѣмъ болѣе мы предположимъ въ царевичѣ честности и признательности къ своимъ единомышленникамъ, тѣмъ болѣе это положеніе становится для него щекотливымъ; чѣмъ менѣе онъ былъ признателенъ къ своимъ соучастникамъ, тѣмъ легче было для него ихъ выдать. Но какъ Алексѣй обнаружилъ себя клятвопреступникомъ, то мы вправѣ не считать его за честнаго человѣка. Что же касается до партіи его, то царевичъ могъ уже въ свое первое прибытіе въ Вѣну довольно ясно видѣть, что онъ былъ лишь игралищемъ и слѣпымъ ору-

діемъ своихъ сообщниковъ, которое они потомъ предоставили собственной его участи. Они говорили Алексѣю, что его ждутъ въ Вѣнѣ и обѣщаютъ покровительство, дружбу; сулили ему золотыя горы въ Вѣнѣ, между тѣмъ, тамъ не знали даже о его намѣреніи прибыть въ этотъ городъ. Если бы у Алексѣя было болѣе твердости характера, то онъ могъ бы сильно вознегодовать на свою партію, въ главѣ коей былъ Кикинъ, и если бы онъ былъ злобный человѣкъ, то могъ бы радоваться случаю отомстить соумышленникамъ своимъ, предоставивъ ихъ осужденію Петру. Но если не смотря на ихъ поступки въ немъ было болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, то казалось бы, онъ долженъ былъ въ своихъ показаніяхъ щадить ихъ, и только мало по малу, послѣ уже успленныхъ угрозъ, назвать своихъ соучастниковъ, стараясь въ то же время уменьшить ихъ вину. Если бы Алексѣй поступилъ такимъ образомъ, то заслужилъ бы болѣе наше участіе; и мы были бы въ правѣ укорить Петра въ этой жестокой, хотя политически можетъ быть и необходимой, задачѣ, предложенной Алексѣю. Но благородной черты этой мы не видимъ въ характерѣ царевича. 3–го февраля, въ разговорѣ съ Петромъ на сторонѣ, онъ уже на первомъ разспросѣ называетъ вдругъ, вмѣстѣ, такъ много соучастниковъ, что по всѣмъ направленіямъ разосланы были гонцы, и даже въ монастырь къ его матери, что не дѣлаетъ чести его сыновней любви. Въ этихъ показаніяхъ видно, что Алексѣй не принималъ ничего въ уваженіе, что касается до его партіи. Но что еще болѣе уменьшаетъ его нравственное достоинство въ нашихъ глазахъ—это грубый эгоизмъ, который проглядываетъ въ его отвѣтахъ. Въ то время какъ онъ,

не щадя никого, открываетъ всѣ замыслы своихъ соучастниковъ, онъ старается всячески скрыть свою вину отъ проницательнаго взора родителя. Скрытность эта была совершенно безполезна, потому что на слова царевича отъ 31 октября 1715 г., что онъ уже клятвенно отказался отъ престола, Петръ отвѣчалъ ему (Устр. стр. 349): «Что же *приносишь клятву, тому вѣрить невозможно*». Даже послѣ очной ставки съ Евфросиніею, Алексѣй не соглашается съ ея показаніями. Сколько огорченій нанесли Петру эти неполныя признанія; какъ прискорбно ему было отъ обязанности отца переходить къ обязанности Государя, которому угрожала опасность. Слѣдующія за тѣмъ разсужденія касаются исключительно Алексѣя:

1) Отношенія къ вѣнскому двору.

2) Отношенія къ его партіи.

3) Тутъ изобразимъ рядъ его обмановъ.

1) Что касается до вѣнскаго двора, то мнѣніе, которое о немъ имѣли тамъ, еще до прибытія его туда, было далеко не лестно, потому что, уже до брака царевича, Плейеръ посылаетъ въ Вѣну разныя неблагопріятныя донесенія о немъ, а послѣ женитьбы Алексѣя еще хуже доноситъ о немъ. И въ манифестѣ Петра отъ 3-го февраля 1718 года, читаемъ мы слѣдующее, касательно брака Алексѣя (Устр. стр. 439): «Онъ жилъ на стыдъ дому нашему предъ чужестранными Государи, съ тою супругою его свойственными; *въ чемъ намъ великія жалобы и нареканія были*». Какъ обнаружилось впослѣдствіи, Алексѣй надѣялся, что въ Вѣнѣ примутъ въ немъ гораздо болѣе участія, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ оказано. Хотя и согласились его скрыть, но мѣстомъ жительства избрали

ему крѣпость Эренбергъ, какъ бы арестанту (Устр. стр. 75).

«Изготовить двѣ комнаты съ крѣпкими дверями и и съ желѣзными въ окнахъ рѣшетками» (*).

Въ неприличныхъ жалобахъ на родителя графу Шенборну, даже сей послѣдній беретъ сторону Петра, увѣряя (Устр. стр. 66): «ибо здѣсь (въ Вѣнѣ) ничего подобнаго до сихъ поръ не слыхали, да и трудно ожидать такихъ поступковъ отъ отца. тѣмъ менѣе отъ столь разумнаго Государя, какъ его царское величество».

Люди, которые прибыли съ Алексѣемъ, нисколько не возвысили мнѣнія, которое имѣлъ Императоръ о личности Алексѣя. Любовница его была при немъ, переодѣтая въ мущину. О проѣздѣ его изъ Вѣны въ Эренбергъ Устряловъ говоритъ (с. 75): «Дорогою люди его предавались пьянству, обжорству, и вели себя весьма непорядочно».

2) *Отношенія Алексѣя къ его партіи.*

Чтобы вывести заключеніе о характерѣ Алексѣя, необходимо принять въ соображеніе поступки его партіи, партіи недовольныхъ Петромъ.

Разсматривая всѣ качества Алексѣя вообще трудно предполагать, чтобы онъ могъ возбудить особенное участіе въ людяхъ умныхъ и разсудительныхъ; если даже и оказывали вниманіе къ особѣ его, то не вслѣдствіе его достоинствъ, по изъ состраданія къ его

(*) Если кто будетъ утверждать, что эти укрѣпленія должны были служить защитою отъ внезапнаго, насильственнаго похищенія Алексѣя, въ такомъ случаѣ мы не можемъ представить никакихъ достовѣрныхъ фактовъ къ опроверженію подобнаго мнѣнія.

горестному положенію. На Алексѣя никогда бы не взглянули, какъ на главу партіи, какъ на оплотъ противъ напора всѣхъ преобразованій Петровыхъ. Онъ служилъ противникамъ Петра орудіемъ къ достиженію ихъ цѣли; и сообщество ихъ погубило царевича. Мы уже видѣли, какъ они старались поселить въ немъ сомнѣніе на счетъ искренности расположенія Екатерины къ нему. Вмѣсто того, чтобы, какъ слѣдовало человѣку мужественному, отвѣтить имъ съ негодованіемъ: что онъ имѣетъ вѣрныя доказательства расположенія царицы къ нему, онъ, говоримъ мы, вмѣсто изъявленія чувства благодарности къ ней, хранитъ одно молчаніе, и подтверждаетъ этимъ самымъ невыгодное мнѣніе враговъ ея.

Какое должны были оказать дѣйствіе на столь слабаго человѣка слова, каковы напримѣръ слѣдующія (Устр. стр. 154): «Кикинъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Карлсбадъ говорилъ мнѣ: я-де тебѣ мѣсто какое нибудь сыщу».

(Стр. 158) Кикинъ молвилъ: «Напрасно-де ты ни съ кѣмъ не видался отъ французскаго двора, и туды не ѣхалъ; король человѣкъ великодушный: онъ-де и королей подъ своею протекціею держитъ; а тебя-де ему не великое дѣло продержать».

(Стр. 195) «Князь Василій Долгорукій разсказываетъ Алексѣю, что онъ говорилъ Петру въ его пользу: «я-де тебя у отца съ плахи снялъ». (Отъ этихъ словъ, приводимыхъ Алексѣемъ, Долгорукій отпирается при допросѣ).

(Стр. 166) Дубровскій: «Многіе-де ваши братья бѣгствомъ спасалися».

Его надежды, ожиданія направлялись къ цѣли раз-

ными темными предсказаніями (стр. 250): «Еще жъ слышалъ я отъ Дубровскаго, когда онъ ѣхалъ съ Москвы и былъ въ Новѣгородѣ, что сказывалъ-де ему архіереи Іовъ: «что-де тебѣ (*) въ Питербурхѣ худо готовится; только Богъ тебя избавитъ, чаю; да увидишь - де, что у васъ будетъ. А что именно, мнѣ не сказалъ».

Какъ старались возмущать его противъ Петра, доказываютъ слѣдующіе совѣты и мнѣнія (с. 154): «Предъ подаціемъ перваго моего отвѣтнаго письма, князь Василіи Долгорукіи говорилъ: «Давай-де писемъ хотя тысячу, еще-де когда, что будетъ старая-де пословица: улита едетъ, колито будетъ»; (стр. 155): «Кикинъ сказывалъ: «Есть-де подсмотрщики съ отцова двора, кто къ тебѣ ѣздитъ; я спрашивалъ: «откуда ты вѣдаешь?» И онъ мнѣ сказалъ: «мнѣ отъ его же двора сказывали». (Стр. 155): «Кикинъ говаривалъ мнѣ, чтобъ я въ монастырь шёлъ: «Вить-де клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ; можно-де его и снять». (Кикинъ утверждаетъ, что онъ не произносилъ этихъ словъ).

(Стр. 157) «А когда я отъѣзжалъ въ Карлесъ-бадъ лечиться, говорилъ мнѣ Кикинъ: «Когда-де ты вылечишься, напиши къ отцу, что еще на весну надобно тебѣ лечиться; а между тово поѣдешь въ Голландію; а потомъ послѣ вешняго курса, можешь въ Италіи

(*) Въ показаніяхъ своихъ, Алексѣй часто говоритъ въ третьемъ лицѣ, и затруднительно поэтому рѣшить, говоритъ ли онъ въ нихъ про себя, или про кого другаго! Какъ напримѣръ здѣсь:—говорится ли тутъ про Дубровскаго, или про царевича? Мы полагаемъ, что слова эти относились къ Алексѣю, иначе зачѣмъ бы допрашивать его, если бы предсказанія касались постороняго лица.

побывать, и тѣмъ отлученіе свое года два или три продолжить». (Стр. 167) «Во время тяжкой болѣзни батюшковой, говорилъ мнѣ Александръ Кикинъ: «Отецъ де твой не боленъ тяжко, и онъ-де исповѣдывается и причащается нарочно, являя людемъ, что онъ гораздо боленъ, а все притворъ; а что причащается, у него-де законъ на свою стать».

На судѣ предъ сенатомъ, въ присутствіи царевича: (стр. 269) «Духовникъ царевича, Верхоспасскій протопопъ Яковъ Игнатьевъ, на показаніе царевича: «отъ отца духовнаго слышалъ, что въ народѣ любятъ его, и про здоровье пьютъ, называя надеждою Россійскою», 19 іюня объявилъ, что такія слова ему говаривалъ спроста. Тогда же царевичъ показалъ: на исповѣди отцу своему духовному онъ говорилъ, что желаетъ отцу своему, Государю, смерти; Яковъ отвѣчаетъ: Богъ тебя проститъ, мы и всѣ желаемъ ему смерти».

Изъ слѣдующихъ за тѣмъ показаній видно, какъ часто Алексѣй обольщалъ себя не искренними изъявленіями привязанности враговъ Петровыхъ.

(Стр. 265) «Онъ-де царевичъ (какъ онъ говоритъ 17 іюня) надѣялся на чернь, слыша отъ многихъ, что его, царевича, въ народѣ любятъ, а именно отъ сибирскаго царевича, и отъ Дубровскаго, и отъ Никифора Вяземскаго, и отъ отца своего духовнаго».

(Стр. 250) «Князь Дмитрій Голицынъ много книгъ мнѣ изъ Кіева приваживалъ по прошенію моему, и такъ, отъ себя; и я ему говаривалъ: Гдѣ ты ихъ берешь? «У черицовъ-де Кіевскихъ: они-де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ».

Потомство содрагается отъ ужаса, читая съ какою неумолимостью Петръ повелѣвалъ допрашивать на ро-

зыскахъ виновныхъ; что же должны были чувствовать очевидцы этихъ ужасныхъ событій! Какъ повсюду должны были страшиться Петра! И потому, если въ самомъ дѣлѣ, какъ говорили царевичу, его любили въ народѣ; если зародышъ мятежа существовалъ уже, то едва ли не наступило тогда настоящее, благопріятное время, чтобы разразиться этому мятежу.

Но сообщники царевича смиренно допустили производить розыски и пытки, надъ собою и надъ безсильною главою ихъ партіи.

3) *Рядъ обмановъ Алексѣя.*

Для оправданія своихъ мнѣній, мы должны будемъ войти въ нѣкоторыя подробности. Такъ какъ предшествующія обвиненія Петра и Алексѣя могутъ показаться преувеличенными, то мы излагаемъ окончательныя показанія царевича, изъ которыхъ видно, что Петръ правъ. Алексѣй, надѣясь придать своимъ показаніямъ видъ истины, прибѣгаетъ къ лукавству, и обнаруживаетъ то непомѣрный страхъ, то наглость въ высшей степени. Находясь, во время побѣга, въ Австріи, онъ клевещетъ на отца своего, и семейство; а по возвратѣ въ Россію—на австрійское правительство, которое сначала ему благоволило, но впослѣдствіи, боясь за это объявленія войны Петромъ, отказало Алексѣю въ дальнѣйшей помощи.

Въ началѣ допросовъ онъ постоянно отвергаетъ виновность свою; между тѣмъ многое узнается изъ показаній его приверженцевъ, и самой Евфросиніи.

О письмахъ своихъ изъ Неаполя къ духовенству и сенаторамъ, въ которыхъ онъ возбуждаетъ ихъ къ возстанію, онъ говоритъ, сначала, что написать ихъ принудило его австрійское правительство. Но письма

эти, по извѣстности ихъ содержанія, не отсылались по принадлежности, и даже по возвращеніи Алексѣя въ Москву, находились еще въ подлинникахъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ положеніе Алексѣя стѣсняется все болѣе и болѣе; капля по каплѣ наполняется до края чаша признаніями, которыя будутъ стоить ему жизни. Попеременно въ немъ выражаются: то робость, которая впрочемъ кажется намъ извинительною, когда сравнимъ его нерѣшительность и боязливость съ жесткимъ и кипучимъ темпераментомъ Петра; то, чаще еще, низость, которая ни въ какомъ случаѣ не могла послужить орудіемъ къ оправданію. По возвращеніи своемъ, онъ, продолжительнымъ недовѣріемъ къ отцу, готовитъ себѣ гибель. Если бы онъ повѣрилъ въ искренность прощенія отца и, возвратившись, откровенно бы во всемъ признался, умоляя о пощадѣ своихъ приверженцевъ,—то многое бы измѣнилось въ его участи къ лучшему, и дѣло порѣшилось бы иначе. Но Алексѣй продолжаетъ упорно обманывать царя; отрекается отъ собственныхъ словъ, говоря, что произносилъ ихъ часто въ нетрезвомъ видѣ.

Теперь, ставя себя на мѣсто судей, не должны ли мы будемъ сознаться, что подобная изворотливость,—хотя бы дѣло шло и не о государственной измѣнѣ,—по тогдашнимъ законамъ побуждала къ тому, чтобы прибѣгнуть къ пыткѣ, тѣмъ болѣе, что можно было опасаться новыхъ, неоткрытыхъ Алексѣемъ соумышленниковъ, которые нарушили бы спокойствіе и цѣлость государства.

Нѣкоторые изъ его лживыхъ отзывовъ мы отложили до излагаемой нами теперь второй части нашей. Вотъ они:—отвѣты Алексѣя на три письма Петра передъ побѣгомъ. На требованіе царя отъ 31 Октяб-

ря 1715 года, чтобы Алексѣй отказался отъ престола, или исправился, царевичъ отвѣчаетъ (Устр. стр. 343 прилож. № 47): «буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, Государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ, и всѣми сплами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ, и непотребенъ сталъ, къ толикаго народа правленію и проч.» «Россійскаго по васъ наслѣдія не претендую, и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою.»

На второе письмо отъ 19 Генваря 1716 года: «удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ», пишетъ Алексѣй (Устр. стр. 350, прилож. 49): «желаю монашескаго чина, и прошу о семъ милостиваго позволенія.»

На письмо Петра изъ Копенгагена отъ 20 Августа 1716 г., отвѣтъ чрезъ Меншикова (Устр. стр. 351 прилож. 53): «намѣренъ онъ, по указу вашему, ѣхать къ походу; а о прочемъ ни о чемъ со стороны того указа не разговаривалъ.»

Теперь мы приведемъ то, что онъ говорилъ въ Неаполѣ и въ Вѣнѣ. Графу Шенборну приноситъ онъ слѣдующія жалобы на отца (Устр. стр. 65): «я пришелъ сюда просить Императора, моего шурина, о покровительствѣ, о спасеніи самой жизни моей. Меня хотятъ погубить; меня, и бѣдныхъ дѣтей моихъ, хотятъ лишить престола.»

(Устр. стр. 66) «Отецъ хочетъ лишить меня и жизни и короны. Я ни въ чемъ при немъ не вино-

ватъ: я ничего не сдѣлалъ отцу моему. Согласенъ, что я слабый человѣкъ: но такъ воспиталъ меня Меншиковъ. Здоровье мое съ намѣреніемъ разстроили пьянствомъ. Теперь, говоритъ мой отецъ, что я не гожусь ни для войны, ни для правленія; у меня однакожъ довольно ума, чтобъ царствовать. Я не хочу въ монастырь.»

Далѣе (Устр. стр. 68): «Я знаю, говоритъ царевичъ, что Императору донесено, будто я дурно поступалъ съ сестрою Императрицы: Богу извѣстно, что не я, а отецъ мой и царица такъ обходились съ моею женою, заставляя ее служить какъ дѣвку, къ чему она по своему воспитанію не привыкла.»

Наконецъ (Устр. стр. 73):

«Причемъ разсказывалъ, что въ особенности Меншиковъ, и лейбъ-медикъ, самые низкіе льстецы и злые люди, наводящіе царя на сотни дурныхъ дѣлъ, чему доказательствомъ служитъ фантазія его о титулѣ Императорскомъ.»

Потомъ проявляется низость души Алексѣя: когда Шенборнъ отвѣчаетъ (Устр. стр. 66)»: здѣсь ничего подобнаго до сихъ поръ не слыхали, да и трудно ожидать такихъ поступковъ отъ отца, тѣмъ менѣе отъ столь разумнаго Государя», Алексѣй переноситъ свои жалобы на Екатерину (Устр. стр. 67):

«Впрочемъ отецъ былъ ко мнѣ добръ; но съ тѣхъ поръ, какъ пошли у жены моей дѣти, все сдѣлалось хуже, особенно когда явилась новая царица и сама родила сына.»

(Устр. стр. 71): «Царь и министры его старались всѣми силами увѣрить публику, будто царевичъ добровольно отказался отъ престола; онъ даже напротивъ

того положительно говорилъ, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей и только силою и страхомъ принудили его подписать отреченіе.»

(Устр. стр. 72) «На другой день по рожденіи царицею сына, объявилъ ему, что онъ долженъ постричься въ монахи и отказаться отъ престола.»

И эти слова «на другой день» совершенная ложь, ибо Петръ Петровичъ родился 12 Октября 1715 года, а царь писалъ царевичу о постриженіи въ монашество, 19 Генваря 1716 года, слѣдовательно тремя мѣсяцами позже рожденія сына.

Про Екатерину и Меншикова говоритъ (Устр. стр. 68): «Если бы отецъ и пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ до тѣхъ поръ не успокоятся, пока не запоятъ, или не отравятъ меня.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ (Устр. стр. 67): «вздумали запоить его виномъ до смерти; онъ не выходилъ изъ своихъ комнатъ.»

Хитрость его обнаруживается (Устр стр. 74): «Причемъ просилъ Кейля (секретаря графа Шенборна), не говорить людямъ его ни слова о несчастіяхъ его, и о предполагаемомъ заключеніи, потому что имъ вовсе ничего неизвѣстно: имъ дано знать подъ рукою «что онъ пришелъ сюда для заключенія тайнаго союза между его отцомъ и императоромъ.» Въ Вѣнѣ увѣряетъ, что не желаетъ никакихъ революцій въ свою пользу (Устр. стр. 73): «никогда не думалъ о возмущеніи народа, хотя это не трудно было бы сдѣлать, потому что народъ, его, царевича, любитъ, а отца ненавидитъ за его недостойную царицу, за злыхъ любимцевъ, за уничтоженіе старыхъ добрыхъ обычаевъ, и за введеніе всего

дурнаго, также за то, что отецъ, не щадя ни крови, ни денегъ, есть тиранъ и врагъ своего народа; посему не безъ опасенія, что подданные его погубятъ, и Богъ его накажетъ.»

Фельдмаршалъ Даунъ, въ своихъ донесеніяхъ Карлу VI отъ $^{28}/_{17}$ Іюня, говоритъ о *двуязычности* Алексѣя въ Неаполѣ, съ прибытіемъ туда Толстаго. (Устр. стр. 114): «Былъ третій переговоръ, также безъ положительнаго объявленія намѣренія царевича. (Цесарскимъ) Вецлю и Вейнгардту онъ сказалъ, что не можетъ ѣхать къ отцу, о чемъ намѣревался писать къ вашему величеству, и объяснить причины; Толстому же объявилъ, что не можетъ его принимать по болѣзни.»

По возвращеніи въ Москву, царевичъ прибѣгаетъ къ обману, въ своихъ показаніяхъ на Кикина. На вопросные пункты Петра отъ 4 Февраля 1718 года Алексѣй, 8 числа того же мѣсяца, отвѣчаетъ (Устр. стр. 153): «Александръ Кикинъ и Николай Вяземскій присовѣтовали мнѣ: по первому отрицаться наслѣдства, и просить о лишеніи онаго для моей слабости, чего я и самъ желалъ, и писалъ отъ истиннаго сердца, безъ всякаго лукавства и обману; понеже что то на себя брать, чего не снесть?» Не поражаетъ ли насъ здѣсь ограниченность ума Алексѣя? Если бы онъ просто сказалъ: «присовѣтовали отрицаться наслѣдства» — то можно бы еще было сожалѣть о немъ, и оправдывать какъ человѣка слабаго характера; но ложь, что желаніе его было искренно, увеличиваетъ его виновность, потому что въ скоромъ времени должна была оказаться, и оказалась дѣйствительно, вся лживость его увѣренія.

(Устр. стр. 153) «Противъ другаго письма, чтобъ проситься въ монастырь, чтобъ хотя тѣмъ сей тяготи наслѣдства лишитъся.»

(Устр. стр. 157) «По совѣту Кикина мнѣ быть въ чужихъ краяхъ, чтобъ остаться тамъ, гдѣ нибудь, ни для чего иного, только бъ что прожить отдалясь отъ всего въ покоѣ (только о семъ прилежанія великаго къ исполненію не было).»

(Устр. стр. 162) Еще же говорилъ Кикинъ: «Что отецъ-де тебя не пострижетъ нынѣ, хотябъ ты хотѣлъ; ему-де князь Василій приговорилъ, чтобъ тебя ему держать не отступно и съ собою возить всюды, чтобы ты отъ волокиты умеръ, понеже-де труда не понесешь. И отецъ-де сказалъ: хорошо-де такъ.»

Противъ своихъ защитниковъ въ Австріи, онъ говоритъ слѣдующее (Устр. стр. 163):

«Письма писать къ сенату и къ архіереямъ принуждалъ меня секретарь графа Шонборна, Кейль, когда меня привезъ въ Неаполь, въ квартирѣ секретаря Вицеройскаго Вейнгартена, чтобъ я писалъ въ Россію къ вышеписаннымъ, понеже есть вѣдомости, что ты умеръ, иныя есть—будто поиманъ и сосланъ въ Сибирь; того ради пиши; а будетъ-де не станешъ писать, мы-де держать не станемъ; и не вышелъ вонъ покамѣстъ я написалъ; и по принужденію его писалъ я въ Сенатъ и къ архіереямъ.»

Въ другоій разъ (Устр. стр. 164): И мнѣ графъ Шонборнъ сказалъ въ Вѣнѣ: А цесарь-де тебя не оставитъ, и будетъ-де случаій, будетъ по смерти отца и вооруженною рукою хочетъ тебѣ помогать на престолѣ. И я ему сказалъ: я васъ не о томъ прошу только, чтобъ содержать меня въ

своей протекціи, и онаго я не желаю.» Или опять (Устр. стр. 253): «А при животѣ бъ батюшковомъ мнѣ отнюдь не возвращаться инымъ образомъ, кромѣ того, какъ нынѣ возвратился, то есть: по присылкѣ отъ него.»

Далѣе объ томъ же предметѣ (Устр. стр. 252): «А къ тому были мнѣ всѣ друзья, и хотя бы прямые государи меня и не приняли всѣ, для обѣщанія и клятвы (*а чаю, что и я ради клятвы въ отреченіи отъ наслѣдства въ первомъ письмѣ, не принялъ короны*), а въ управители при братѣ всеконечно бы всѣ приняли бы до возраста братня.»

(Устр. стр. 252) «А о прочихъ сенаторѣхъ и министрахъ имѣлъ надежду для того, чтобъ когда былъ князь Меншиковъ, или бы хотя кто иной управителемъ долгое время, то бъ не безъ того, чтобъ кому не досадить, то бъ желали быть лучше подо мною, нежели подъ своимъ равнымъ».

Очень затруднительно сдѣлалось для Алексѣя оправданіе, при допросахъ и пыткахъ другихъ осужденныхъ: Аѳанасьева, Дубровскаго, бывшей царицы Евдокіи, Кикина, Глѣбова, Досиѳея, царевны Маріи Алексѣевны, Авраама Лопухина, Василія Долгорукова, Эверлакова, князя Семена Щербатова, сибирскаго царевича и т. д.

Отъ 4 февраля до 7 мая, царевича не допрашивали вовсе, по крайнѣй мѣрѣ мы ничего не встрѣтили подобнаго ни у Погодина, ни у Устрялова. Въ это же время возвратилась любовница Алексѣя, и 2 мая, послѣ родовъ ея, начинаютъ ее допрашивать. Евфросинія показываетъ (Устр. стр. 238—41): «Письма писалъ изъ крѣпости, и при этомъ никакого иноземца не бы-

ло; а писано не на первыхъ дняхъ, но гораздо спустя послѣ того, какъ въ крѣпость посадили».

«Также и писалъ къ цесарю съ жалобами на Государя многажды».

«Всегда желалъ наслѣдства, и постричься отнюдь не хотѣлъ».

«Писалъ и Архіереямъ».

«Ушелъ-де онъ Царевичъ отъ того, будто, Государь искалъ всячески, чтобъ ему царевичу, живу не быть».

«И надежду имѣлъ на сенаторей».

«Онъ же мнѣ говаривалъ: Я-де старыхъ всѣхъ переведу, а изберу себѣ новыхъ по своей волѣ».

«Когда онъ будетъ Государемъ, и тогда будетъ жить въ Москвѣ, а Питербурхъ оставитъ простой городъ, и держать ихъ не будетъ».

«Въ самой тотъ день, когда изъ крѣпости Сентъ-Эльма выѣзжалъ, отдалъ мнѣ письма черныя, каковыя онъ писалъ къ цесарю съ жалобою на отца и хотѣлъ ихъ показывать вицерою Неапольскому; однакожъ велѣлъ мнѣ оныя сжечь, и я ихъ сожгла».

«А тѣхъ писемъ (черныхъ) было всѣхъ листовъ съ пять».

Намъ кажется, что послѣ всѣхъ этихъ показаній Евфросиніи на царевича, настала для него послѣдняя благопріятная минута, въ которую онъ могъ бы наконецъ согласиться, что онъ дотолѣ не рѣшался высказать истины, но что теперь, послѣ всего сказаннаго Евфросиніею, онъ не можетъ болѣе оправдываться. Къ сожалѣнію Алексѣй поступаетъ иначе. Онъ дѣйствуетъ какъ полководецъ, который, будучи побѣжденъ, рѣшается на отступленіе тогда, когда от-

ступленіе это становится для него пагубнымъ, и онъ вынужденъ заключить миръ на условіяхъ невыгодныхъ для него. Царевичь, продолжая свою ложь, принужденъ наконецъ сознаться, что часть сказаннаго имъ прежде не была истиной. Какъ ребячески глупо сплится онъ изъ всего этого выпутаться. Евфросинія говорила: «Онъ писалъ къ цесарю съ жалобою на отца», Алексѣй на это возражаетъ (Устр. ст. 242): «къ цесарю на отца съ жалобами писалъ, *но не отослалъ*». Но въ скоромъ времени открылось, что и здѣсь одна ложь, потому что послѣ очной ставки съ Евфросиніею: «дѣвка его уличала и говорила тоже что и написала».

Мая 12 предлагаются Алексѣю письменные вопросы. Онъ отвѣчаетъ:

«Къ цесарю писалъ, какъ онъ ушелъ, и отъ чего и за чѣмъ возвратиться не хотѣлъ; а болѣе не упомнитъ»,

«Къ Архіереямъ не писалъ».

«О сенатахъ: «какъ-де еще они похотятъ» такія слова говаривалъ; а надежду ни на кого не имѣетъ и никого не тантъ».

Здѣсь онъ соглашается: «Притворяя себѣ болѣзнь, лѣкарство нарошно, чтобы не быть (въ походахъ) принимывалъ, и въ томъ виноватъ».

Мая 14 пишетъ онъ къ отцу собственноручно.

Въ этомъ письмѣ такая нелѣпая ложь, что можемъ только сожалѣть объ царевичѣ (Устр. стр. 246):

«Передъ пріѣздомъ Петра Андреевича писемъ никакихъ не печатывалъ; а прислалъ ко мнѣ Вицероевъ секр. чертежъ и реляцію атаки Бѣлогородской и велѣлъ запечатавъ, прислать назадъ, чтобъ тотъ капи-

танъ, который у меня былъ, не вѣдалъ, что мнѣ присылаютъ, для того, что меня держали подъ невольническимъ лицомъ, а оный чертежъ такъ запечатавъ, и отослалъ. А послано письмецо къ секретарю, а въ какой матеріи, не упомню, а чаю о какихъ своихъ нуждахъ».

За симъ въ показаніяхъ на царевну Марью Алексѣевну онъ вновь запутывается въ словахъ, и обнаруживаетъ всю низость своего характера (Дополнительное показаніе отъ 16 мая 1718 Устр. стр. 254):

«А въ подаціи перваго письма всесовершенно забылъ какъ и сіе, такъ и царевнѣ Марьѣ, что намекнулъ о побѣгѣ, а послѣ хотя и вспомнилъ, объявить боялся смерти».

«А о другихъ царевниныхъ словахъ и видѣніяхъ не объявилъ въ то первое письмо, для того: *пожалѣлъ ее а больше себя*; когда бы она заперлась, то опасался пытки себѣ, понеже дѣлъ ея не вѣдалъ, а она была въ милости.

А когда уже ея дѣла стали дурныя явны, то уже безъ всякаго опасенія писалъ, что слышалъ отъ нея».

Въ письмахъ къ сенаторамъ читаемъ слѣдующее (Устр. стр. 380 прилож. 83): «Безъ всякой съ его стороны виновности, хотѣли его въ прошедшемъ году постричь въ монашество, и потому онъ долженъ былъ прибѣгнуть «подъ храненіе нѣкоторыхъ высокія особы до времени, когда сохранивый мя Господь повелитъ возвратиться въ отечество, паки при которомъ случаѣ прошу не оставите меня забвенна».

Въ письмахъ къ духовенству онъ пишетъ откровеннѣе, ибо послѣ словъ «подъ храненіемъ» прибавляетъ онъ еще слѣдующія, опасныя для него слова

(Устр. стр. 381 прилож. 84): «подъ храненіемъ нѣкотораго великаго государя, который меня обѣщался не оставить и въ нужной часъ помощи». Въ черновыхъ его письмахъ, найденныхъ у Евфросиніи, встрѣчаемъ еще слово *нынѣ*, два раза написанное и потомъ зачеркнутое. При допросѣ о составленіи и о содержаніи этихъ писемъ, Алексѣй отвѣчаетъ на счетъ перваго, 8 Февраля 1718 года (Устр. стр. 163):

«Письма писать къ Сенату и къ Архіереямъ принуждалъ меня секретарь графа Шонборна Кейль и т. д.

12 Мая. «Конечно писалъ по принужденію, а не собою.»

Ефросинія уже представила прежде, что письма эти писалъ онъ самъ, и она объ этомъ знала. А его показаніе объ этомъ было: «А изъ людей моихъ про тѣ письма не вѣдалъ никто (да и грамотнаго человѣка при мнѣ въ то время не было); а дѣлали мы двое съ секретаремъ затворясь.»

Ефросинія объявляетъ, что онъ писалъ изъ крѣпости Сентъ-Эльма; Алексѣй говоритъ что (Устр. стр. 242): «къ архіереямъ изъ крѣпости не писалъ.» Потомъ говоритъ (стр. 254): «А про письмо, что она сказала, въ чемъ я запирался, и оное письмо писано къ архіерею Кіевскому, не задолго предъ пріѣздомъ Петра Андреевича.»

У Евфросиніи найдены его черновыя письма, тогда какъ онъ прежде сказалъ (стр. 164): «Сіе писано, сила письма; а чернаго писать не дали.»

О содержаніи этихъ писемъ онъ говоритъ въ Февралѣ (стр. 163): «я чаю, вамъ и всѣмъ удивительно мой безвѣстный отъѣздъ, но что меня принудило ве-

лікое озлобленіе, что едва и въ монашество не облекли; но Богъ далъ мнѣ случаи отлучиться подъ охраненіе нѣкоторой высокой особы (понеже мнѣ именовать никого не велѣно) обрѣтаюсь до времени, когда Господь повелитъ возвратиться. Прошу, не забудьте меня. А будетъ, кто отъ хотящихъ въ людяхъ память о мнѣ загладить и будетъ разглашать, что я умеръ, или что иное худо, не извольте вѣрить, и другихъ утвердить: понеже живъ есмь и въ добромъ здравіи. Богу и благодѣтелямъ моимъ хранящимъ мя, которые меня обѣщались не оставить, и во всякой нуждѣ помогать. А я вамъ и всему отечеству доброжелательный до гроба моего.» Въ маѣ онъ говоритъ почти то же самое, но прибавляетъ слѣдующее (стр. 253): «А при животѣ-бъ батюшковомъ мнѣ отнюдь не возвращаться инымъ образомъ, кромѣ того, какъ нынѣ возвратился, то есть, по присылкѣ отъ него.»

Приведемъ теперь три отвѣта царевича, которые даетъ онъ въ продолженіи только двухъ недѣль, касательно одного и того же предмета. Въ четвертомъ пунктѣ Петровыхъ вопросовъ отъ 12 мая говорится: «Въ томъ же письмѣ приписано, чтобъ его не оставить *нынѣ* дважды, и почернено: а въ новинномъ нѣтъ же?» Вотъ первый отвѣтъ Алексѣя на этотъ пунктъ: «для чего то почернено, не упомнитъ». Петръ, 16 числа, требуетъ отвѣта болѣе точнаго. Тогда Алексѣй увѣряетъ, что: «Слово нынѣ дважды, то описался: а что одново написалъ было: чтобъ оныя письма были явлены въ люди, и тѣмъ бы можетъ быть, чтобъ за меня больше стали въ народѣ, примѣняясь къ вѣдомостямъ печатнымъ; и потомъ подумалъ, что то дурно, и вымаралъ»; наконецъ 26-го мая Алексѣй со-

знается (стр. 257): «А понеже въ послѣднемъ моемъ повинномъ написано, что ежели бы бунтовщики меня когда бъ нибудь (хотя бъ и при живомъ тебѣ) позвали, то бъ я поѣхалъ, и то нынѣ написалъ было я для того, чтобъ когда оное было въ люди явлено, то бы какъ нибудь, «или прошеніемъ, или угрозами за меня вступились». Но какъ эти слова не находились въ отосланномъ письмѣ, то онъ виновенъ былъ намѣреніемъ, а не дѣломъ, и по нашему мнѣнію, обстоятельство это не заслуживало такого продолжительнаго розыска.

Глубокимъ чувствомъ состраданія наполняется наше сердце въ то время, когда мы убѣждаемся, что Алексѣй постоянною ложью загражданъ себѣ добровольно малѣйшій путь къ спасенію. Довѣріе къ нему совершенно пропадаетъ. Не клялся ли онъ 31 октября 1715 г.: «наслѣдія не претендую, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою?» Когда такимъ образомъ онъ клялся въ этомъ, по видамъ своей партіи, онъ уже знадъ, что преступитъ эту клятву. Сверхъ того эта государственная измѣна была болѣе распространена нежели обыкновенно полагаютъ. Устряловъ упоминаетъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ Алексѣй умалчиваетъ (стр. 169): «изъ дѣлъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ знаемъ на вѣрно, что онъ получилъ предательское письмо отъ Алексѣя Бестужева-Рюмина». Вотъ что еще уничтожаетъ въ насъ послѣднее чувство состраданія къ особѣ Алексѣя: мы читаемъ у Устрялова (стр. 169), что царевичъ указываетъ на Ипкифора Вяземскаго, бывшаго столько лѣтъ его наставникомъ, какъ на участника своего въ бѣгствѣ и въ заговорѣ; между тѣмъ какъ: «Ипкифоръ

Вяземскій оговоренъ былъ *напрасно»*, такъ что онъ (Устр. стр. 201) 16 мая 1718 года былъ совершенно оправданъ и освобожденъ отъ розыска.

Такимъ образомъ достигли мы теперь до изображенія г. Погодинымъ взаимныхъ отношеній между Петромъ и Алексѣемъ.

1) Мы согласны съ мнѣніемъ г. Погодина, гдѣ онъ говоритъ объ этихъ столкновеніяхъ между отцемъ и сыномъ (стр. 3): «это граница между древнею и новою Россіею». Далѣе, тамъ гдѣ упоминаетъ о заключеніи Евдокіи въ монастырь (стр. 37): «что сказать о такомъ поступкѣ?....это жестоко, безчеловѣчно, и въ высшей степени самоуправно». Соглашаемся мы и въ томъ, что Петръ сурово поступалъ, давая своему сыну тотчасъ послѣ брака разныя порученія, въ слѣдствіе которыхъ Алексѣй часто долженъ былъ разлучаться съ молодою супругою (стр. 47); «такая продолжительность разлуки съ женою, полтора года, вскорѣ послѣ брака (онъ жилъ съ женою только полгода и то съ промежутками), не могла не имѣть вреднаго вліянія на ихъ отношенія». Потомъ (стр. 53): «Вѣрно у Петра давно уже возникла мысль отрѣшить отъ наслѣдства Алексѣя, не раздѣлявшаго его образа мыслей, не одобрявшаго его нововведеній, привержешаго къ ненавистной старинѣ, склоннаго къ его противникамъ». Тутъ мы пропустимъ только одно мѣсто изъ дальнѣйшихъ предположеній г. Погодина, гдѣ онъ говоритъ, что Алексѣй, рожденный отъ противной матери, сдѣлался ненавистнымъ отцу. Наконецъ мы совершенно соглашаемся съ выраженіями г. Погодина, которыми онъ заключаетъ свое введеніе (стр. 3): «честь времени, когда можно о такомъ важномъ вопросѣ говорить

искренно и свободно; предлагать свои мысли безъ малѣйшихъ опасеній». Хотя вся статья г. Погодина есть ни что иное, какъ уничиженіе Петра и его новой Россіи: тѣмъ не менѣе она дѣлаетъ честь не только нынѣшнему времени, но и смѣлости г. Погодина.

2) Мы не соглашаемся съ г. Погодинымъ въ нижеслѣдующихъ мнѣніяхъ его, въ его отрицательныхъ доказательствахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ его поэтическихъ выраженій.

(Стр. 37) Главнымъ несчастіемъ было то, говоритъ *г. Устряловъ*, «что до девяти лѣтъ царевичъ находился подъ надзоромъ матери, коснѣвшей въ предразсудкахъ старины и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру. «Едва-ли! (полагаетъ г. Погодинъ). Все это не могло имѣть вліянія на молодаго царевича, который воспитывался по общему обычаю». Впечатлѣнія (*), оставленныя воспитаніемъ въ воображеніи царевича-дитяти до самаго его девятилѣтняго возраста, какъ замѣчаетъ г. Устряловъ, могли дѣйствительно имѣть вліяніе на остальную жизнь царевича. Погодинъ же совсѣмъ другаго мнѣнія. Онъ предполагаетъ, что будучи еще 10-12 лѣтъ (стр. 39), «царевичъ могъ свести нехорошія знакомства; могъ подвергнуться дурному вліянію, положить основаніе привычкамъ; полюбить праздность, хотя все еще онъ былъ очень молодъ, и нельзя ему было испортиться безъ надежды на исправленіе». При необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и при собственномъ добромъ желаніи, двѣнадцатилѣтній мальчикъ можетъ исправиться;

(*) Г. Семевскій (въ своей критикѣ VI тома Устр., стр. 7) раздѣляетъ наше мнѣніе касательно этого предмета.

но нельзя на это совершенно полагаться, и потому съ образомъ мыслей г. Погодина на счетъ воспитанія мы вовсе не согласны. (Стр. 55) «Если бы точно желалъ Петръ исправленія, то умѣлъ бы принудить царевича къ дѣятельности, умѣлъ бы принять нужныя для того мѣры». Если бы г. Погодинъ самъ нашелъ эти мѣры и могъ убѣдить въ пользѣ, какую отецъ могъ бы ожидать отъ нихъ при воспитаніи сына, тогда онъ въ нравственномъ отношеніи болѣе бы сдѣлалъ для человѣчества, чѣмъ врачъ, нашедшій средство излѣчивать чахотку. Мы уже показали, что Петръ чрезвычайно много сдѣлалъ для воспитанія своего сына, и что если оно не удалось при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то въ этомъ скорѣе виноватъ самъ Алексѣй съ своими приверженцами, а не Петръ.

Въ слѣдующемъ за симъ изложеніи, одно и тоже обстоятельство г. Погодинъ разсматриваетъ двояко, и оба мнѣнія его, противорѣча одно другому, слѣдуютъ даже одно за другимъ. Историкъ, въ такомъ случаѣ, принужденъ, или сознаться, что онъ не зналъ какъ объяснить событіе, или, приставъ къ одной изъ двухъ сторонъ, изъяснить, почему онъ такъ дѣйствуетъ. Почему г. Погодинъ говоритъ, только какъ бы мимоходомъ (стр. 56): «Царевичъ написалъ отвѣтъ и отрекался отъ престола»? А двумя строками ниже: «Послѣ у цесаря онъ говорилъ объ этомъ отреченіи, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей, и только силою и страхомъ его принудили подписать отреченіе: онъ опасался невольнаго постриженія, смертныхъ побоевъ, опасенія отравы». Наша мысль на счетъ этихъ двухъ разнствующихъ между собою свидѣтельствъ такова: слова Алексѣя въ

Вѣнѣ — ложь, а то, что онъ написалъ въ отвѣтѣ и отрекался отъ престола—истина. Можетъ быть наше мнѣніе и ошибочно, но мы изложили по крайней мѣрѣ свой взглядъ на этотъ предметъ.

Далѣе, на счетъ отношеній Веселовскаго къ царевичу, г. Погодинъ предполагаетъ: (стр. 63) «подозрѣнія наши, можетъ быть, неосновательны, но они имѣютъ свою степень вѣроятности, и такъ какъ весь этотъ періодъ состоитъ изъ подозрѣній, то одно лишнее не слишкомъ увеличитъ ихъ количество». Мы не соглашаемся съ тѣмъ, чтобы измѣна Алексѣя приписываема была ему изъ однихъ подозрѣній. Послѣ всего сообщеннаго г. Устряловымъ въ VI томѣ исторіи Петра, намъ не остается на этотъ счетъ никакого уже сомнѣнія. На страницѣ 38-й г. Погодинъ говоритъ: «не любя мать, Петръ былъ, разумѣется, холоденъ и къ сыну, ее напоминавшему». Здѣсь опять мы совершенно не соглашаемся съ словомъ «разумѣется.»

Часто бываетъ и такъ, что родители, любя особенно другъ друга, тѣмъ менѣе любятъ уже дѣтей, и на оборотъ, часто любовь къ дѣтямъ увеличивается, когда сердце не нашло въ супружествѣ всего, чего желало. Мы часто видимъ и то еще, что кормилицу дитя любитъ болѣе своей нѣжной матери,—часто усыновленныя дѣти бываютъ любимы своими воспитателями болѣе, чѣмъ дѣти своими родителями.

(Стр. 38) «Отъ 1690 до 1698 года (говоритъ г. Погодинъ) Петръ не дѣлалъ еще никакихъ особенныхъ нововведеній, въ слѣдствіе которыхъ мать Алексѣя имѣла бы поводъ ненавидѣть отца его.» А на предъидущей страницѣ авторъ самъ говоритъ:

«Въ 1696 г. открытъ былъ заговоръ Соковнина,

Цпклера и Пушкина, которые хотѣли убить царя». Не былъ ли этотъ заговоръ слѣдствіемъ нововведеній Петра?

Еще замѣтимъ, что г. Погодинъ при всякомъ удобномъ случаѣ восклицаетъ: «несчастный Алексѣй!» Это невольно заставляетъ насъ вспомнить Голикова, которому бы я охотно подражалъ изъ чувства глубокаго почитанія къ особѣ великаго Петра:—Голиковъ начинаетъ почти каждую часть, каждый разсказъ, каждое предложеніе, словами: «*Великій Царь.*» Такіе epitheta ornantia въ историческихъ описаніяхъ предоставляются уже самому читателю. Если онъ соглашается съ мнѣніемъ автора, то онъ самъ невольно выговоритъ: «несчастный Алексѣй»! «Какой великій царь!» Если же читатель думаетъ иначе, то весьма справедливо укоритъ автора въ желаніи быть проводникомъ своихъ мнѣній. Мы приведемъ слѣдующія слова г. Погодина, чтобы показать, что тутъ слово «несчастный» вовсе не умѣстно (стр. 71): «начались сборы въ возвратный путь (изъ Неаполя). Царевичъ ѣздилъ съ Толстымъ въ Бари помолиться, *несчастный*, мощамъ чудотворца Николая.»

У г. Погодина часто встрѣчаются косвенные доводы. Вотъ два мѣста въ доказательство тому (стр. 55): «Петръ давалъ разныя порученія царевичу и исполненіями его былъ доволенъ.» «Мы не имѣемъ документовъ ни объ одномъ неисполненномъ приказаніи. Потомъ (стр. 75): «Еслибъ были какія положительныя доказательства его пороковъ, то они непремѣнно были бы возстановлены и даже преувеличены въ публичныхъ объявленіяхъ.» Такіе отрицательные доводы не удовлетворительны; кто знаетъ? Можетъ

быть въ то время, какъ г. Погодинъ печаталъ свою статью, или когда мы пишемъ нашу, или спустя нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько лѣтъ, найдутся противоположныя тому доказательства, въ бумагахъ оставленныхъ намъ Петромъ, и мало еще разсмотрѣнныхъ. О томъ, былъ ли Петръ доволенъ Алексѣемъ или нѣтъ, г. Погодинъ приводитъ лишь по одному мѣсту. Для разрѣшенія перваго вопроса онъ приводитъ слѣдующее, изъ Туманскаго (томъ VIII стр. 8), (что у Погодина, 44—45): «не только для доношенія Ц. В., бывшему тогда въ Украйнѣ, о дѣлахъ, ихъ же Ц. В, положилъ на него, но такожъ ради приводу съ собою пяти полковъ, которые онъ самъ набралъ, устроилъ, и училъ въ Москвѣ, Е. Ц. В. такъ былъ тѣмъ доволенъ, что ему публично показалъ искренніе знаки отеческой любви». Для разрѣшенія втораго вопроса слѣдующее (стр. 44): «Только однажды царевичъ счелъ нужнымъ оправдываться и написать къ отцу о 300 рекрутахъ, которые негодятся, но лучше въ то время не могъ вскорѣ найтить.» Но у Устрялова же мы находимъ доказательство тому, что Петръ еще и въ другихъ случаяхъ былъ недоволенъ Алексѣемъ: изъ письма царевича отъ 8-го декабря 1708 г. къ Екатеринѣ (Устр. 309):

«Катерина Алексѣевна и Анисья Кирилловна, здравствуйте.

Прошу васъ, пожалуйте, освѣдомясь отпишите, за что на меня есть Государя—батюшка гнѣвъ: понеже изволитъ писать, что я оставя дѣло, хожу за бездѣльемъ; отъ чего нынѣ я въ великомъ сумнѣніи и печали». Здѣсь не означено, чѣмъ заслужилъ Алексѣй гнѣвъ Петра, а изъ письма, которое приводитъ г. Погодинъ,

видно, что поводомъ къ неудовольствію былъ наборъ худыхъ рекрутъ.

Особенно въ своихъ предположеніяхъ, клонящихся ко вреду Петра, г. Погодинъ выражается поэтически. Мы признаемъ въ его словахъ риторическія красоты, но истины въ нихъ еще не видимъ.

Слѣдующее картинное изображеніе ничѣмъ, нигдѣ не подтверждается; ибо Алексѣй отвѣчалъ на вопросъ, предложенный ему Петромъ письменно, а не изустно «Во второмъ письмѣ Петръ придирается еще, если можно такъ выразиться, безотчетнѣе, безлогичнѣе: такъ и видишь, что несчастный отступаетъ передъ нимъ, уклоняется, жмется къ стѣнѣ, а тотъ съ поднятыми руками напираетъ плотнѣе и плотнѣе».

Послушаемъ, что еще говоритъ г. Погодинъ: (стр. 80) «Петръ не могъ узнать, не могъ добраться до средоточія мнимаго заговора, потому что заговора собственно не было нигдѣ, то есть онъ былъ вездѣ, носился въ воздухѣ, гдѣ поймать и схватить его не достанетъ силы ни у кого, даже у Петра. Въ доказательство несправедливости этихъ словъ, мы приведемъ мѣсто изъ Устрялова: (стр. 169) «изъ дѣлъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ мы знаемъ навѣрное, что онъ (Алексѣй) получилъ предательское письмо отъ Алексѣя Бестужева–Рюмина».

3) Мы уже выше сказали нѣсколько словъ о предположеніяхъ г. Погодина на счетъ Веселовскаго, резидента Петра въ Вѣнѣ. Прежде чѣмъ будемъ говорить о тѣхъ предположеніяхъ касательно Петра, мы должны замѣтить, что въ исторіи есть много такихъ событій, которыя мы по истеченіи 150 лѣтъ должны будемъ принять какъ fait accompli, не будучи въ состо-

нiи привести яснаго доказательства. Такъ напримѣръ наставникъ царевича, Гюйссенъ, посланъ въ 1705 г. Петромъ за границу съ порученіемъ. Онъ остается тамъ до 1708 г. и неизвѣстно для какихъ важныхъ дѣлъ, порученныхъ ему Петромъ, долженъ былъ оставаться такъ долго за границей. Что это отсутствіе Гюйссена имѣло вредное вліяніе на воспитаніе царевича, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Г. Погодинъ (стр. 42) спрашиваетъ: «Не видать ли уже здѣсь, въ отстраненіи Гизена, какъ и прежде въ удаленіи Нейгебауера (*), тайнаго намѣренія Меньшикова пріучить царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери—и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ. Меньшиковъ могъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, подать злоумышленный совѣтъ Петру, послать Гизена въ чужіе край. Такъ и думали иностранцы, даже въ близкое время: Бюшингъ, Левекъ (L'évéque), и Коксъ». Если удаленіе Гюйссена и было дѣломъ Меньшикова, какъ же согласить съ этимъ то обстоятельство, что въ 1708 г. Гюйссенъ былъ снова призванъ къ отправленію своей прежней должности? Если Меньшиковъ имѣлъ столько вліянія на дѣйствія Петра, что могъ удалить Гюйссена, то какъ же могъ онъ потомъ обнаружить слабость свою, оставить его при Алексѣѣ на нѣсколько лѣтъ

(*) Не говорилъ ли самъ г. Погодинъ (стр. 4) «1702 г. мая 23 ссора у Нейгебауера съ Вяземскимъ за столомъ у царевича въ Архангельскѣ; въ іюлѣ указъ объ увольненіи Нейгебауера».

и послать его за границу съ царевичемъ одного, безъ всякаго другаго надъ Алексѣемъ надзора?

Обширное поле для предположеній г. Погодина представляетъ Петрово «объявленіе моему сыну», отъ 11-го октября 1715 г., подписанное «въ Шлюссельбургѣ или при С.-Петербургѣ», и отданное царевичу въ день погребенія кронпринцессы 27-го октября только, слѣдовательно 16 дней позже перваго подписанія.

На это г. Погодинъ приводитъ слѣдующія предположенія: (стр. 52—53) «а писано было письмо за 16 дней, наканунѣ рожденія сына у царевича, отдано наканунѣ рожденія сына у царя».

«Въ недоумѣніе приходитъ всякій здравомыслящій и безпристрастный изслѣдователь. Что за странность? Царь пишетъ письмо къ сыну, съ угрозою лишить его наслѣдства, но не отдаетъ письма и на другой день по написанію рождается у царевича сынъ, новый наслѣдникъ; царь держитъ у себя письмо и отдаетъ только черезъ 16 дней, въ день погребенія кронпринцессы, а на другой день послѣ отдачи рождается у него самаго сынъ!»

«Вопросы, одинъ за другимъ, тѣснятся у изслѣдователя: Если Петръ написалъ письмо въ показанное число, въ Шлиссельбургѣ, то зачѣмъ не послалъ его тотчасъ къ сыну? Зачѣмъ держалъ 16 дней, воротясь въ Петербургъ? Рожденіе внука должно бы было измѣнить рѣшеніе: сынъ провинился, то новорожденный внукъ получалъ неотъемлемое право на престолъ! За чѣмъ бы опредѣлять именно число? Пролежало оно 16 дней въ карманѣ, для чего же напоминать о томъ, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней. Ясно, что была какая-то задняя мысль. Она видна и

въ подстрочномъ замѣчаніи къ печатному розыскному дѣлу: «понеже писано то письмо до рожденія царевича Петра Петровича за 18 дней, и тако въ то время былъ онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ одинъ». «Что за странное намѣреніе отдать письмо въ руки царевичу въ публикѣ, передъ множествомъ свидѣтелей, въ день погребенія жены».

«Письмо носитъ явные признаки сочиненія съ риторикою: его вѣрно писалъ грамотѣй на досугѣ, не Петръ, выражавшійся и не въ такихъ случаяхъ отрывисто».

«Да и на что письмо? Развѣ нельзя было передать все еще сильнѣе на словахъ? Во всемъ этомъ дѣйствіи нельзя не видѣть чернаго плана, смѣтаннаго въ тревогѣ бѣлыми нитками. Какъ же объяснить это загадочное событіе»?

«Вѣрно у Петра давно уже возникла мысль отрѣшить отъ наслѣдства Алексѣя, рожденнаго отъ противной матери, не раздѣлявшаго его образа мыслей, не одобрявшаго его нововведеній, приверженнаго къ ненавистной старинѣ, склоннаго къ его противникамъ. Вѣрно онъ возъимѣлъ желаніе предоставить престолъ дѣтямъ отъ любезной своей Екатерины. Екатерина, равно какъ и Меньшиковъ, коихъ судьба подверглась бы ежеминутной опасности, въ случаѣ смерти царя, старались, разумѣется, всѣми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру всѣ его слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе. И вотъ лукавая совѣсть человѣческая вмѣстѣ съ сильнымъ умомъ начала подбирать достаточныя причины, убѣждать въ необходимости дѣйствія, оправдывать всякія мѣры; она пугала прошедшимъ,

искажала настоящее, украшала будущее,—и Петръ рѣшился! Онъ рѣшился, и ужъ, разумѣется, ничто не могло мѣшать ему при его желѣзной волѣ, предъ которою пало столько препятствій. Погибель несчастнаго царевича была опредѣлена. Въ средствахъ нечего было ожидать строгой разборчивости: Петръ въ такихъ случаяхъ ничего не видалъ, кромѣ своей цѣли, лишь бы скорѣе и вѣрнѣе кончено было дѣло».

«Оно надписано числомъ наканунѣ рожденія у царевича сына, ибо, по рожденіи этого внука, нельзя бы не упомянуть объ немъ, нельзя грозить вполнѣ о лишеніи наслѣдства, когда явился еще новый, полноправный наслѣдникъ».

Мы противу этого приведемъ не предположенія, но факты, которые намъ извѣстны, и предоставимъ читателю рѣшить, на сколько они находятъ ихъ полновѣсными:

1) Не для чего было спѣшить отдачею объявленія царевичу, потому что оно служило только угрозою.

2) Оно было написано не въ самомъ Петербургѣ, но въ окрестностяхъ его.

3) Устряловъ говоритъ: «(44)» 21-го октября, въ первомъ часу по полудни, навѣстилъ умирающую невѣстку Петръ, не выходивній до сихъ поръ за сильною колікою изъ комнаты цѣлую недѣлю».

По донесенію Плейера, Петръ былъ все еще нездоровъ: (*) (Устр. стр. 342 прилож. № 45) «Den anderen (Tag) gegen Mittag schickte sie zum Czaren, liesse ihn zu

(*) На другой день по полудни послала она (кронпринцесса) къ царю, просить его къ себѣ, чтобы съ нимъ проститься передъ кончиною: Петръ, не смотря на колику, отъ которой еще не оправился, пришелъ къ ней сейчасъ же.

sich bitten, um sich von ihm zu beurlauben (zum Sterben), welcher ungeachtet er selbst noch von der colica nicht allerdings reconvalesciret, dennoch augenblicklich zu ihr kam.

4) Царевичъ (Устр. стр. 44) 22-го октября, когда она скончалась, былъ внѣ себя отъ горести и нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ.

5) Кронпринцесса была уже по случаю ушиба отъ паденія, до разрѣшенія отъ бремени, очень нездорова.

6) Въ объявленіи Петра ничего не сказано, переходитъ ли это удаленіе отъ престолонаслѣдія и на сына царевича?

Посмотримъ, что случилось въ продолженіе этихъ 16 дней.

1) Октября 21, десять дней спустя послѣ подписанія объявленія въ Шлюссельбургѣ, мы находимъ Петра трудно больнымъ и, въ продолженіе цѣлой недѣли, онъ не можетъ выходить изъ комнаты.

2) Мы видимъ, что кронпринцесса, въ послѣднюю недѣлю своей беременности, слѣдовательно за недѣлю же до этого времени, страдала отъ сильной лихорадки, и не оставляла постели; 12-го разрѣшилась она и 22-го скончалась отъ родильной лихорадки.

3) Алексѣй въ день кончины кронпринцессы нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Неизвѣстно, что побудило Петра замедлить передачею объявленія Алексѣю; но, по крайней мѣрѣ, это послужило въ пользу Петра передъ лицемъ враждебныхъ ему судей.

Еслибы онъ отдалъ объявленіе 11 или 12 числа, то всѣ эти предположенія перешли бы, согласно желанію тѣхъ строгихъ судей, изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительный. Съ радостію могли бы они сказать,

что чрезъ это письмо, которое Алексѣй долженъ былъ показать и супругѣ своей, потому что можетъ быть и ея дѣти подвергались участи отца своего,—вслѣдствіе этого письма она получила родильную лихорадку и умерла; съ Алексѣемъ же дѣлались такіе обмороки, что онъ также былъ близокъ къ смерти; и самъ Петръ отъ гнѣва и ярости былъ на краю могилы.

Въ слѣдующемъ мѣстѣ г. Погодинъ предполагаетъ въ Петрѣ такія мысли: Алексѣй находится подъ покровительствомъ Австріи, Петръ говоритъ про себя:

(Погод. стр. 62): «У цесаря изъ подъ покровительства я всегда-де могу его вытребовать, по народному праву, а если и не вытребую, то бѣглецъ и передатчикъ; онъ лишится права и надежды вступить когда-нибудь на престолъ, даже не будетъ имѣть средствъ поспѣть во-время изъ такой дали.»

Такія слова влагаетъ онъ въ уста человѣка, который въ своемъ «послѣднемъ напомнианіи,» говоритъ: «письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ воспомнинаешь, *и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня.*»

Современное Петру, высшее духовенство, которому извѣстны были обычаи и законы тѣхъ временъ, въ своихъ разсужденіяхъ говоритъ:

(Устр. стр. 519, прилож. 181): «Власть превысочайшая монарха творитъ *елико хочетъ, по своему изволенію,* безъ всякаго совѣта степеней нижнихъ.»

(Стр. 64) Теперь приведемъ слова г. Погодина на счетъ того, что думалъ Карлъ VI: «кромѣ родственнаго участія, кромѣ возможностей въ его пользу, цесарю было выгодно всегда имѣть въ своихъ рукахъ

такой драгоцѣнный залогъ.» — Какъ могъ такой знаменитый историкъ, какъ Г. Погодинъ, не замѣтить, или пропустить ноту графу Волкрѣ (Volkra), которую (Устр. стр. 376) вѣнскій дворъ посылаетъ уже 14/25 апрѣля 1717 года, своему посланнику въ Лондонѣ. «Нота графу Волкрѣ (Volkra) 25, (14) апрѣля 1717 года. (Изъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ. Писано съ поправками графа Шенборна). «Въ самой секретной аудіенціи разсказать изустно, какъ прибылъ царевичъ. Событіе для цесаря весьма непріятное, которое онъ желалъ, чтобы не случилось; но какъ отвратить было нельзя, то цесарь по родству, по участію къ несчастному положенію принца, и по великодушію цесарскаго дома защищать невинно гонимыхъ, далъ ему покровительство и защиту. Резидентъ Веселовскій въ особенной аудіенціи подалъ письмо своего царя, и объявилъ, что царевичъ долженъ здѣсь находиться; цесарь отвѣчалъ, что онъ розыщетъ и увѣдомитъ царя. Письмо сообщено царевичу, чтобы узнать, на что онъ хочетъ рѣшиться, возвратиться ли къ отцу, или остаться подъ защитою цесаря? Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ быть перевезенъ въ Неаполь, и содержимъ въ величайшей тайнѣ. Какъ отвѣтъ царевича почти несомнителенъ— онъ изберетъ послѣднее,—а между тѣмъ Веселовскій неотступно требуетъ у цесарскихъ министровъ, то у того, то у другаго, отвѣта, и даетъ знать, что царь будетъ искать и требовать своего сына вооруженною рукою (armata manu), то ожидая всего отъ его рѣшительности (genio), цесарь приказываетъ спросить короля Англійскаго, намѣренъ ли онъ, какъ курфирстъ и какъ родственникъ Брауншвейгскаго дома, защищать

принца. Переговоры долженъ графъ Волкра вести въ величайшей тайнѣ.»

Родственное участіе супруги цесаря на самомъ дѣлѣ также не существуетъ. Ноября 10, ночью, прибылъ царевичъ въ Вѣну; имѣлъ разговоръ съ Вице-канцлеромъ, графомъ Шенборномъ.

Послѣ продолжительной тайной конференціи царевичъ получаетъ отъ него слѣдующій отвѣтъ (Устр. стр. 69): что признаетъ лучшимъ средствомъ, чтобы царевичъ держалъ себя тайно, и до окончательнаго устройства дѣла, не искалъ случая говорить съ ихъ величествами, тѣмъ болѣе, что беременность императрицы не дозволяетъ ей видѣть его. (Она была беременна только третіи мѣсяцъ). При этомъ г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «теща и свояченица царевича, императрица, *разумѣется* ходатайствовали въ его пользу, и въ пользу его дѣтей, столько къ нимъ близкимъ.»

Вотъ еще предположеніе г. Погодина (стр. 64): «Петръ вызвалъ Веселовскаго въ Амстердамъ, и далъ ему грамоту къ цезарю, какъ будто зналъ напередъ, что царевичъ тамъ.»—Карлъ VI былъ зять Алексѣя, и потому Петръ легко могъ предполагать, что царевичъ направитъ свой путь къ нему: ибо чѣмъ какой Государь сильнѣе, тѣмъ скорѣе прибѣгаютъ къ его защитѣ. Уже и цесарь неохотно согласился скрывать у себя царевича, а потому у менѣе сильныхъ государей, онъ, конечно, вовсе не нашелъ бы покровительства. Но и здѣсь г. Погодинъ говоритъ объ этомъ только односторонне. Богатый матеріалъ Устрялова даетъ (стр. 58) на это слѣдующее свѣдѣніе:

«Встревоженный Петръ послалъ 9 Декабря повелѣніе генералу Вейде, стоявшему съ корпусомъ въ

Мекленбургіи, развѣдать, гдѣ сынъ его; между тѣмъ вызвалъ изъ Вѣны въ Амстердамъ резидента своего Веселовскаго.»

(Погод. стр. 62) «Изъ описанія Шонборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ, слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною. Не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи?» — Когда Веселовскій въ Декабрѣ 1716 года былъ въ Амстердамѣ у Петра, сей послѣдній приказываетъ ему, на возвратномъ пути своемъ въ Вѣну развѣдывать о царевичѣ, а по прибытіи туда продолжать поиски.

Если бы Веселовскій зналъ о пребываніи Алексѣя въ Вѣнѣ, то зачѣмъ ему было разыгрывать такую трудную комедію? Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, въ самое дурное время года, искалъ онъ Алексѣя, такъ что пріѣхалъ въ Вѣну только 20 Февраля 1717 года.

Устряловъ замѣчаетъ, что Веселовскій съ такою ревностію исполняетъ приказаніе Петра, что (стр. 61) «отъ долговременной ѣзды ему приключилась съ жестокою лихорадкою почечуйная болѣзнь (геморой), которой прежде онъ никогда не имѣлъ: доктора совѣтовали ему остановиться недѣли на двѣ; но онъ въ исполненіи царской воли отправился на другой день.»

Видя съ какою увѣренностію г. Погодинъ влагаетъ въ уста давно умершихъ людей слова, о которыхъ, можетъ быть, они и не думали, мы вспомнили одно мѣсто изъ прекрасной повѣсти Гоголя «Шинель», гдѣ онъ говоритъ:

А можетъ быть даже и этого не подумалъ: вѣдь

нельзя залѣзть въ душу человѣка, и знать все, что онъ ни думалъ.»

4) *Каковы были отношенія Алексѣя къ отцу?*

Г. Погодинъ говоритъ (стр. 45) про 1709 годъ: «отношенія между отцомъ и сыномъ дѣйствительно продолжались, повидимому хорошія.»

Если мы знаемъ, что Петръ въ часы отдыха любилъ проводить время въ кругу своихъ веселыхъ, но грубыхъ сотоварищей – работниковъ, то и царевичъ, въ свою очередь, могъ также проводить вечера и свободное отъ занятій время, съ людьми, которые, по мнѣнію отца, могли вредить его дальнѣйшему образованію, имѣть худое вліяніе на его нравственность. Начальникъ можетъ быть очень доволенъ своимъ подчиненнымъ на службѣ; можетъ награждать его; а между тѣмъ можетъ случиться, что этотъ самый подчиненный, внѣ службы, самый развращенный человѣкъ. Одно другому не служитъ препятствіемъ; впрочемъ дѣйствительно, хотя и не навѣрно, можно предполагать, что время свободное отъ занятій царевичъ употреблялъ вовсе не согласно съ волею Петра.

«Нерасположеніе Алексѣя къ войнѣ, развѣ это преступленіе?» спрашиваетъ г. Погодинъ на страницѣ 54. Какъ умѣренны, справедливы требованія Петра въ этомъ отношеніи, мы уже видѣли изъ его «объявленія сыну моему» отъ 11 Октября 1715 года, гдѣ онъ ему ставитъ въ примѣръ Людовика XIV.

(Погод. стр. 56) «Послѣ у цесаря, Алексѣй говорилъ объ этомъ отреченіи, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей, и только силою и страхомъ принудили его подписать отреченіе.» Эти слова г. Погодинъ принимаетъ за чистую монету. Гдѣ Петръ

въ своихъ письмахъ упоминаетъ о внукахъ? Не самъ ли только, и одинъ Алексѣй говоритъ о нихъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 31 Октября 1715 года? Онъ пишетъ: «Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу.» Не говорилъ ли онъ также при отреченіи отъ престола: «наслѣдія не претендую и претендовать не буду; въ чемъ *Бога свидѣтеля полагаю на душу мою*, и ради истиннаго свидѣтельства сіе пишу своею рукою.» И не происходило ли это все на письмѣ, съ предложеніями на рѣшеніе Алексѣя, безъ принужденія страхомъ и силою? Въ теченіе опасной болѣзни Петра въ Декабрѣ 1715 года посѣщаетъ царевичъ отца только разъ, между тѣмъ какъ извѣстно что (Погод. стр. 57): «положеніе его было такъ опасно, что нѣсколько дней министры и сенаторы ночевали въ царскихъ покояхъ.» Алексѣй, который въ своихъ разговорахъ въ Вѣнѣ, увѣрялъ, что онъ ни малѣйшаго огорченія не причинялъ никогда отцу, во время этой болѣзни обнаруживаетъ всю ненависть къ Петру. Если бы царевичъ, хоть нѣсколько, заботился о томъ, чтобы улучшить свои отношенія къ отцу, то самое благопріятное къ тому время представлялось теперь, въ продолженіе болѣзни родителя его. На требованіе Петра, чтобы Алексѣй исправился, послѣдній, ссылаясь на недостатокъ умственныхъ способностей, отрекается отъ престола. Нельзя не отдать справедливости Петру, что онъ вообще зналъ людей. На письмо Алексѣя отъ 31 Октября 1715 года, Петръ отвѣчаетъ 16 января 1716 года: «Что же приносишь клятву, *тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія?*» Касательно этого же требованія Петра, чтобъ царевичъ исправился, г. Погодинъ восклицаетъ (стр. 57): «Помилуйте, что

отвѣчать ему болѣе, если онъ съ обвиненіемъ вполнѣ соглашается, и даже наказаніе за негодность безусловно принимаетъ, отказывается отъ престола?» Мы отвѣчаемъ:—царевичъ долженъ былъ раскаяться въ своихъ поступкахъ; сознаться, что продолжая слѣдовать прежнему пути, онъ готовитъ себѣ явную гибель; обѣщать, что исправится, и наконецъ исполнить обѣщаніе свое на дѣлѣ.

Изъ втораго письма Петра (Устр. стр. 349) видимъ, какъ проницателенъ былъ его взглядъ, касательно этихъ обстоятельствъ: «Такожъ, хотябъ и истинно хотѣлъ хранить (отказъ отъ престола), то возмогутъ тебя склонить, и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло.»

Теперь, касательно одного обстоятельства, мы приведемъ слова г. Устрялова и слова г. Погодина и сравнимъ ихъ: слова г. Погодина (стр. 59): «Черезъ недѣлю Петръ долженъ былъ отправиться за границу. *Онъ посѣтилъ больнаго царевича* и сказалъ ему....; слова Устрялова (стр. 52): «Петръ за два дня отъѣзда былъ у сына, и *нашелъ его въ постели притворно больнымъ*.» Какимъ насмѣшкамъ подверглись бы мы, если бы вздумали доказывать нашимъ читателямъ, что г. Погодинъ вѣроятно не зналъ, забылъ, или нечаянно не замѣтилъ словъ, сказанныхъ на счетъ притворства Алексѣя. Быть не можетъ чтобы писатель, столь ученый какъ г. Погодинъ, который вездѣ приводитъ разныя мѣста изъ Устрялова, не зналъ этого обстоятельства. Онъ зналъ, но безъ вниманія оставилъ его, потому что оно противорѣчило изображенію описываемаго имъ *несча-*

стнаго, преслѣдуемаго Алексѣя. Если уже существуетъ актъ о томъ, что Алексѣй сознаетъ свою вину (стр. 77): «царь принимаетъ, въ общемъ собраніи, сына, который подаетъ ему просительное письмо», то на чемъ же основываетъ авторъ догадку, что просительное письмо было подготовлено?—догадку ничѣмъ не подтверждаемую въ исторіи.

Мы опираемся очень часто на слова царевича въ отвѣтахъ его на вопросы Толстаго 22-го іюня 1718 года. Эти слова его не были вынуждены страхомъ. Имъ не предшествовала угроза, потому что по собственнымъ словамъ Петра, вопросы дѣлаемы были не *для «розыска, но для вѣдѣнія»*. Но это обстоятельство г. Погодинъ отвергаетъ, говоря (стр. 82): «это важнѣйшее признаніе, разумѣется *насильственное*, послѣ посѣщенія Толстаго.»

Сказавъ все, что мы хотѣли замѣтить на счетъ отношеній царевича къ отцу, позволимъ себѣ еще слѣдующій вопросъ: чего же ожидалъ Алексѣй по возвращеніи въ Россію? Какъ понималъ онъ слова отца о *милости и прощеніи*? Такъ какъ царевичу при возвращеніи объявляется, что онъ отрѣшенъ отъ престола, г. Погодинъ произноситъ свой судъ надъ царемъ и говоритъ (стр. 77): «Пріѣхалъ (царевичъ), и позабыты всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, всѣ обнадеживанія. Жертва въ рукахъ и щадить некого и нечего. — Ты долженъ отказаться отъ престола.» Изъ письма царевича къ Евфросиніи, изъ Тверп, отъ 22-го января 1718 года, ясно видно (по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется), что Алексѣй не надѣялся больше быть наслѣдникомъ (Уст. стр. 437 прилож. 141): «Царевичъ Алексѣй Евфросиньѣ изъ Твери 22 января 1718. Другъ мой

сердешный! Афросиньюшка, здравствуй, матушка моя на множество лѣтъ! Писалъ я къ тебѣ изъ Риги, что Петръ Андреевичь (*) поѣхалъ напредъ къ Москвѣ, куда и я за нимъ поѣхалъ, и бывъ на Москвѣ, встрѣтилъ меня здѣсь. И слава Богу, все хорошо, и *чаю меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою*, будетъ Богъ изволитъ, *въ деревнѣ и ни до чего намъ дѣла не будетъ.*» Не говоритъ ли это весьма ясно: я не требую престола. Въ противномъ случаѣ, могъ ли наслѣдникъ преобразователя Россіи, пока не настанетъ пора его царствовать, убивать время въ томъ: «чтобы жить съ Евфросиніею въ деревнѣ, и ни до чего дѣла не имѣть». Это письмо надлежало бы показать г. Погодину. Оно быть можетъ, смягчило бы строгій приговоръ его, и уничижительныя жалобы на Петра. Не менѣе того, авторъ самъ приводитъ это письмо, сопровождая еще другимъ, отъ Толстаго къ Евфросиніи, гдѣ Толстой ей пишетъ: «все такъ исправилось, какъ вы желали.» Г. Погодинъ прибавляетъ здѣсь слѣдующее свое замѣчаніе: «Сердце кровью обливается, читая это предательское письмо, которое писалось, когда въ тюрьмахъ уже растворены были двери.

5) *Въ какихъ отношеніяхъ находился Алексѣй къ своей партіи по словамъ Погодина?*

Изъ словъ его видно, что партія Алексѣя надѣялась на него много, и онъ совѣтовался съ нею; мы же находимъ, что царевичъ былъ довѣрчивъ до легкомыслія, и сдѣлался чрезъ то ихъ орудіемъ (стр. 42): «Ближе всѣхъ къ царевичу были въ это время (отъ 1698—1703) его тетки, дочери царя Алексѣя

(*) Толстой.

Михайловича отъ перваго брака, старыя дѣвицы, не терпѣвшія нововведеній Петровыхъ, окруженныя попами и монахами, кои сообщали имъ разныя видѣнія, и сулили перемѣну обстоятельствъ, лучшее время. Кромѣ тетокъ—родственники его по матери, дяди, возлагавшіе на него всю свою надежду. «При полученіи отъ Петра писемъ, исполненныхъ угрозъ, Алексѣй вмѣсто того, чтобы дѣйствовать по собственному умозрѣнію, совѣтуется съ значительнѣйшими членами своей партіи; слушаетъ ихъ; поступаетъ такъ, какъ они желаютъ. Князь Василій Долгорукій даетъ ему слѣдующій совѣтъ: «Давай писемъ хоть тысячу, еще когда что будетъ; старая пословица: улита ѣдетъ, когда–то будетъ.» Алексѣй цѣнилъ слишкомъ высоко сочувствіе, которое ему оказывали. Кто могъ не сострадать ему, тѣмъ болѣе еще, что былъ онъ виновенъ самъ, и по слабости характера своего—какъ мы сказали выше, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ партіи недовольныхъ, къ достиженію ихъ цѣли. Это мнѣніе наше подтверждаютъ совершенно слѣдующія слова самаго г. Погодина (стр. 59): «Вслѣдъ за царемъ отправился Кикинъ, въ исполненіе мысли, давно уже ходившей въ ихъ кругу:—сыскать царевичу мѣсто въ чужихъ краяхъ». Совсѣмъ другой смыслъ получили бы они, ежели бы сказано было: «чтобы предохранить царевича отъ угрожавшей ему опасности, Кикинъ отправленъ былъ за границу сыскать ему вѣрное убѣжище». Напротивъ того, изъ словъ г. Погодина: «Кикинъ въ исполненіе мысли давно уже ходившій въ ихъ кругу» видно, что сообщники царевича смотрѣли на него не какъ на главу партіи, а какъ на средство къ достиженію цѣли своей.

Царевичъ придаетъ важность самымъ пустымъ словамъ, напримѣръ слогамъ тетки своей Маріи Алексѣевны, на дорогѣ изъ Риги въ Либаву: «Я тебя люблю, и всегда рада всякаго добра, не много васъ у насъ».

Онъ точно также вѣритъ и Василію Долгорукому, который говоритъ царевичу, что онъ болѣе дѣльный человѣкъ, чѣмъ Петръ, который даже не умѣетъ выбирать способныхъ людей.

Излагаемое г. Погодинымъ мнѣніе (стр. 60): «царевичъ по крайней мѣрѣ былъ увѣренъ, что зовутъ его (въ Копенгагенъ) не учиться, а хотятъ его какъ-нибудь извѣсти», внушили ему его приверженцы.

Австрійскій государственный канцлеръ и вице-канцлеръ считаютъ также Алексѣя за человѣка слабаго. Толстой и Румянцевъ, на возвратномъ пути изъ Неаполя въ Москву, не остановились съ царевичемъ въ Вѣнѣ, и вопреки желанію Карла VI отправились далѣе въ Брюнъ. Это подало поводъ къ собранію министровъ, въ которомъ канцлеръ графъ Цинцендорфъ говоритъ (Устр. 127): «наспльственное домогательство поведетъ къ крайности; а *на принца нельзя много полагаться*», и вице-канцлеръ Шёнборнъ говоритъ: «продолжать ему покровительство *при непостоянствѣ его*, и угрожающей государству отъ силы Царя опасности, было бы безразсудно; *царевичъ не имѣетъ довольно ума, чтобы надѣяться отъ него какой либо пользы*».

Теперь мы будемъ говорить объ отношеніяхъ партіи Алексѣя къ нему, и начнемъ съ главнаго лица:

6) *Кикина*. Обвиняютъ его въ томъ, что онъ давалъ Алексѣю слѣдующій совѣтъ въ 1714 году (когда царевичъ вслѣдствіе болѣзни былъ на пути въ Карлс-

бадъ (Устр. стр. 157): «когда же ты вылечишься, напиши къ отцу, что еще на весну надобно тебѣ лечиться; а между тово поѣдешь въ Галландію; а потомъ послѣ вешняго кура можешь во Италіи побывать, и тѣмъ свое отлученіе года два или три продолжать».

Въ 1715 году во время опасной болѣзни Петра, Кикинъ говорилъ царевичу (Погод. стр. 57): «отецъ твой не боленъ тяжко; онъ исповѣдывается и пріобщается нарочно». Во время этой болѣзни Алексѣй видѣлъ самъ отца своего, и долженъ былъ имѣть свое мнѣніе, а не довѣрять слѣпо словамъ Кикина.

Въ январѣ 1716 года, до выѣзда еще царевича за границу, Кикинъ ѣдетъ въ Карлсбадъ, приготовить ему убѣжище.

Получивъ отъ родителя письмо изъ Копенгагена, отъ 26-го августа того же года (Погод. стр. 60), царевичъ отвѣчаетъ: «ѣду», а самъ рѣшился съ дороги бѣжать, въ надеждѣ на Кикинскія приготовленія, кои видно были обезпечены».

При встрѣчѣ между Ригою и Либавою (Погод., стр. 61) «Кикинъ обнадежилъ его, и указалъ Вѣну».

Теперь мы разсмотримъ еще одно обстоятельство, изъ котораго видно, что царевичъ былъ обманутъ, или Кикинымъ или Веселовскимъ: царевича увѣряли, что зять его, императоръ Карлъ VI, готовъ дать ему убѣжище (Погод. стр. 61)—«царевичъ рѣшился бѣжать, удостовѣренный Кикинымъ, что у цесаря готово ему вѣрное убѣжище». А кто (спрашиваетъ г. Погодинъ) увѣрилъ Кикина въ такомъ покровительствѣ, которое рѣшило его ступить этотъ важный и опасный шагъ, грозившій смертью?

Не могъ же Кикинъ говорить, не застраховавъ его, такъ сказать, вполнѣ? Кто же убѣдилъ Кикина? Веселовскій, первый дѣятельный и ревностный агентъ Петровъ въ этомъ дѣлѣ (резидентъ въ Вѣнѣ). Онъ сказалъ Кикину, что не воротится въ Россію, и тѣмъ снискалъ его довѣренность. Кикинъ, основываясь на его словахъ, увѣрилъ царевича: «поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю, тамъ не выдадутъ. Сказывалъ мнѣ Веселовскій, что его спрашиваютъ при дворѣ: за что тебя лишаютъ наслѣдства? Я ему отвѣчалъ: знаешь самъ, что его не любятъ; я чаю для того больше, а не для чего инаго. Веселовскій говорилъ о тебѣ съ вице-канцлеромъ Шёнборномъ, и по докладу его цесарь сказалъ, что приметъ тебя какъ сына, вѣроятно дастъ денегъ тысячи по три въ мѣсяцъ». Какъ встрѣченъ былъ Алексѣй при ночномъ прибытіи въ Вѣну, видно изъ словъ г. Погодина (стр. 62): «изъ описанія Шёнборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ, слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною». Г. Погодинъ обвиняетъ въ этомъ одного Веселовскаго (стр. 62): «не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи». Но самъ г. Погодинъ говорилъ нѣсколько выше, про Веселовскаго, что онъ былъ: «первый, дѣятельный и ревностный агентъ Петровъ въ этомъ дѣлѣ». Но трудно понять, какъ могъ Веселовскій быть, въ одно и то же время, повѣреннымъ Кикина и правою рукою Петра. И притомъ, по словамъ г. Погодина, какую должны были разыгрывать комедію царь и Веселовскій? Петръ хочетъ подстрекнуть своего сына къ побѣгу. Объ этомъ государь уже упредилъ Веселовскаго, по-

тому что сей послѣдній самъ уже извѣщаетъ царя, что онъ обѣщалъ Алексѣю убѣжище въ Вѣнѣ. Когда же Алексѣй скрылся, тогда Петръ вызвалъ къ себѣ Веселовскаго въ Амстердамъ, и зная хорошо, гдѣ скрывается царевичъ, приказываетъ Веселовскому открыть его убѣжище, присовокупляя, что Алексѣй, вѣроятно, скрывается гдѣ нибудь въ Германіи. Но Веселовскій повинуется не для виду только, но освѣдомляется, пишетъ укрывающагося, какъ мы уже выше сказали, *въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, съ такою ревностію, что самъ опасно заболѣваетъ*. Наконецъ начинаетъ подозрѣвать, что Алексѣй въ Вѣнѣ, и тамъ узнаетъ, прибѣгнувъ даже напослѣдокъ *къ подкупу*, что царевичъ дѣйствительно въ Австріи.

Здѣсь мы спросимъ: какъ могъ Веселовскій, резидентъ Петра при иноземномъ дворѣ, интриговать въ пользу царевича противъ царя, отца его? Могла ли Австрія согласиться принять отъ офиціальнаго резидента царскаго предложеніе на умыселъ противъ Петра, имѣя такихъ осторожныхъ, предусмотрительныхъ министровъ, какими намъ извѣстны по исторіи принцъ Евгеній, графы Цинцендорфъ и Шенборнъ? Могли ли они согласиться на умыселъ, который могъ бы вовлечь Карла VI въ войну съ Россіею? Къ тому же мы прибавимъ, что Веселовскій, уже до прибытія своего въ Вѣну, не возбудилъ къ себѣ особеннаго довѣрія. Уже 12-го іюля 1715 года Плейеръ, австрійскій резидентъ въ Петербургѣ, писалъ къ Карлу VI въ Вѣну (Устр. стр. 327, прилож. № 38) «Künftige Wochen (*) wird des Fürsten Menschikoff Secretär Wesseloffsky, dessen Vater ein geborner Jud und ein Spielmann gewesen, und die

(*) На будущей недѣлѣ секретарь князя Меншикова, Веселовскій,

russische Religion angenommen, sein Urlaub bekommen und als czarischer Resident nacher Wien verreisen».

Но между царемъ и Веселовскимъ въ послѣдствіи произошло безъ сомнѣнія что нибудь важное. (Погод. 62) «И этотъ Веселовскій, послѣ казни царевича, скрылся неизвѣстно куда, бѣжалъ со службы. Что за причина такого внезапнаго бѣгства? Петръ употреблялъ всѣ старанія, чтобъ найдти его, и предлагалъ 20 тысячъ ефимковъ тому, кто его отыщетъ. Почему такъ дорожилъ онъ личностію Веселовскаго? Веселовскій не могъ быть уличенъ въ потворствѣ царевичу, не могъ провиниться въ участіи, для него благопріятномъ, не могъ потому, что онъ, какъ видно изъ документовъ нашелъ царевича, и устроилъ самую выдачу, и былъ полезенъ Петру больше всѣхъ. Когда Кикинъ показалъ, что Веселовскій удостовѣрилъ его въ готовности цесаря покровительствовать царевичу, почему Веселовскій не былъ тотчасъ вызванъ для объясненія, какъ вызваны были всѣ, которыхъ имя едва выговорилось при розыскѣ. Не обладалъ ли Веселовскій такими таинами, которыя могущими быть, рано или поздно, опасными для себя, и потому разсудилъ заблаговременно спастись въ Англію. Еслибы Веселовскій, умершій ста лѣтъ отъ роду въ Женевѣ, оставилъ какія нибудь записки, онѣ, безъ сомнѣнія, разъяснили бы процессъ царевича окончательно)».

Г. Погодинъ самъ соглашается въ трудности рѣшить эту задачу: «Веселовскій, по документамъ, былъ полезенъ Петру болѣе всѣхъ».

отецъ котораго былъ жидъ и музыкантъ, принявшій грекороссійскую вѣру, отправляется въ Вѣну въ званіи царскаго резидента.

Стало быть обстоятельство, что Петръ его преслѣдуетъ, должно имѣть какую либо позднѣйшую причину. Далѣе мы не можемъ допустить нижеслѣдующаго мнѣнія г. Погодина: «когда Кикинъ показалъ на Веселовскаго». Кикинъ, не смотря на допросы и пытки отъ 11 до 22-го февраля, и 5 марта 1718 года, не говоритъ ничего, могущаго обвинить Веселовскаго, даже ни одного раза не упомянуто имя его (Устр. стр. 171, 470 — 472, 177).

Въ первомъ допросѣ Кикинъ говоритъ: «бывъ въ Вѣнѣ, я никакого способа его высочеству не искалъ и съ министрами тамошними ничего о немъ не говаривалъ».

Потомъ въ Либавѣ Кикинъ просто совѣтовалъ царевичу ѣхать къ цесарю: «тамъ де мѣсто будетъ; также ежели позоветъ случай, и будутъ васъ просить, цесарь николи не отдастъ».

Въ допросѣ отъ 22–го февраля, Кикинъ жалуется на царевича, что онъ оклеветалъ его (Устр. стр. 472): «А что царевичъ изволилъ говорить, будто я его послалъ въ Вѣну, и то истинно напрасно, по немилости своей».

7) *Евфросинія*. Погодинъ говоритъ (стр. 67), что Толстой и Румянцевъ, по прибытіи въ Неаполь, подкупили окружавшихъ Алексѣя, а именно возлюбленную его Евфросинію:—«найдена дорога къ возлюбленной царевича, Евфросиньѣ, которую царевичъ, по словамъ самаго Толстаго, любилъ страстно».

Если они дѣйствительно подкупили ее, то подкупъ этотъ служитъ еще большимъ доказательствомъ ничтожности царевича. Кто бы могъ вынудить Екатерину къ подобному поступку противъ Петра?—Точно также

въ Неаполѣ Алексѣй обманулся въ расположеніи къ нему секретаря (Погод. стр. 67)», вкравшагося къ царевичу въ довѣренность (стр. 68), «долженъ былъ отнять у него надежду на покровительство цесаря и проч».

8) *Екатерина и Меншиковъ.* Мы сообщили уже мнѣніе наше насчетъ этихъ особъ; приведемъ здѣсь противуположныя мнѣнія г. Погодина. На страницѣ 40-й онъ излагаетъ слѣдующее предположеніе: «въ 1703 году надъ головою несчастнаго всходитъ и роковая звѣзда: Петръ узналъ въ домѣ Меншикова Марьенбургскую плѣнницу Екатерину, которую взялъ къ себѣ, и ея отношенія, если даже не положительныя дѣйствія, вмѣстѣ съ кознями Меншикова, рѣшили впослѣдствіи судьбу царевича».

Далѣе, предположеніе касательно Алексѣя и супруги его (стр. 48): «Екатерина и Меншиковъ старались, кажется, причинять имъ много неудовольствій, огорченій и даже оскорбленій».

Между тѣмъ царевичъ, не заставъ жены въ Эльбингѣ, отправляется обратно въ Россію съ Екатериною; совершаетъ съ нею все путешествіе, и прибываетъ въ 1713 году въ Петербургъ.

За симъ г. Погодинъ основываетъ мнѣніе свое на словахъ царевича въ Вѣнѣ (стр. 50): «Они (Екатерина и Меньшиковъ) постоянно вооружали противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти».

За симъ слѣдуетъ чистое предположеніе (стр. 53): «Они переносили Петру всѣ его слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе». Странно, зачѣмъ не окружили они

царевича большимъ числомъ лазутчиковъ, которые бы доносили имъ разговоры и совѣты Кикина и другихъ подобныхъ ему лицъ?

(Погод. стр. 57) «Болѣзнь могла испугать его (Петра) и Екатерину съ Меншиковымъ, и побудить къ скорѣйшему рѣшенію начатаго дѣла». Ежели Екатерина и Меншиковъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали противъ Алексѣя, то время болѣзни Петра было удобнѣйшее для сего время. Ухаживая, съ изъявленіемъ всей преданности, за больнымъ, какъ легко было имъ склонить Петра къ тому или другому ихъ замыслу? Кромѣ того, у Петра былъ теперь уже сынъ отъ любимой супруги; онъ могъ, слѣдуя примѣрамъ своихъ праотцевъ, назначить наслѣдникомъ своимъ меньшаго сына, и заставить министровъ, которые находились при немъ днемъ и ночью, присягнуть на вѣрность новому наслѣднику; могъ назначить его и духовнымъ завѣщаніемъ. Ничего этого не совершилось. Петръ боленъ въ декабрѣ, а пишетъ къ Алексѣю, во второй разъ только въ январѣ, и (вмѣсто скорѣйшаго рѣшенія) передъ своимъ отъѣздомъ въ Копенгагенъ, добровольно предоставляетъ Алексѣю *шесть мѣсяцевъ на размышленіе, а ждетъ даже и семь*. Все это, кажется намъ, уже значительно доказываетъ всю неумѣстность предположеній г. Погодина.

Авторъ говоритъ (стр. 53): «Екатерина, равно какъ и Меншиковъ, коихъ судьба подверглась бы ежеминутной опасности, въ случаѣ смерти царя и пр.» Наше мнѣніе то, что Екатеринѣ вовсе нечего было опасаться возшествія Алексѣя. Въ одномъ изъ допросовъ Алексѣй говоритъ, что сообщникъ его, князь Василій Долгорукій, сказалъ: «кабы-де на Государевъ жесто-

кій правъ, *да не царица, намъ бы-де жить нельзя*». Хотя Долгорукій и отпирается отъ этихъ словъ на допросѣ (Устр. стр. 195), но это доказываетъ какое впечатлѣніе производила Екатерина на всѣхъ вообще, и на Алексѣя въ особенности.

Г. Погодинъ много обвиняетъ Меншикова за слѣдующія выраженія (стр. 60): «гдѣ же ты оставишь Евфросинью?» спросилъ царевича (отправляющагося по видимому въ Копенгагенъ) Меншиковъ. «Я возьму ее до Риги, а потомъ отпущу». «Возьми ее лучше съ собою, замѣтилъ Меншиковъ.» Подвохъ это или нѣтъ? Какого исправленія желалъ, къ какимъ трудамъ призывалъ Меншиковъ царевича, совѣтуя брать съ собою любовницу? Долженъ ли онъ былъ побояться Петра за такой совѣтъ? Петръ шутить не любилъ.. Значитъ онъ совѣтовалъ, надѣясь на Петра,—былъ увѣренъ, что не подвергнется его гнѣву за свой предательскій совѣтъ».

Мы часто принуждены бываемъ думать, что почтенный авторъ имѣетъ самыя несправедливыя, чтобы не сказать самыя поверхностныя, свѣдѣнія о характерѣ Петра. Алексѣй былъ тогда вдовъ; имѣлъ ли онъ любовницу или нѣтъ, какое было до того дѣло Петру? Уже всѣмъ извѣстно, что царь судилъ о проступкахъ двояко: всякое дѣйствіе противъ блага государства наказываемо было стражайше; во всемъ же, что касалось лишь собственной особы кого либо, оказывалось большое снисхожденіе. Въ особенности на счетъ половыхъ отношеній, Петръ былъ очень снисходителенъ; вѣроятно этому должно приписать и слова царя, обращаемыя къ Алексѣю, когда ему даетъ шесть мѣсяцевъ на размышленіе, прежде чѣмъ постри-

жется въ монашество: «это молодому человѣку не легко; одумайся не спѣша.» Слѣдовательно Меншиковъ долженъ былъ знать, что Петръ будетъ довольнѣе, если Алексѣй возметъ съ собою возлюбленную, чѣмъ если бы онъ затѣялъ что нибудь подобное въ Даніи. Царевичъ былъ призванъ въ Копенгагенъ, чтобъ усовершенствоваться въ военномъ дѣлѣ; Алексѣй могъ внимательно слѣдить за всѣмъ, и учиться; а между тѣмъ свободное отъ занятій время посвящать любви. Самъ Петръ не представляетъ ли примѣръ возможности такого соединенія? Мы находимъ, впрочемъ, что объ этомъ обстоятельствѣ можно было и не упоминать.

Здѣсь мы можемъ привести одно мѣсто изъ Устрялова (стр. 315 приложеніе 22), гдѣ Меншиковъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ вооружаетъ отца противъ сына, упускаетъ вѣрный случай еще болѣе раздражить Алексѣя противъ Петра. Зная, что Алексѣй и Кронпринцесса нуждаются въ деньгахъ, Меншиковъ отпускаетъ имъ изъ полковой казны, *на свою отвѣтственность, 5,000 рублей*, 22 апрѣля 1712 года, въ Торунѣ. По умозаключенію г. Погодина, Меншиковъ узнавъ о томъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, долженъ былъ оставить ихъ въ этомъ непріятномъ положеніи, и еще возбуждать противъ отца. Далѣе мы будемъ говорить нѣсколько подробнѣе объ этомъ предметѣ. Здѣсь замѣтимъ еще слѣдующее на счетъ обвиненій противъ Екатерины и Меншикова:

Во всемъ, что мы вычитали касательно допросовъ, мы не нашли нигдѣ, чтобы Алексѣй, или его приверженцы, обвиняли Екатерину или Меншикова. Какъ согласить это съ мнѣніемъ, что они старались погубить Алексѣя? Можетъ быть намъ отвѣтятъ, что никто не

осмѣлился жаловаться Петру на царицу, но у Меншикова было столько враговъ, что между обвиненными могъ найтись кто нибудь, кто бы донесъ на него. Извѣстно, что Алексѣй любилъ свою несчастную мать, и не менѣе того, при допросѣ Петра, обвинилъ ее. Неужели умолчалъ бы онъ о Меншиковѣ, если бы сей послѣдній дѣйствовалъ, вопреки приказаніямъ Петра, на погибель его.

9) *Кронпринцесса.* Если обстоятельства были не таковы, какими они могли быть, то г. Погодинъ обвиняетъ въ семъ единственно окружающихъ Алексѣя, нисколько не осуждая самого царевича. Отношенія Алексѣя и кронпринцессы не совсѣмъ хороши, слѣдственно,—послѣдняя тому виною. Воображеніе автора создаетъ себѣ и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи образъ кронпринцессы (стр. 47): «я воображаю себѣ кронпринцессу высокую, сухощавую нѣмку (*), степенную, набожную, аккуратную, въ родѣ мадоннъ Гольбейновыхъ, которой противны были полудѣтскія выходки молодаго Скіѳа, и она старалась навести его на путь истинный, чѣмъ ему и досаждала. Въ обществѣ, молодые супруги не пользовались большимъ почетомъ. Екатерина и Меншиковъ старались, кажется, причинять имъ много неудовольствій, огорченій и даже оскорбленій. Оказалась, видно, уже вообще перемѣна въ расположеніи къ царевичу. По край-

(*) Совершенно противоположно г. Погодину изображаетъ Шарлоту г. Семевскій (Ваза, дамскій литературно-художественный журналъ, № 8, стр. 60 и № 9 стр. 69). Онъ ссылается, касательно ея наружности, на портретъ, писанный Люддепомъ и гравированный Вортманомъ. Нравственныя достоинства, приписываемыя Шарлотѣ г. Семевскимъ, совершенно соотвѣтствуютъ мнѣнію, которое мы составили о сей достойной принцессѣ.

ней мѣрѣ царевичъ такъ описывалъ свое положеніе при (цесарскомъ) дворѣ: «отецъ мой и царица такъ обходились съ моею женою, заставляя ее служить какъ дѣвку, къ чему она, по своему воспитанію, не привыкла; слѣдовательно очень огорчалась, къ тому же, я и жена моя терпимъ всякій недостатокъ.»

Но что говоритъ умирающая кронпринцесса про Петра и про Екатерину? (Устр. стр. 42): «Знаю, что Государь очень милостивъ»; тамъ же, далѣе: «мнѣ только то горько, что Государь недомогаетъ; иначе, я не сомнѣваюсь, онъ навѣстилъ бы меня; я бы имѣла счастіе цѣловать его руки; сама простилась бы, и *за всѣ отеческія милости принесла бы мою благодарность*». И такъ она хочетъ благодарить того самаго царя, про котораго Алексѣй въ Вѣнѣ говорилъ (что г. Погодинъ принялъ за истину): «отецъ мой заставлялъ служить какъ дѣвку, къ чему она, по воспитанію своему, не привыкла.»

(Устр. стр. 43) «Донесите моимъ роднымъ, именемъ моимъ, что я всегда была довольна и *хвалюсь любовію ихъ величествъ*; (на той же страницѣ) «донесите также, что Государь, увѣдомясь о моей опасной болѣзни, и не могши самъ быть ко мнѣ за собственнымъ недугомъ, изволилъ прислать князя Меншикова, и всѣхъ своихъ лейбмедикусовъ съ милостивымъ комплиментомъ и съ просьбою употребить все стараніе для сохраненія моей жизни. Шесть докторовъ были и все возможное дѣлали; хотя усилія ихъ остались безплодны, однакожъ *я вижу въ томъ отеческую любовь и попеченіе государя до послѣдней минуты моей жизни*. Такая заботливость его величества много утѣшаетъ меня». Г. Погодинъ приводитъ слѣдующее (стр. 47): Съ женою царевичъ не жилъ дружно, и подъ пьяную руку выра-

жалъ, говорятъ, свое негодованіе: «вотъ Гавріло Ивановичъ съ дѣтьми своими навязали мнѣ на шею жену чертовку: какъ ни приду къ ней, все сердитуетъ и говорить не хочетъ». Жалоба эта очень важна въ бракѣ, не правда ли? «жена все сердитуетъ и говорить не хочетъ». Если бы мы не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ указанныхъ здѣсь г. Погодинымъ, то кронпринцесса была бы осуждена! Кротость и доброта должны преобладать въ женскомъ характерѣ; а жена царевича сердитуетъ и говорить не хочетъ. Читатели! въ Устряловѣ вы найдете богатые источники; изслѣдуйте ихъ и, если они подтвердятъ мнѣніе г. Погодина, то оправдайте Алексѣя и обвините кронпринцессу. Мы находимъ въ Устряловѣ (стр. 497 прилож. № 167) мѣсто, изъ котораго г. Погодинъ почерпнулъ свое мнѣніе: «собственноручно показалъ 1-го Мая 1718 года Иванъ Большой Аѳанасьевъ;» но онъ не приводитъ сказанное вполнѣ. Какое обвиненіе, уже изъ первыхъ словъ этого показанія, для Алексѣя, и сколько оправданія для Кронпринцессы. Вотъ эти слова: «царевичъ былъ въ гостяхъ, а гдѣ—сказать не упомню, пріѣхалъ домой *хмѣленъ, ходилъ къ кронпринцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ*, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «вотъ-де Гавріло Ивановичъ съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали и пр». Она-ли была виновна въ подобномъ случаѣ или самъ царевичъ, объ этомъ судить не трудно.

При первомъ разрѣшеніи кронпринцессы встрѣчаемъ одну страшную мѣру со стороны Петра, которую г. Погодинъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Предъ разрѣшеніемъ отъ бремени царь приставилъ

къ невѣсткѣ довѣренныхъ женщинъ, госпожу Брюсъ и князь-игумепью Ржевскую, и пишетъ ей съ корабля изъ подъ Ревеля: «Я не хотѣлъ бы васъ трудить, но отлученіе ради супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь... дабы о томъ нѣкоторой апштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ, графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были.» Г. Погодинъ спрашиваетъ: (стр. 49) «что это значитъ? Какой апштальтъ учинить предполагалъ Петръ? Не боялся ли онъ подлога въ случаѣ неблагополучнаго разрѣшенія? Если же Петръ боялся подлога, то значитъ, рожденіе дѣтей у сына занимало его сильно.» Если кромѣ Погодина прочитаемъ и Устрялова, то это обстоятельство объяснится и удивляться будетъ уже нечему. Слѣдующія за словомъ ложь, у Погодина, четыре точки, означаютъ пропущенное имъ мѣсто изъ письма Петрова. Какія это слова? Петръ пишетъ: (Устр. стр. 319 прилож. 28) «И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ *о чреватствѣ вашемъ вящше года*, того ради, когда благоволитъ Богъ вамъ, приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый апштальтъ учинить и пр.»

Какъ ясно показано здѣсь, что̀ безпокоило Петра. Ходили слухи, распущенные злонамѣренными людьми, что кронпринцесса уже болѣе года беременна. Вотъ почему царь потребовалъ такого апштальта, чтобы два вѣрные свидѣтеля находились при кронпринцессѣ прежде и послѣ родовъ ея. По поводу этого обстоятельства мы охотно предполагаемъ, что г. Погодинъ

гдѣ нибудь вычиталъ это письмо Петра, но только искаженное и, вѣря въ подлинность его, такъ и представилъ его читателямъ, т. е. въ искаженномъ видѣ, прежде нежели появилась VI книга Устрялова, который въ первый разъ приводитъ письмо уже полное.

Кромѣ того мы иногда не совсѣмъ понимаемъ г. Погодина; напримѣръ на страницѣ 49 онъ говоритъ: «кронпринцесса родила благополучно дочь Наталью, іюля 12;» и вслѣдъ за симъ приводитъ документъ, который совершенно опровергаетъ его прежнія слова на счетъ того, что Петръ не желалъ наслѣдника отъ кронпринцессы. Вотъ отвѣтъ жены царевича на письмо Петра послѣ ея родовъ: «она отвѣчала на ласковое поздравленіе Петра, изъявила въ шутливомъ тонѣ надежду *исполнить, со временемъ, его желаніе родить сына.*» Когда г. Погодинъ привелъ эти слова кронпринцессы, мы ждали, что онъ скажетъ: посмотрите, сколько лицемѣрія въ Петрѣ. Возбуждаемый Екатериною и Меншиковымъ, онъ рѣшился лишить престола Алексѣя, а между тѣмъ говоритъ, что желаетъ внука. Такой отвѣтъ кронпринцессы доказываетъ, что она была добра и забыла объ оскорбительномъ для нее и непріятномъ надзорѣ за нею во время ея родовъ. Тутъ мы приведемъ слова г. Погодина на счетъ слѣдующаго обстоятельства: умирая, кронпринцесса поручаетъ своему каммергеру Левенвольду: (стр. 57) «донесите моимъ родным, что не только все исполнено, что въ брачномъ контрактѣ обѣщано»,—за этимъ г. Погодинъ замѣчаетъ въ скобкахъ «*экономическая черта*» и проч.; въ опроверженіи чего мы представимъ доказательства, что она весьма часто нуждалась въ деньгахъ: 1) самъ г. Погодинъ (стр. 50) приводитъ

слова изъ донесенія Плейера вѣнскому двору отъ $\frac{25\ \text{Октября}}{4\ \text{Ноября}}$ 1715 года: «деньги, назначенныя на ея содержаніе, выдавались очень скупо и съ затрудненіемъ; 2) выше приведенное нами письмо Меншикова къ царю отъ 24-го апрѣля 1712 года (Устряловъ стр. 315) «Опредѣленныхъ деньгахъ зѣло просить: понеже велікую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству изъ вычетныхъ Ингермандандскаго полка мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей.» Все это доказываетъ, какъ мы выше говорили, что кронпринцесса часто нуждалась въ деньгахъ и потому слова ея «*все исполнено*» не могутъ относиться *къ экономической чертѣ*; поэтому позволимъ себѣ замѣтить, что г. Погодину, какъ историку, не достаетъ или психологической тонкости, или же малѣйшей любви къ правосудію тамъ, гдѣ хорошія качества приписываются не избранному имъ лицу. Объяснимся. Чтобы судить о нравственномъ достоинствѣ кронпринцессы, достаточно уже ея кротости и миролюбія, кромѣ другихъ ея хорошихъ качествъ, чтобы поставить ее въ число самыхъ кроткихъ, прекрасныхъ женскихъ характеровъ.

Теперь мы дошли (10) до окончательнаго изложенія всѣхъ несправедливостей г. Погодина противъ уполномоченныхъ Петровыхъ, противъ самаго Петра, котораго онъ представляетъ особою низкою и слабою.

Касательно Веселовскаго, Толстаго и Румянцева, т. е. особъ, которымъ Петръ поручилъ отыскивать царевича, мы спросимъ у г. Погодина: что же должны были они дѣлать по мнѣнію его? Развѣ отвѣчать

его царскому величеству: «воля ваша, но мы не хотимъ дѣйствовать противъ несчастнаго Алексѣя» или, принявъ его повелѣніе, приводить его въ исполненіе медленно, нелѣпо, превратно? Они должны были исполнять добросовѣстно возложенную на нихъ обязанность, и такъ какъ мы не соглашаемся съ г. авторомъ въ томъ, чтобы Петръ былъ слабаго характера, то конечно, для развѣдыванія объ Алексѣѣ, назначаемы имъ были люди ловкіе и способные. И потому не одобряемъ мы и выраженій, какъ напримѣръ слѣдующія: (стр. 62) «Веселовскій подкупилъ имперскихъ чиновниковъ.» Этотъ образъ дѣйствій давно составляетъ принадлежность дипломатовъ.

(стр. 64) «Проворнымъ, неутомимымъ, догадливымъ слугамъ Петровымъ удалось, не смотря на всѣ старанія Австрійцевъ, открыть тайное убѣжище царевича.» И очень естественно; такой человѣкъ, какимъ былъ Петръ, не можетъ выбирать людей негодныхъ къ дѣлу.

(стр. 67) «Чтобъ дать понятіе о характерѣ слугъ Петровыхъ, довольно указать только на слѣдующія слова въ инструкціи Вѣнскаго министерства Неаполитанскому вицерою:

«Свиданіе должно быть такъ устроено, чтобъ никто изъ Московитянъ (отчаянные люди и на все способные) не напалъ на царевича, и не возложилъ на него руки, хотя я того и не ожидаю.»

«Каково впечатлѣніе произвели, видно, они въ чужомъ городѣ, явясь просителями.» Что касается до сихъ послѣднихъ словъ г. Погодина, то мы просимъ заглянуть только въ предъидущую страницу (66), гдѣ онъ вмѣсто слова *просители*, употребляетъ слово *по-*

слашики; и говоритъ, что и австрійское правительство ихъ такъ называло, что они «приступили къ цесарю» (что прежде не удалось, какъ мы знаемъ, и самому Алексѣю) «напали на министровъ, уговаривали, кланялись, грозили.» Этихъ самыхъ лицъ называетъ онъ потомъ *просителями*.

(Стр. 67) «Какъ упало сердце несчастнаго, когда онъ увидѣлъ страшныя лица (*) трабантовъ Петровыхъ.» Страшны были Алексѣю порученія, данныя этимъ посланнымъ, а не лица ихъ. Но слово «трабантъ» находимъ мы неумѣстнымъ; Толстой, по крайней мѣрѣ, въ жизни своей не подалъ повода къ такому названію. Карлъ VI пишетъ о немъ съ бо́льшимъ уваженіемъ къ вицерою Дауну:

(Устр. стр. 396 прилож. 96) «Когда пріѣдетъ Толстой, примите его *учтиво, какъ царскаго тайнаго министра.*»

(Стр. 71) «Ревностные, неутомимые исполнители царской воли, Толстой и Румянцевъ, приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобъ путешествіе совершилось безпрепятственно и чтобъ жертва не избѣгла прего-

---

(*) Противъ жестокосердія, которое г. Погодинъ приписываетъ этимъ посланникамъ Петра, мы приведемъ собственныя слова Румянцева. Въ Отечественныхъ запискахъ 1844 г. находимъ мы письмо сего послѣдняго, отъ 1718 года, изъ Москвы, къ одному изъ своихъ друзей, гдѣ онъ описываетъ пріѣздъ свой и царевича. Сообщивъ объ отреченіи 3 Февраля 1718 г., онъ продолжаетъ: «Мы же (онъ и Толстой) по царскому его величества приказу, взявъ царевича, повезли его въ домъ, гдѣ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержанъ, а послѣ же и отъ насъ, по царскому же указу, отобранъ.» «И было мнѣ весьма радостно, что *отъ сего горькаго дѣла освободили, ибо жалко было глядѣть на повиннаго царевича, и сердце отъ тоски разрывалося, памятуя его грусть и многія слезы.*»

товленной участи.» Они и не могли иначе поступить съ Алексѣемъ. Если бы онъ и клялся въ томъ, что не намѣренъ бѣжать отъ нихъ, то довѣрять ему было невозможно; онъ уже разъ приносилъ клятву (объ отреченіи отъ престола), но не считалъ себя связаннымъ этою клятвою.

За симъ слѣдуетъ описаніе одного поступка, который можетъ служить въ похвалу Толстому и Румянцеву. Погодинъ выражается объ этомъ иначе (стр. 71): «для Евфросиніи былъ устроенъ особый поѣздъ, подъ предлогомъ ея беременности и невозможности ѣхать спѣшно.» Но не было ли это человѣколюбиво съ ихъ стороны? И если бы они поступили иначе съ беременною Евфросиніею, тогда всякій имѣлъ бы полное право укорить ихъ въ жестокости. Но это ихъ дѣйствіе кажется намъ одобрительнымъ тѣмъ болѣе, что имѣя въ одномъ и томъ же поѣздѣ Алексѣя и Евфросинію, посланные могли надѣяться, что царевичъ не предприметъ побѣга по страстной любви его къ сопутницѣ своей.

(Стр. 71) «Въ Брюннѣ Толстой не допустилъ до объясненій съ царевичемъ губернатора» (графа Колоредо). Здѣсь намъ показана одна сторона обстоятельства, другую находимъ въ Устряловѣ (стр. 489 прилож. № 162), въ отвѣтѣ Петра Карлу VI на жалобы сего послѣдняго, на счетъ поведенія Толстаго въ Брюннѣ. Царь пишетъ:

«Толстой показалъ, что не онъ, а сынъ нашъ виновенъ, въ неотданіи вамъ почтенія. Толстой всячески склонялъ видѣться съ вами, но сынъ мой, отговариваясь необыкностію въ такихъ обхожденіяхъ и немѣніемъ при себѣ пристойнаго экипажа, *а вѣроятнѣе*

всего стыдился съ зазрѣнія, что оклеветалъ насъ передъ вами. Сынъ нашъ подтвердилъ, *что самъ не хотѣлъ видѣться съ вами*, будто ради какихъ то важныхъ резоновъ.»

Если цѣль наша не быть односторонними, то мы обязаны, при объясненіи нашего мнѣнія, привести и противоположное мнѣніе другихъ, чтобы дать читателю возможность свободно рѣшить, которое изъ двухъ мнѣній справедливо. Мы, напримѣръ, совершенно вѣримъ справедливости словъ Петра. Алексѣй въ присутствіи Толстаго, не рѣшился бы говорить графу Шенборну или самому Императору что либо подобное тому, что онъ сказалъ $^{10}/_{21}$ ноября 1716 года. Теперь читатель самъ можетъ рѣшить, которое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ онъ принимаетъ за вѣроятнѣйшее: слова г. Погодина, обвиняющія Толстаго, или слова Петра, оправдывающія его?

Вотъ еще несправедливость г. Погодина въ отношеніи къ Петру. Про время отсутствія Гюйссена говоритъ онъ: (стр. 42) »царевичъ оставался на своей волѣ въ Преображенскомъ года съ два, 15 и 16 годъ.» Если Гюйссенъ и не былъ при царевичѣ, то оставались при немъ его прежніе наставники: Вяземскій и Нарышкинъ. Меншиковъ сохранилъ свою должность обергофмейстера, хотя и былъ часто въ отсутствіи. Его наставники были слабы и малоспособны; но все таки нельзя сказать, что «царевичъ былъ оставленъ на своей волѣ», и мы бы ничего не могли возражать на такія слова: Вяземскій и Нарышкинъ предоставили царевича его собственной волѣ.

(Стр. 46) «Петръ, когда произошло въ 1711 году бракосочетаніе, не имѣлъ къ сыну никакихъ непріяз-

шенныхъ отношеніи и видѣлъ въ немъ своего наслѣдника; иначе не сталъ бы вводить его въ родство съ знаменитою Европейскою принцессою». Что Петръ смотрѣлъ на Алексѣя, какъ на своего наслѣдника, съ этимъ мы согласны. Но какъ обманулся Петръ въ своихъ надеждахъ, разсчитывая на бракъ Алексѣя, это видно изъ манифеста отъ 3-го февраля 1718 года (Устр. стр. 145).

Здѣсь Петръ жалуется, что Алексѣй не повиновался ни отцу, ни учителямъ: «и хотя мы, желая его отъ такихъ непотребствъ отправить и къ обхожденію съ честными и знатными людьми склонить, увѣщеваніи своими возбудили, чтобъ онъ избралъ себѣ изъ знатныхъ чужестранныхъ государей свойственницу и проч.»

Въ этихъ словахъ видно, какъ Петръ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ.—Г. Погодинъ спрашиваетъ: (стр. 53) «да и на что письмо? Развѣ нельзя было передать все, еще сильнѣе, на словахъ»? При особенной раздражительности Петра въ этотъ періодъ времени, къ счастію все это происходило на письмѣ. Важно это и для потомства, которое для историческихъ изслѣдованій пріобрѣло въ письменныхъ актахъ несомненные доводы по всѣмъ этимъ событіямъ. Мы почти увѣрены, что если бы вмѣсто письменнаго сношенія происходило словесное, въ такомъ случаѣ г. Погодинъ нашелъ бы еще что сказать объ этомъ обстоятельствѣ, подобно тому, какъ онъ говоритъ о разговорѣ 3-го февраля 1718 года между Петромъ и Алексѣемъ (предъ прочтеніемъ манифеста объ отреченіи царевича отъ престола): (Устр. стр. 144) «царь вышелъ съ нимъ въ близъ-лежащую камору, и тамъ царевичъ от-

крылъ главныхъ сообщниковъ своихъ»; къ этимъ словамъ г. Погодинъ присовокупляетъ слѣдующее свое предположеніе (стр. 77), «что происходило въ этой каморѣ? Пусть вообразитъ, кто можетъ, какъ сверкнули черные глаза у Петра; пусть вообразитъ, кто можетъ, какой звукъ послышался въ его голосѣ и какъ затряслась поднятая рука».

(Стр. 55) Теперь о бранн и битвѣ. Въ письмѣ отъ 12-го октября 1715 Петръ говоритъ: «ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ». Г. Погодинъ сообщаетъ свое мнѣніе только на счетъ битья; мы соглашаемся съ нимъ, что это была возмутительная привычка. О брани онъ ничего не говоритъ и не примѣчаетъ вещи, по нашему мнѣнію, очень важной. Петръ былъ человѣкъ, находившійся подъ вліяніемъ минуты, и г. Погодинъ очень справедливо замѣчаетъ, что побои со стороны Петра ничего не значили. Это было для Петра какъ бы электрическое облегченіе, послѣ котораго моральная сила тотчасъ брала верхъ,—все было предаваемо забвенію; царь сокрушался о своей вспыльчивости, стараясь обласкать обиженнаго. Но бранныхъ словъ въ письменныхъ документахъ, оставленныхъ Петромъ, мы почти не встрчали. Встрѣчаемъ угрозы, суровость, но ругательствъ никогда, нигдѣ. Изъ многихъ его писемъ и наказовъ, прочитанныхъ нами (*), мы нашли одно съ извиненіями къ Ромодановскому:—въ этомъ письмѣ, отъ

(*) Чтобы точнѣе изобразить характеръ Петра, мы занимаемся отдѣльно еще разсматриваніемъ бумагъ и писемъ, оставленныхъ царемъ. И теперешній нашъ взглядъ по этому предмету, какъ мы надѣемся, оправдается послѣдующимъ нашимъ трудомъ.

19 мая 1698 года, онъ извиняется самымъ учтивымъ образомъ, что былъ суровъ и употребилъ можетъ быть неприличныя выраженія.

Въ своихъ выраженіяхъ онъ всегда наблюдалъ приличіе, въ чемъ, сколько намъ извѣстно, ни одинъ Государь не превзошелъ его. Разъ только нашли мы, что царь выразился съ неумѣстною суровостію въ указѣ отъ 5-го декабря 1700 года, на имя заслуженаго фельдмаршала графа Шереметьева:

«Понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ, при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть: то есть, надъ конницею Новогородскою и Черкаскою, съ которыми какъ Мы и прежде наказывали: (но въ ту пору мало было людей) ближнихъ мѣстъ беречь, (для послѣдующаго времени) а итить въ даль для лучшаго вреда непріятелю, да и отговариваться нѣчемъ, понеже людей довольно, также рѣки и болоты замерзли, непріятелю невозможно захватить: о чемъ паки пишу, не чини отговорки ничемъ, *а буде болѣзнію, и та получена межъ беглецами,* которыхъ товарищъ маіоръ Л..... на смерть осужденъ. Прочее же въ волю Всемогущему предаю.»

Здѣсь мы приведемъ примѣръ спокоійствія духа царя, въ такомъ случаѣ, когда онъ, какъ Государь, имѣлъ важныя причины выразить свой гнѣвъ. Вотъ какъ онъ пишетъ къ тому же графу Шереметьеву 22-го декабря 1716 года изъ Амстердама:

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ.»

«Получили Мы Ваше письмо отъ 16 го декабря, и о репартиціи и о роставкѣ людей по квартирамъ писано къ тебѣ на прежней почтѣ, на которое ссылаемся; а изъ сего вашего письма уразумѣли Мы со удив-

леніемъ, о чемъ уже и изъ посторонпихъ давно извѣстны, что вы, незнаемо для чего, послали съ пятьсотъ человѣкъ Нашихъ людей въ Травемпндъ, будто для пріему галеръ и муидира, которыхъ еще и не бывало тамо, и не знаемо для чего быть оному въ Травемпндъ, а не въ Ростокъ; ибо перевозпть сухимъ путемъ оныя вещи въ Ростокъ зѣло трудно, ктомужъ здѣлали вы тою незапною посылкою тѣхъ людей при всѣхъ дворахъ велпкую тревогу, и привели въ подозрѣніе, будто то учпнено по Нашему указу для завладенія того гавена, и тѣмъ учпнили повреждепіе нашему пнтѳресу, чего было чпнпть вамъ отпюдь не надлежало, и успѣлибъ вы и тогда послать нѣсколько людей, когда бъ получили о приходѣ тѣхъ вещей туда извѣстіе, и то было оппсаться напередъ къ Магистрату, и просить позволенія, а квартпры Нашихъ войскъ отъ мѣста въ милѣ или меньше, то недалекой переходъ, и въ такихъ дѣлахъ надлежитъ чпнпть осмотрясь, чтобъ не было пзъ того повреждепія пнтересамъ».

(Стр. 65) «Къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою.» При этомъ г. Погодпнъ возражаетъ: «Чтожъ это за методъ наставленія? Гдѣ тутъ видно желаніе успѣха, желаніе поправить дѣло?». Тутъ мы опять должны укорить почтеннаго автора въ недостаткѣ необходимой психологической тонкости. Петръ билъ и бранилъ сына. Если бы Петръ употреблялъ единственно эти два способа при воспитаніи царевича, тогда справедливо можно было бы укорить его. Но онъ уже нѣсколько лѣтъ употребляетъ болѣе чувствительный, нравственный способъ: онъ перестаетъ говорить съ царевичемъ. По нашему мнѣ-

нію этотъ способъ наказанія гораздо чувствительнѣе, и самъ Петръ тоже ставилъ свое молчаніе выше битья и брани; по этому роду наказаній мы находимъ Петра гораздо менѣе жестокимъ, чѣмъ обыкновенно стараются представить его. Изъ наставленій Петра сыну видимъ, какъ *постепенно* приказывалъ онъ усиливать наказанія, и какъ *щадилъ самолюбіе*; объ этомъ планѣ воспитанія мы говорили уже выше (Наказъ Гюйссену).

Теперь послушаемъ, что еще говоритъ г. Погодинъ о слабости характера Петра, прибавляя свое «*разумѣется*», чтобы и другіе раздѣляли его мнѣніе.

(Стр. 53) «Сначала, разумѣется, въ головѣ у Петра все было смутно».

(Стр. 59) «Видно, что въ головѣ у Петра происходило смущеніе; онъ не зналъ, какъ ему кончить задуманное дѣло; мысли смѣшались и перепутывались».

Петръ, во второмъ своемъ письмѣ къ Алексѣю, говоритъ: «а буде того не учинишь, то я съ тобою какъ съ злодѣемъ поступлю»; къ этому г. Погодинъ прибавляетъ (стр. 58) «слово *вырвалось* нечаянно».

Далѣе, на страницѣ 60-й, онъ говоритъ слѣдующее: «ясно, что Петръ говорилъ, *чтобъ сказать что-нибудь*».

(Стр. 53) «Петръ рѣшился, и ужъ, разумѣется, ничто не могло мѣшать ему при его желѣзной волѣ, предъ которой пало столько препятствій. Погибель несчастнаго была опредѣлена. Въ средствахъ нечего было ожидать строгой разборчивости». Нѣсколько выше, г. Погодинъ объясняетъ, какъ Петръ незамѣтно пришелъ къ этому рѣшенію (стр. 53): «Екатерина и Меншиковъ переносили Петру всѣ его (Алексѣя) слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе. И вотъ лукавая совѣсть

человѣческая, вмѣстѣ съ сильнымъ умомъ, начали подбирать достаточныя причины, убѣждать въ необходимости дѣйствія, оправдывать всякія мѣры; она пугала прошедшимъ, искажала настоящее, украшала будущее и Петръ рѣшился». Когда мы слышимъ, что Петръ дѣйствуетъ не самобытно, но что имъ руководствуютъ другіе, невольно вспоминаемъ о Геркулесѣ за прялкой. Изъ слѣдующаго стиха видно, что Пушкинъ тоже совершенно другаго мнѣнія, нежели г. Погодинъ, на счетъ рѣшимости Петра, когда говоритъ: «Онъ весь какъ Божія гроза». Еще замѣтимъ: нашлись бы документы, которые и доказали бы это въ случаѣ, еслибы дѣйствительно Екатерина и Меншиковъ поступали такъ въ отношеніи къ Алексѣю, какъ говоритъ о томъ г. Погодинъ. Мы этихъ документовъ не нашли.

Чтобы отдѣлаться въ глазахъ другихъ людей отъ своего противника, нѣтъ ничего легче, какъ сказать о немъ съ насмѣшкою (какъ Донъ-Жуанъ о своей законной, покинутой женѣ Эльвирѣ), у него въ головѣ смутно, онъ говоритъ, чтобы *сказать что-нибудь*. Но г. Погодинъ выражается такъ объ историческомъ лицѣ, въ желѣзномъ черепѣ котораго мозгъ работалъ неутомимо; онъ говоритъ такъ о головѣ того, который подобенъ ледяной горѣ, вершины коей озаряются еще доселѣ розовымъ свѣтомъ солнечныхъ лучей, въ то самое время какъ вершины обыкновенныхъ горъ давно уже покрыты мракомъ забвенія для исторіи (*).

(*) Надѣемся, что не подвергнемъ себя упреку тѣмъ, что укоряя г. Погодина въ его поэтическихъ выраженіяхъ, сами употребляемъ поэтическія украшенія. Намъ кажется, что поэтическая драпировка, *не*

Мы опираемъ наше мнѣніе на сужденіяхъ знаменитыхъ современниковъ Петра, которые были очевидцами великихъ дѣяній его и могли судить о немъ справедливѣе насъ. Лейбницъ говоритъ (*): «Mirabar tanto in principe non tantum humanitatem, sed et notitiam rerum, et judicium acre.»

Duc de St. Simon. «Pierre I (**), czar de Moscovie, s'est fait avec justice un si grand nom chez lui, et par toute l'Europe et l'Asie, que je n'entreprendrai pas de faire connaître un prince si grand, si illustre, comparable aux plus grands hommes de l'antiquité, qui a fait l'admiration de son siècle, qui sera celle des siècles suivants». «On ne finirait point sur ce czar si intimement et si véritablement grand, dont la singularité, et la rare variété de tant de grands talents et de gran-

---

вредящая истинѣ, можетъ быть допущена, тогда какъ поэтическая же, но фантастически-пустая, невѣрно изображающая предметъ картина, достойна порицанія.

(*) Я удивляюсь въ такомъ могущественномъ государѣ не только его благонравію, но и знанію вещей и быстрой сообразительности ума.

(**) Герцогъ Сен-Симонъ: «Петръ I, царь Московскій, по справедливости пріобрѣлъ столь великое имя, не только у себя, но и въ цѣлой Европѣ и Азіи, и потому я не рѣшаюсь описывать государя столь великаго, столь знаменитаго, котораго можно сравнить съ величайшими людьми древнихъ временъ, которому изумлялся его вѣкъ, и будутъ изумляться столько же и вѣка грядущіе.

Мы ни когдане кончили бы описаніе сего государя, столь неоспоримо, столь истинно великаго. Его странности, его разнообразныя великія дарованія будутъ возбуждать безграничное удивленіе въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, не смотря на его значительные недостатки, происходившіе отъ грубой невѣжественности земли, въ которой онъ родился, и отъ полученнаго имъ образованія. Вотъ мнѣніе, которое онъ оставилъ о себѣ во Франціи, которая смотритъ на него какъ на необычайное явленіе, вполнѣ ее поразившее».

deurs diverses, feront toujours un monarque digne de la plus grande admiration, jusque dans la postérité la plus reculée, malgré les grands défauts de la barbarie de son origine, de son pays et de son éducation. C'est la réputation qu'il laissa unanimement établie en France, qui le regarde comme un prodige, dont elle demeura charmée».

По смерти Петра докторъ Шендо-Фандербекъ, врачъ, находившійся въ русской службѣ, сообщаетъ слѣдующее въ физико-медицинскихъ сочиненіяхъ Цесарскаго общества естествоиспытателей (*):

«Natura magnus, fortuna major, virtute maximus, natus ad omnia quae recte (**) et fortiter facienda sunt: nil arma, quamvis optime instructa valere sensit, nisi consilium et rerum gerendarum prudentia mutuo sibi foedere responderent».

Г. Погодинъ укоряетъ Петра въ низости; вотъ что онъ говоритъ: (стр. 55) «нѣтъ, Петръ увлеченный своимъ планомъ въ послѣднее время не хотѣлъ, съ горестью признаться должно, чтобъ Алексѣй дѣйствительно занимался дѣломъ и снискивалъ добрую славу, потому-то и оставилъ его на волѣ.»

(стр. 57) «Если Петръ притворялся больнымъ, то значитъ хотѣлъ имѣть для рѣшенія предлогъ».

(стр. 56) «Обвиненіе (противъ Алексѣя въ первомъ письмѣ) нятянутое, подъяческое, коварное».

(стр. 58) «Иду въ монахи, отвѣчалъ царевичъ, и

(*) Природа создала его великимъ, судьба возвысила его величіе, а мужество возвело на самую высшую степень этого величія; рожденный для всего къ чему необходимы честность и мужество, онъ постигалъ, что войско самое образованное не принесетъ никакой пользы въ военномъ дѣлѣ, если благоразуміе не будетъ соединено съ осторожностію.

(**) Recte значитъ честно, такъ какъ и въ словахъ Горація: «Rem facias, rem; si *recte* bene, si non quo ullo modo rem».

въ ту же минуту, какъ онъ произнесъ эти слова, требованныя царемъ, царь нашелъ монашество недостаточнымъ, точно какъ прежде находилъ недостаточнымъ отреченіе». На счетъ согласія Петра, ждать еще полгода, авторъ говоритъ: (стр. 59) «тягостно предполагать въ немъ лицемѣріе; не говорилъ ли онъ искренно? Такъ къ чему же было говорить?» Къ чему этотъ вопросъ? вѣдь Петръ ждалъ долѣе еще, чѣмъ полгода.

(стр. 62) «Изъ описанія Шонборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною. Не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи?» На счетъ того, какъ изъ Неаполя получено извѣстіе, что Алексѣй намѣренъ возвратиться въ Россію, г. Погодинъ замѣчаетъ (стр. 69): «царь, получивъ извѣстіе о счастливомъ окончаніи, былъ внѣ себя отъ радости, обѣщалъ собственноручно все нѣсколько разъ, лишь бы ѣхалъ скорѣе царевичъ, котораго ждалъ онъ какъ воронъ крови». (*)

(*) Г. Семевскій, въ критикѣ Устрялова, на стр. 26-й, смягчаетъ нѣсколько эти предположенія г. Погодина: «Тонъ этихъ писемъ, приведенныхъ Устряловымъ, показываетъ, какъ страшился великій монархъ упустить изъ рукъ свое дитя: онъ обѣщалъ все, все готовъ былъ сдѣлать, чтобъ только увидать его въ Преображенскомъ, въ надежномъ мѣстѣ, обще «съ бородами—тунеядцами», такъ онъ называлъ приверженцевъ старины».—Тутъ же мы приведемъ еще слѣдующее мнѣніе г. Семевскаго, для котораго онъ имѣетъ вѣроятно доказательства, потому что онъ приводитъ всегда факты вмѣсто предположеній (стр. 37): «Какъ Евфросинія родила, гдѣ родила, и куда дѣла ребенка, Устряловъ нигдѣ не могъ узнать. Но извѣстно, что она по пріѣздѣ тотчасъ была поса-

Какимъ низкимъ, безчеловѣчнымъ, безчувственнымъ представленъ здѣсь Петръ. Его сравниваютъ съ кровожаднымъ ворономъ. Вообще большая часть того, что сказано г. Погодинымъ, въ послѣднихъ приведенныхъ нами страницахъ, кажется намъ такъ далекимъ отъ истины, что мы удержимся отъ всякихъ возраженій.

(Стр. 77) «Царевичъ пріѣхалъ и позабыты всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, всѣ обнадеживанія. Жертва въ рукахъ, и щадить некого и нечего». (Стр. 80) «Надо порѣшить окончательно съ нимъ; въ немъ сосредоточиваются всѣ желанія и всѣ надежды противной партіи—казнить. И вотъ нашлось слово для мысли, давно бродившей въ глубинѣ души и не смѣвшей высказаться».—Не смѣвшей *высказаться*!! Кого долженъ былъ страшиться такой человѣкъ какъ Петръ? Развѣ только историковъ XIX столѣтія.

Г. Погодинъ, касательно своихъ мнѣній о Петрѣ, нашелъ себѣ въ нѣмецкомъ историкѣ нашего же столѣтія, *Шлоссерѣ*, замѣчательнаго единомышленника (См. исторію Шлоссера XVIII столѣтія, изданіе IV, книга VIII, стр. 233, 187, 212): (*) «Natur, Kraft, Sinn

---

жена въ Петропавловскую крѣпость, а у подножія ея валовъ протекаетъ Нева....»

Здѣсь мы вдругъ съ береговъ Невы перепесены на берега Босфора. Предположеніе ли это только г. Семевскаго, или фактъ?

(*) Способность, сила, умъ для всего, что полезно и необходимо, непрерывная дѣятельность для преобразованія своего народа отличали Петра *при совершенномъ нравственномъ развратѣ*».

«Всему безъ исключенія данъ былъ другой видъ: одеждѣ, жилищу, образу жизни и Петръ не долго размышлялъ о средствахъ къ достиженію своей цѣли, потому что *онъ не имѣлъ никакого понятія о правилахъ честности, о нравственномъ порядкѣ вещей* еще въ юности

für Alles, was nützlich und brauchbar ist, unablässige Thätigkeit fur sein Volk, zeichneten Peter *bei aller moralischen Verderbtheit, aus.*

Von oben her ward Alles umgestaltet, Kleidung, Wohnung, Leben, und Peter war in der Wahl seiner Mittel nicht bedenklich, da er *von den Grundsätzen der Rechtlichkeit, Sittlichkeit und einer moralishen Ordnung der Dinge*, weder in seiner Jugend einen Begriff erhalten, *noch später Zeit, Lust und Gelegenheit hatte* sich einen zu bilden.

«Er bekämpfte, halb bewusst, halb unbewusst, rohe Natur durch rohe Natur und trieb seine Russen mit der Knute, dem Stocke und dem Schaffote zur Civilisation».

Но какъ высоко ставятъ Петра надъ всѣми этими упреками современники его: ученый архіепископъ Ѳеофанъ, графъ Минихъ, Пеплюевъ; иностранные резиденты: Веберъ, Гейнце, Балюзе; позднѣйшіе историки: Голиковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, Устряловъ, Соловьевъ; изъ иностранныхъ: Чельтемъ, Волтеръ и многіе другіе.

Въ мнѣніи этихъ писателей Петръ былъ справедливъ и честно поступалъ въ отношеніи къ сыну своему.—Мы встрѣчаемъ въ характерѣ царя противорѣчія, которыя могутъ вредить ему, если судить объ немъ односторонпимъ образомъ. Если будемъ выводить заключеніе о достоинствѣ Петра единственно по большему числу его хорошихъ дѣяній, то содѣлаемся такимъ же безусловнымъ, односторонпимъ поклонникомъ. Петра. Но если же будемъ слѣдить, изчис-

---

своей, а позже у него не доставало времени, случая и *охоты* къ пріобрѣтенію ихъ».

«Онъ побѣждалъ, то *сознательно*, то *безсознательно*, натуру грубую—натурою грубою и понуждалъ своихъ русскихъ къ образованію кнутомъ, палкою и эшафотомъ».

лять тѣ его поступки, гдѣ видимъ суровость и жестокость его, тогда учинимся точно также односторонне-безусловными порицателями его.

Слѣдующія за симъ слова г. Погодина отрицаютъ въ Петрѣ еще одно качество: (стр. 82) «24-го іюня верховный судъ единогласно и безъ всякаго прекословія (и кому было прекословить) приговорилъ царевича Алексѣя Петровича къ смертной казни».

Мы замѣтили эти слова «единогласно и безъ всякаго прекословія» какъ у г. Погодина, такъ и у г. Устрялова (стр. 278); но князь М. М. Щербатовъ говоритъ (*), что одно значительное лице, фельдмаршалъ графъ Борисъ Шереметьевъ, не согласился подписать приговора. Въ самомъ дѣлѣ имя его не находится (Устряловъ, стр. 529, прилож. 184) въ числѣ подписавшихъ приговоръ. Это обстоятельство также доказываетъ, что Петръ не былъ такимъ жестокимъ, какимъ его обыкновенно описываютъ нѣкоторые историки. Царь, замѣтивъ, что недостаетъ подписи Шереметьева, спрашиваетъ его о причинѣ сего поступка. Какъ неустрашимъ, исполненъ сознанія собственнаго достоинства, отвѣтъ фельдмаршала: «*служить своему государю, а не судить его кровь моя есть должность.*»

Какой отвѣтъ даетъ въ то же время духовенство, которое согласно приказанію Петра, должно было представить свое сужденіе на счетъ виновности царевича? (Устр. стр. 518, прилож. 181): «Сіе дѣло весьма есть гражданскаго суда, а не духовнаго и *власть превысо-*

(*) Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго, въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. ист. и древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ, 1860, книга I, стр. 16.

чайшая, а паипаче въ царствіи, которое есть монархія, сужденію подданныхъ не подлежитъ, но творитъ елико хочетъ по своему, изволенію безъ всякаго совѣта степеней нижшихъ; однакожъ понеже велѣно намъ не на декретъ, но въ паставленіе и проч.»

× Вторая часть 15 тома Голикова содержитъ въ себѣ множество характеристическихъ анекдотовъ, гдѣ мы не знаемъ чему болѣе удивляться: спокойствію ли Петра, или смѣлости противорѣчившихъ ему? Извѣстно всѣмъ, что князь Яковъ Долгоруковъ разорвалъ царскій указъ. Есть много другихъ случаевъ такой же смѣлости. Подобный примѣръ встрѣчаемъ въ 1714 г., со стороны одного младшаго члена суда, когда Меншиковъ предсталъ предъ этимъ судомъ, обвиняемый въ утаеніи казенныхъ денегъ (Голиковъ изд. II, томъ XV, отд. второе, анекд. № 73). «Между тѣмъ открыты коммисіею новыя сего же рода преступленія Меншикова, въ которыя замѣшались многія другія особы».

«Огорченный таковыми преступленіями монархъ, присовокупляетъ къ коммисіи оной новыхъ судей, состоящихъ изъ капитановъ обоихъ полковъ гвардіи своей. Безпристрастіе судей находитъ Меншикова во многомъ виновнымъ и опредѣляетъ допросить его въ судѣ лично по пунктамъ. На другой сего день самъ монархъ присутствовалъ въ сей коммиссіи, и Меншиковъ, чувствуя свою неправду, прибѣгъ къ надежнѣйшему средству, то-есть къ раскаянію и милосердію монаршему. На сей конецъ написалъ повинную, и пришедъ въ судъ, подаетъ оную въ руки самаго государя. Повинный видъ, съ каковымъ онъ предсталъ и тонъ, съ какимъ произносилъ слова, тронули сердце его величества, вели-

кія же его заслуги, у сего сердца были ходатаями за него; онъ принялъ сію его бумагу, и, прочтя про себя, сказалъ: «Э, братъ! ты и того написать не умѣлъ!» и сталъ оную чернить. Таковое расположеніе сердца монаршаго къ судимому вида одинъ изъ младшихъ членовъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ товарищамъ: пойдемте, братцы, намъ дѣлать здѣсь нечего; и взявши шляпу сталъ выходить изъ палаты. Монархъ, нѣсколько прогнѣвавшись толикою свободою и остановя его, сказалъ:—Куда это?—Домой! отвѣтствовалъ капитанъ. — Какъ домой?—Да, домой: ибо что намъ остается здѣсь дѣлать, когда ты самъ научаешь вора какъ ему отвѣтствовать; такъ ты одинъ и суди его, какъ изволишь; а мы лишніе.

«Великій государь, вмѣсто чтобъ прогнѣваться на толикую дерзость, говоритъ ему съ ласковымъ видомъ: сядь на свое мѣсто, и говори что ты думаешь.—А вотъ что, отвѣтствовалъ сѣвши капитанъ:—когда мы по твоей волѣ здѣсь судьи, то во первыхъ бумагу его должно прочитать всѣмъ намъ въ слухъ; а Меншикову, какъ виноватому, стать у дверей, и по прочтеніи выслать его вонъ; а я, какъ младшій членъ, долженъ буду первый оговаривать его бумагу и сказать мое мнѣніе, чего онъ достоинъ; а потомъ каждый по очереди скажетъ свое мнѣніе и такимъ образомъ сохранится тобою же установленный порядокъ и законъ. Монархъ, нѣкоторымъ образомъ пристыженный справедливостію сего вѣрнаго подданнаго, сказалъ Меншикову: слышишь Данилычь, какъ должно поступать? Меншиковъ, яко виновный, сталъ у дверей; прочтена вслухъ повинная его и по прочтеніи онъ высланъ вонъ». По мнѣнію капитана Меншикову надо было

отсѣчь голову публично. Мнѣнія другихъ судей были тоже очень строги. Петръ отвѣчалъ имъ (стр. 68): «гдѣ дѣло идетъ о жизни или о чести человѣка, то правосудіе требуетъ взвѣсить на вѣсы безпристрастія, какъ преступленіе его, такъ и заслуги оказанныя имъ отечеству и государю; и буде заслуги перевѣсятъ преступленія, то въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судѣ. И потомъ монархъ вычислилъ кратко всѣ его заслуги: а паче, что онъ неоднократно спасалъ и собственную его жизнь. И такъ, заключилъ монархъ, по мнѣнію моему довольно будетъ, сдѣлавъ ему въ присутствіи за преступленія его строгій выговоръ, наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ мнѣ и впредь нуженъ и можетъ еще сугубо заслужить оное».

«По выслушаніи сей государевой рѣчи, тотъ же младшій членъ сказалъ: мы всѣ, надѣюсь, согласны теперь съ волею твоею, государь. Когда онъ имѣлъ счастіе спасти твою жизнь, то по справедливости должно и его жизнь спасти намъ, что подтвердили и всѣ другіе члены».

Но особенное удивленіе возбуждаетъ въ насъ слѣдующій разсказъ Голикова (томъ XV, анекдотъ 100-й, стр. 222): «Въ сентябрѣ мѣсяцѣ поручикъ Румянцевъ посланъ былъ въ Лагоду съ повелѣніемъ отъ Петра не пропускать барокъ, построенныхъ по старымъ образцамъ. Румянцевъ находитъ ихъ почти всѣ таковыми. Но такъ какъ онѣ были нагружены хлѣбомъ, а указныхъ барокъ достать было уже поздно и въ Петербургѣ былъ недостатокъ въ хлѣбѣ, то Румянцевъ рѣшился пропустить всѣ эти барки съ хлѣбомъ. Петръ тотъ же часъ послалъ строгій указъ, чтобъ прибылъ онъ

для отвѣта въ Петербургъ. Между тѣмъ повелѣлъ сенату, яко преслушника указовъ, судить его уголовнымъ судомъ. Наконецъ г. Румянцевъ является въ Сенатъ, въ которомъ присутствовалъ и самъ монархъ, и спрашивается отъ Сената: «какъ онъ осмѣлился преступить именной монаршій указъ и вѣдаетъ ли онъ, что законъ ослушниковъ таковыхъ повелѣваетъ казнить смертію»?

«Виноватъ, отвѣтствуетъ съ спокойнымъ духомъ г. Румянцевъ, и вѣдаю, что подвергаю себя ослушанію указа казни; но я готовъ умереть съ удовольствіемъ, удовольствовавъ хлѣбомъ всѣхъ здѣшнихъ жителей, безъ котораго бы они, ежелибъ я по указу разрубилъ барки, такъ какъ разрубилъ нагруженныя товарами, могли понести великую нужду, а можетъ быть и голодъ. Сіе-то самое, продолжалъ онъ, понудило меня преступить указъ, и пропустивъ барки сіи, безъ чего-бъ они не могли сюда доставить хлѣба. Правда, заключилъ онъ, долженъ бы я былъ о семъ представить прежде государю, но боялся задлить тѣмъ время, и *не былъ увѣренъ, чтобы его величество во гнѣвѣ своемъ не запамятовалъ о слѣдствіяхъ того, какое бы произвесть могъ недостатокъ въ хлѣбѣ*».

Великій государь, выслушавъ все сіе, сказалъ: «ну Румянцевъ, я прощаю тебѣ сіе, яко первое еще ослушаніе твое; но берегись впредь подобное сему что учинить. По чему ты вѣдаешь, чтобъ я не могъ того разсудить, ежели бъ ты по пріѣздѣ въ Ладогу далъ мнѣ о семъ знать?» Симъ дѣло и кончено; примѣчено было, что монархъ съ сего времени большую предъ прежнимъ оказывалъ къ нему милость и довѣренность свою».

Это спокойствіе, это вниманіе царя къ возраженіямъ основательнымъ, не различая ни членовъ, ни званія, отличали его уже въ молодости. Вотъ одинъ примѣръ, всѣмъ уже извѣстный: юный Петръ, на пути изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь былъ застигнутъ бурею. Лодкою управлялъ лоцманъ Антипъ Пановъ. Царь сталъ вмѣшиваться въ распоряженія, тогда лоцманъ вскрикнулъ: «поди прочь, я знаю что надо дѣлать».

Одинъ нѣмецкій писатель, Г. Г. Гервинусъ, столь же извѣстный въ литературѣ и исторіи, какъ упомянутый нами выше Шлоссеръ, разбираетъ сочиненія Шекспира (*) и разсуждаетъ о характерѣ Отелло. Многія слова его, какъ намъ кажется, могутъ совершенно относиться и къ Петру, и если сравнимъ эти два лица между собою, то многое въ характерѣ Петра сдѣлается для насъ болѣе понятнымъ:

Die Eigenthümlichkeit der Naturanlage seines Stammes, das heftige Temperament, die Gewalt des Blutes, die Macht einer tropischen Phantasie konnte sich nicht ganz in ihm verwischen, wie vieles auch die Selbstbeherrschung des vielgeprüften, durch Thaten und Leiden gestählten Mannes dagegen arbeitete. Ihm entging in seinem Leben das, was die Ueppigkeit, und die ursprüngliche Stärke der Leidenschaften am sichersten in uns bricht: *die stille, frühe, ununterbrochene Einwirkung der Bildung und der conventionellen Sitten,* die die wilde Naturkraft unsrer Triebe dadurch mildert, dass sie sie von Anfang an abschleift und erschlafft. Was in dieser Hinsicht in Othello seine Geburt und Herkunft begonnen hatten, sezten seine Erziehung, Schicksale, Beruf und Leben in ihm fort».

(*) Томъ III, стр. 174 и 179, разборъ Шекспировыхъ трагедій.

«Er hatte das brausende Temperament in der Schule der Verhältnisse unterdrücken gelernt; aber diese Kämpfe, man kann sich's denken, — waren ihm schwer geworden, und vielmals fruchtlos gewesen. Brach unter irgend einem gerechten und schweren Anlasse der Damm der Selbstbeherrschung durch, dann war das Aeuserste der Verwirrung sein Loos; störrische Verstocktheit ergriff ihn und der Ausbruch furchtbarer Gemüthsbewegungen verrieth die ursprüngliche Ueberkraft dieser Natur, schlug seinen Geist mit Zerrüttung, und überwaltigte seinen Körper sogar mit Krämpfen, und Ohnmacht» (*).

Уже Шлоссеръ, иностранный писатель, удивляетъ

(*) Особенность природныхъ дарованій его племени, пылкій темпераментъ, сила крови, мощь тропической фантазіи не могли совершенно въ немъ изгладиться, какъ ни работало надъ этимъ самообладаніе человѣка много испытавшаго, и закаленнаго подвигами и страданіемъ. Въ его жизни не доставало того, что вѣрнѣе всего убиваетъ въ насъ избытокъ и первоначальную силу страстей — *тихаго, ранняго, непрерывнаго вліянія образованія и условныхъ обычаевъ*, которые умѣряютъ дикую природную силу нашихъ склонностей тѣмъ, что съ самаго начала сглаживаютъ ихъ и усыпляютъ? Что въ этомъ отношеніи рожденіе и происхожденіе дали Отелло, то судьба его, воспитаніе, призваніе и жизнь развили въ немъ. (Шекспиръ, соч. Гервинуса. Т. III, Отелло, стр. 174).

«Въ школѣ обстоятельствъ онъ выучился подавлять свой буйный темпераментъ; но эти борьбы, какъ можно думать, стоили ему много трудовъ и не разъ оставались безплодными. Если вслѣдствіе какой-нибудь справедливой и тяжкой причины прорывалась плотина самообладанія, то участью его дѣлалось крайнее помѣшательство: имъ овладѣвала упорная жестокость, взрывъ ужасныхъ страстей обнаруживалъ первоначальныя силы этой натуры, разстроивалъ его духъ, *и пересиливалъ даже его тѣло судорогами и обмороками*» (тамъ же, стр. 179).

Было бы желательно, чтобы когда-нибудь, со временемъ, нашелся исторіографъ, который, какъ Гервинусъ въ Отелло, принялъ бы въ расчетъ пылкій темпераментъ и сильныя страсти Петра.

Прим. автора.

насъ тѣмъ, что такъ несправедливо судитъ о Петрѣ; это можно, впрочемъ, объяснить себѣ тѣмъ, что до сихъ поръ на западѣ очень мало занимались внутренними событіями Россіи того времени. Незнаніе русскаго языка и недостатокъ историческихъ источниковъ не мало тому содѣйствовали. Тѣмъ болѣе поразила насъ эта несправедливость къ Петру въ ученомъ, образованномъ г. Погодинѣ, знающемъ всѣ замѣчательнѣйшія событія своего отечества. Ему извѣстно, что Петръ, какъ царь и какъ отецъ, могъ дѣйствовать прямо и открыто, и вслѣдствіе того не имѣлъ никакой надобности прибѣгать къ разнымъ другимъ путямъ. Въ наказѣ отъ 5-го февраля 1722 года, о правѣ монарха назначать себѣ наслѣдника, Петръ приводитъ примѣры подобныхъ случаевъ, какъ изъ Ветхаго Завѣта, такъ и изъ примѣровъ своихъ праотцевъ. Изъ Ветхаго Завѣта онъ приводитъ, что младшій сынъ Ісаака получаетъ наслѣдство, на что—къ еще большему удивленію его—послѣдовало благословеніе Божіе. Изъ примѣровъ праотцевъ: что великій князь Іоаннъ Васильевичъ III назначилъ, 4-го февраля 706, наслѣдникомъ престола внука своего Димитрія, который былъ короновалъ въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Симеономъ. Апрѣля 11-го 710 года Іоаннъ прогнѣвался на Димитрія; запретилъ величать его титуломъ великаго князя; посадилъ въ темницу и, 14-го апрѣля, объявилъ сына своего Василія Ивановича наслѣдникомъ престола, и тотъ же Симеонъ короновалъ Василія.

Можетъ быть покажется страннымъ, что *иноземецъ* входитъ въ такія подробности русской исторіи, и противоставляетъ свои замѣчанія заключеніямъ русскаго писателя, извѣстнаго своими историческими знаніями.

Вольтеръ, въ свои исторіи Петра Великаго, даетъ на этотъ счетъ слѣдующее мнѣніе:

«C'est aux historiens nationaux d'entrer dans tous les détails des fondations, des lois, des guerres et entreprises de Pierre le Grand. Il suffit à un étranger d'avoir essayé de montrer ce que fut le grand homme, etc». (*)

Мы надѣемся, что встрѣтимъ снисхожденіе въ нашихъ читателяхъ къ тому, что, защищая великаго человѣка, къ которому наша любовь и участіе постепенно возрастали, мы отступили отъ обѣщанной нами въ началѣ скромности и, увлекшись своимъ предметомъ, подъ конецъ говорили съ возрастающимъ гнѣвомъ. Мы дѣйствительно были намѣрены возражать знаменитому писателю съ полнымъ спокойствіемъ духа, но на дѣлѣ вышло иначе. И потому желательно, чтобы нашелся такой посредникъ, который, сравнивая наши мнѣнія съ мнѣніями г. Погодина, достигъ золотой середины.

(*) «Входить подробно въ описанія учрежденій, законовъ, войнъ и предпріятій Петра Великаго, есть обязанность историковъ туземныхъ. Для иностранца достаточно только усилія показать, чѣмъ былъ этотъ великій человѣкъ.